

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ



44 2019
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 44 (282) / 2019

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук (Узбекистан)
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кожурбаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Давид Гильберт* (1862–1943), немецкий математик-универсал.

Давид Гильберт родился в городке Велау (Пруссия) в семье окружного судьи. Отличных результатов в математике Давид добился уже в юном возрасте. Юноша окончил гимназию Вильгельма и сразу поступил в Кенигсбергский университет, где подружился с Германом Минковским и Адольфом Гурвицем. Вместе они часто совершали долгие «математические прогулки», где деятельно обсуждали решение научных проблем; позднее Гильберт ввел в практику такие прогулки как неотъемлемую часть обучения своих студентов.

Спустя год после защиты диссертации по теории инвариантов Гильберт стал профессором математики в Кенигсберге. К чтению лекций Гильберт относился чрезвычайно добросовестно и со временем заслужил репутацию блестящего преподавателя.

Гильберт сумел решить «проблему Гордана», часто называемую основной теоремой теории инвариантов, и доказал существование базиса для любой системы инвариантов (сам Гордан смог доказать только частный случай теоремы для бинарных форм). Доказательство Гильберта было неконструктивно (он доказал существование базиса, но не указал, как его можно реально построить) и вызвало критику; тем не менее фундаментальные открытия Гильберта в теории инвариантов выдвинули его в первые ряды европейских математиков, один из которых, Феликс Клейн, прочтя результаты, остался доволен предложенным решением и пригласил Гильберта в Геттингенский университет возглавить кафедру, которой в свое время заведовали Гаусс и Риман. На этой должности он оставался 35 лет, фактически до конца жизни.

Научное творчество Гильберта можно разделить на несколько периодов, в каждом из которых он занимался задачами только из одной области, а затем погружался в другую. Так, Гильберт вместе с Минковским начал работу над масштабным сочинением по теории алгебраических чисел *Zahlbericht* («Отчет о числах»). Издав его, Гильберт обратился

к евклидовой геометрии. Математик, тяготевавший к аксиоматическим методам, построил более полную систему из 21 аксиомы. Итогом его размышлений стала работа *Grundlagen der Geometrie* («Основания геометрии»).

Следующие десять лет Гильберт занимался интегральными уравнениями, связывающими математику и физику. Узнав о теории Ивара Фредгольма, он подготовил работу с еще более подробным объяснением идей шведского математика. Отдельно Гильберт рассмотрел квадратичную форму специального вида, что в дальнейшем помогло сформировать понятие гильбертова пространства.

Гильберт не обошел вниманием и физику. Труды Гильберта расширили понимание кинетической теории газов, теории гравитации и электромагнетизма.

Все работы Гильберта (всего их насчитывается более 500) отличаются ясностью изложения и четкостью доказательств. Ясность и внешняя простота достигалась тем, что ученый многократно обсуждал каждую статью или раздел книги со своими учениками, прежде чем отдать ее в печать. Вместе с учениками Гильберт предложил новое формалистическое направление в математике.

Чистка германских университетов во времена прихода национал-социалистов к власти коснулась практически всех учеников Гильберта, многие из них оказались в концлагерях, большинство потеряли работу, и лишь некоторым удалось покинуть родину. Поэтому последние годы жизни ученого были временем трагического одиночества. По состоянию здоровья ему были противопоказаны долгие путешествия, и он почти безвыездно жил на своей вилле вместе с женой и немногими близкими.

Умер Гильберт в Геттингене. За его гробом шло всего около десятка человек. Он был похоронен на городском кладбище, и позже на памятнике были высечены слова, которые ученый считал девизом всей своей жизни: «Мы должны знать — мы будем знать».

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Акинина С. С.

К вопросу о справедливости уголовного наказания за экологические преступления 169

Антоникова Т. И.

Процессуальные особенности реализации судебного штрафа как института освобождения от уголовной ответственности 170

Антонов И. П., Торбенко А. О.

Правовое регулирование валютных операций 172

Антонов И. П., Торбенко А. О.

Понятие валютной операции и ее сущность ... 174

Атаманов И. Р.

Недостатки нормативного правового регулирования пределов прокурорского надзора в жилищно-коммунальной сфере 175

Аубакирова Д. Н.

Правовые основы наследования 178

Брагина Т. А.

Акты прокурорского реагирования на нарушения закона в процессуальной деятельности органов дознания и органов предварительного следствия 180

Володичева В. О.

К вопросу о допустимости применения принципа абстрактности цессии в российском правопорядке..... 185

Душкина А. А.

О риске как о цивилистической категории 186

Душкина А. А.

Правовое регулирование игр и пари в России и других странах романо-германской правовой семьи 188

Дыченкова М. Т.

Баланс интересов сторон в крупной сделке ... 190

Зайцев А. А.

Дисциплинарная ответственность муниципальных служащих в Российской Федерации 192

Зайцев А. А.

Правотворческий процесс как стадийность правотворческой деятельности 194

Ивушкин А. С.

Распределение социального жилищного фонда в практике конституционных и уставных судов РФ 196

Казанцева Д. О.

Теоретические подходы к пониманию природы и сущности местного самоуправления..... 198

Кальникайте Р. А.

Причинение тяжких последствий как результат совершения преступления по ч. 3 ст. 286 УК РФ 200

Кальникайте Р. А.

Актуальные вопросы положения субъекта в квалификации деяний по статье 286 УК РФ ... 202

Карабашева Ф. Ш., Куликова К. Б.

Правовая природа и генезис ответственности за нарушение обязательств 203

Карпенко Н. А.

Основание и порядок применения мер административного пресечения 205

Касмцкая К. И.

Деятельность органов прокуратуры по обеспечению законности нормативных правовых актов органов местного самоуправления..... 207

Кесов В. О.

Тенденции привлечения и освобождения от субсидиарной ответственности в делах о банкротстве 209

Козлов Д. Д.

Проблемы толкования норм о гражданско-правовых договорах, обусловленные юридико-техническими недостатками их строения..... 211

Коняева Е. Н.

Проблемы квалификации получения взятки при участии посредника 213

Кривоносова Я. Е.

К вопросу о проблеме правового регулирования трансплантации в Донецкой Народной Республике 216

Кудрин А. Д.

Положения, связанные с местом прокурора в судебном уголовном процессе..... 218

Лагошина С. И. Аналитический обзор нормативно-правовых актов на тему «Введение внешнего управления».....	220	Лысаченко Е. Н. Некоторые проблемные аспекты при уступке права требования в кредитных обязательствах	229
Логинов В. О. К вопросу о достоверности заключения психофизиологической экспертизы.....	223	Любый Е. П. Современное состояние коррупции в России и предложения по борьбе с ней	232
Лукьянова А. В. Судебный контроль деятельности нотариусов в Российской Федерации.....	225	Малявская Е. Ю. Исковая давность в российском гражданском праве	234
Луцяк И. М. Значение досудебного урегулирования споров для судебной системы	227	Налимова Я. А. Правовой режим имущества супругов	236
		Николаев Н. А. Продление конечного срока выполнения работ по договору строительного подряда	238

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

К вопросу о справедливости уголовного наказания за экологические преступления

Акинина Софья Сергеевна, студент;

Научный руководитель: Абанина Елена Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Согласно ст. 42 Конституция РФ каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Указанное положение основного закона нашей страны свидетельствует о важности вопроса о состоянии окружающей среды.

Проблемы экологии для всего человечества являются едва ли не самыми актуальными, потому что это главная основа жизни человечества. В связи с этим необходимо обеспечить должный уровень её охраны всеми возможными методами, в том числе и уголовно-правовыми.

Значительное число исследований в области уголовно-правовой охраны экологии не снижает актуальность вопроса достаточности регулирования экологических преступлений. Законодатель снижает уровень опасности преступлений в этой сфере, объективно не оценивая возможных последствий данных противоправных деяний. Вместе с тем за период с 2014 года по 2018 было выявлено в среднем за год 24 478 экологических преступлений, за первые девять месяцев 2019 года — 16 801 [1]. Необходимо отметить, что это только было выявлено столько преступлений, а учитывая, что одна из главных характеристик экологических преступлений — высочайший уровень латентности, можно утверждать о криминальном айсберге в этой области [2, 10]. При этом абсолютное большинство составов в гл. 26 УК РФ — преступления небольшой или средней тяжести. Как оценивать подобное отношение законодателя к экологическим преступлениям, с точки зрения уголовного закона, а соответственно и регламентацию уголовной ответственности за деяния, имеющие столь высокую степень общественной опасности?

Высочайшая вредоносность — очевидное свидетельство социальной опасности посягательств на окружающую среду. Ущерб, который причиняется естественной среде обитания человека и самому человеку, а также об-

ществу и, в конечном счете, государству, часто не поддается исчислению [3, 13].

Составы преступлений в УК РФ закрепляются по принципу «вперед то, что наиболее опасно». Глава 26 УК РФ находится в третьем разделе Особенной части уголовного закона «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», при этом упомянутая глава является третьей в названном разделе. Но позволите, разве экология — не главное условие нормального существования живых организмов, в том числе и человека? Разве сможем ли мы жить вне благоприятной окружающей среды? Полагаю, что нет, в связи с чем необходимо на уровне законодательной техники повысить степень общественной опасности экологических преступлений, расположив их первыми в Особенной части УК РФ. Да, глобальные последствия экологических преступлений отсрочены во времени своего наступления, возможно они скажутся только через несколько поколений, но именно в этом и заключается их главная негативная черта — обладание накопительным свойством, что однозначно приведет к необратимым последствиям.

По экологическим причинам в России ежегодно преждевременно умирает от 240 до 320 тыс. человек. В сокращении населения на долю экологических процессов приходится не менее 30–40%. По уровню генетических мутаций человека население РФ находится у порога генетического вырождения (в среднем 10% новорожденных имеют отклонения генетического характера) [4, 292]. При этом, как упоминалось ранее, главе 26 УК РФ только 7 из 45 составов являются тяжкими преступлениями, особо тяжкие преступления в этой главе вовсе отсутствуют. В 8 составах экологических преступлений отсутствует наказание в виде лишения свободы, также в большинстве составов преступлений главы 26 УК РФ предусматривающих санкцию в виде лишения свободы не установлен её нижний предел, что даёт возможность судьям лишать свободы лиц, виновных в совершении экологиче-

ских преступлений, на минимальный срок. Однако, это не главная проблема в правоприменительной деятельности. Исходя из анализа судебной практики по делам об экологических преступлениях, можно прийти к выводу, что виновным не назначают наказание в виде лишения свободы реально, в абсолютном большинстве случаев применяется условное лишение свободы. Например, приговором Балаковского районного суда Саратовской области от 04 апреля 2019 года Бридов Г.И. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ с назначением ему наказание в виде одного года лишения свободы. На основании ст. 73 УК РФ, назначенное Бридову Г.И. наказание в виде лишения свободы, считать условным с испытательным сроком один год [5]. При этом необходимо отметить, что состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 260 УК РФ, относится к тяжким преступлениям, но даже в этом случае суд, нарушая принцип справедливости уголовного права, приговаривает лицо к лишению свободы условно. На основании этого можно утверждать, что наказуемость рассматриваемых преступлений как со стороны законодателя, так и со стороны правоприменителя недостаточная.

Воздействие на окружающую среду при совершении преступления в сфере экологии оказывает негативное влияние не только на человека, но и на окружающую природную среду, поэтому вопрос соотношения нанесенного ущерба и справедливости наказания является актуальным и не решенным [6, 506–507]. На примере ранее указанного приговора суда, можно отметить, что лицу за

совершенное преступление назначено наказание в виде лишения свободы условно сроком на один год, при этом осужден виновный за незаконную рубку леса. Возникает закономерный вопрос: а сможет ли вырубленный участок леса восстановиться за один год без вмешательства человека? Безусловно, это невозможно. Да, лицо привлекли к уголовной ответственности, назначили ему уголовное наказание, но ликвидации последствий, наступивших в результате совершения общественно опасного, противоправного деяния не происходит, количество насаждений не увеличивается и не компенсируется. Между тем главная цель ст. 260 УК РФ — обеспечение рационального использования и охраны лесов, но фактически она не достигается, потому что вид и степень наказания за совершенное преступление недостаточно.

Обобщая изложенное, можно утверждать, что экологические преступления — самые общественно опасные деяния, причиняющие вред или создающие угрозу причинения вреда окружающей природной среде, а как следствие и здоровью человека, подрывая биологические основы существования. Законодатель недостаточно осознает повышенную опасность этой категории преступлений, в результате чего наказания, предусмотренные санкциями статей главы 26 УК РФ являются слишком мягкими, что не соответствует ни фактической степени общественной опасности данных деяний, ни должному осуществлению превентивной функции уголовного права, а следовательно и противоречит принципу справедливости наказания.

Литература:

1. Официальный сайт МВД РФ // URL: <https://мвд.рф/reports/1/> (дата обращения: 19.10.2019)
2. Джунусова Д.Н. Экологическая преступность и ответственность за экологические преступления. М.: Издательство Академия Естествознания, 2012. Ст. 10.
3. Лопашенко Н.А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ. М.: Юрлитинформ, 2009. Ст. 13.
4. Кузнецова Н.И. Пенализация экологических преступлений: современное состояние и проблемы // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 1В. С. 290–299.
5. Приговор № 1–3/2019 1–3–3/2019 1–40/2018 от 4 апреля 2019 г. по делу № 1–3/2019 Балаковского районного суда Саратовской области // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Fbk8z6ojTT1O/> (дата обращения: 19.10.2019).
6. Дубовик О.Л. Применение ответственности за экологические правонарушения. М.: Городец, 2007. Ст. 506–507.

Процессуальные особенности реализации судебного штрафа как института освобождения от уголовной ответственности

Антоникова Татьяна Игоревна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Ключевые слова: судебный штраф, освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела, уголовный закон.

Институт освобождения от уголовной ответственности известен российскому уголовному праву уже

более полувека. Не стоит забывать, что на практике освобождение от уголовной ответственности по разным ос-

нованиям существовало фактически на всей протяженности истории, то данный институт берет свое начало еще из истоков зарождения самой уголовной ответственности [1].

В настоящее время законодателем предусмотрены такие основания для освобождения от уголовной ответственности как деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, возмещение причиненного ущерба и истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности. В 2016 году Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 323 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в уголовном законодательстве появился новый вид освобождения от уголовной ответственности — «судебного штрафа». Ранее такое понятие в уголовном законодательстве не использовалось. Отличительной чертой данного института явилось назначение виновному лицу одновременно с освобождением от уголовной ответственности такой меры уголовно-правового характера как судебный штраф.

Положениями статьи 104.1 УК РФ определено, что судебный штраф есть денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных статьей 76.2 УК РФ [2]. При этом в самом уголовном законе присутствует такое понятие как «штраф», также являющееся денежным взысканием, налагаемым на лицо, совершившее преступление. По своей сути понятия судебный штраф и штраф-наказание идентичны, механизм воздействия на лицо, совершившее преступление, у них схож: принудительное лишение денежных средств. Однако последнее выполняет функцию кары, наказания, тогда как судебный штраф по своей сути заменяет наказание для лица, освобожденного от уголовной ответственности.

Уголовным законом определены условия освобождения судом от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, с назначением ему судебного штрафа. Так, первым условием является совершение лицом преступления небольшой или средней тяжести, при этом такое преступление должно быть совершено впервые.

Вторым условием является проявление позитивного посткриминального поведения, то есть лицо должно возместить ущерб, причиненный преступлением, или загладить вред иным способом, при этом законодательного определения иных способов не существует. Постановлением Пленума Верховного суда от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» установлено, что под «заглаживаем вред» следует понимать имущественную, в том числе денежную, компенсацию морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение потерпевшему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате

преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства [3].

Механизм освобождения от уголовной ответственности построен следующим образом:

1) предварительно устанавливается выполнение всей совокупности требований к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, определенных ст. 76.2 УК РФ;

2) в стадии досудебного производства по уголовному делу перед судом возбуждается ходатайство о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Если соответствующее ходатайство было заявлено в стадии судебного производства по уголовному делу, суд разрешает вопрос о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа;

3) при подтверждении в ходе судебного производства выполнения всех требований ст. 76.2 УК РФ суд выносит постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа с указанием его размера, а также сроков уплаты. С момента вступления в силу постановления суда лицо приобретает статус освобожденного от уголовной ответственности;

4) лицо, освобожденное от уголовной ответственности, обязано уплатить определенную судом сумму штрафа.

Соответственно, возможны два варианта: лицо, выполнившее возложенную на него обязанность, освобождается от всяких притязаний органов уголовного преследования или в отношении лица, уклонившегося от уплаты судебного штрафа в установленный срок, по представлению судебного пристава-исполнителя суд отменяет постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении судебного штрафа, что влечет возобновление производства по уголовному делу в общем порядке.

Следует отметить, что институт судебного штрафа имеет серьезные недоработки теоретического характера, которые на практике порождают определенные проблемы.

Так, например, существует некоторая неопределенность в вопросе определения размера назначаемого судебного штрафа, появившаяся ввиду того, что сфера применения указанной статьи действует на все категории преступлений небольшой и средней тяжести неограниченно. Кроме того, отсутствуют правила назначения окончательного размера судебного штрафа в случае освобождения по нескольким статьям Особенной части УК РФ, а также минимального и максимального порога размера судебного штрафа.

Увельским районным судом Челябинской области прекращено уголовное дело в отношении подсудимого М., который был обвинен в нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортного средства, повлекшего по неосторожности смерть трех лиц по ч. 5 ст. 264 УК РФ, с назначением судебного штрафа в 10 000 рублей [4]. В то же время, Свердловский районный суд г. Белгорода прекратил уголовное дело в отношении подсудимого О., обвиняемого в нарушении правил

дорожного движения и эксплуатации транспортного средства по ч. 1 ст. 264 УК РФ, с назначением судебного штрафа в размере 120 000 рублей [5].

Является крайне актуальным вопрос: чем руководствуются суды, определяя размер судебного штрафа. Статья 104.5 УК РФ имеет прямое указание, что должны учитываться тяжесть совершенного преступления, имущественное положение лица, а также возможность получения дохода в будущем лицом, освобождаемым от уголовной ответственности. Однако такие нечеткие критерии оставляют судам слишком большие возможности при

определении размера судебного штрафа, что в свою очередь порождает ситуацию, противоречащую принципам уголовного права.

Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа — это уникальный по своему содержанию механизм освобождения от уголовной ответственности, имеющий ряд проблем, связанных с несовершенством законодательства в этой сфере. Указанные выше проблемы существенно затрудняют применение судебного штрафа и требуют устранения на законодательном уровне.

Литература:

1. Файзуллина Д. Р. История развития института освобождения от уголовной ответственности и наказания в России // Актуальные проблемы экономики и права. — 2008. — № 2. — С. 6.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N63-ФЗ // Правовая система Гарант. URL: <http://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 01.10.2019).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Правовая система Гарант. URL: <http://base.garant.ru/70404388/> (дата обращения: 31.10.2019).
4. Постановление Увельского районного суда Челябинской области от 19 апреля 2019 г. по делу № 1–45/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 22.10.2019).
5. Постановление Свердловского районного суда г. Белгород от 23.03.2018 г. по делу № 1–70/2018 // Судебное делопроизводство Свердловского районного суда г. Белгород. — URL: <https://sverdlovsky-blg.sudrf.ru/> (дата обращения: 31.10.2019).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N174-ФЗ // Правовая система Гарант. URL: <http://base.garant.ru/12125178/> (дата обращения: 01.10.2019).
7. Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 323 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Правовая система Гарант. URL: <https://base.garant.ru/71435376/#help> (дата обращения: 28.10.2019).
8. Уголовное право России. Общая часть: учебник: в 2 ч. Ч. II / под ред. Н. А. Лопашенко. — М., 2015.
9. Марченко А. А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2018. — № 4. — С. 54–61.
10. Пикуров Н. И. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: юридическая природа и перспективы применения // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XIV Международ. науч. — практ. конф. (26–27 января 2017 г.). — 2017.

Правовое регулирование валютных операций

Антонов Игорь Петрович, кандидат юридических наук, доцент;

Торбенко Артём Олегович, студент магистратуры

Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье рассматриваются особенности современного правового регулирования валютных операций.

Ключевые слова: валютные операции, правовое регулирование валютных операций.

Главным нормативно-правовым актом, регулирующим валютные отношения, является Федеральный закон от 13.10.2008 N173-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О дополнительных мерах по поддержке финансовой системы Российской Федерации» [1].

Различают основные принципы валютного законодательства: принцип «разрешается все, что не запрещается» — при отсутствии установленного порядка проведения операции с валютой, операцию проводят без определенных ограничений; принцип «прямого дей-

ствия» — операции, по которым предусмотрено регулирование, должны быть обозначены в законе; ограничения по осуществлению операций с валютой прописаны в законе — нельзя устанавливать другие требования к проведению операций в валюте, кроме тех, которые уже прописаны; исключение индивидуальных ограничений [2].

Под валютным законодательством подразумевают правовые нормы, принципы организации валютных операций, а также организацию контроля за соблюдением нормативно-законодательной базы по валютным операциям.

Блоки валютного законодательства:

Первый блок — документы нормативного и законодательного характера, которые направлены на регулирование и контроль валютных операций.

Второй блок — это законодательная и нормативная база по регулированию внешнеэкономической деятельности, деятельности организаций с функциями валютного регулирования и контроля, и организаций проводящих сделки с использованием валютных ценностей. (Закон «Об организованных торгах» [3], «О банках и банковской деятельности» [4] и т.д.).

Третий блок — блок общих законов (Конституция, Кодексы). Совершенствование валютного законодательства проходит путем проведения соответствующих мероприятий органами государственного управления в сфере валютного регулирования. За последнее время валютное законодательство в России развивалось на пути к либерализации.

14 мая 2018 г. вступил в силу Федеральный закон № 325-ФЗ от 14 ноября 2017 г. «О внесении изменений в статьи 19 и 23 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» («Закон») [5].

Целью принятия Закона являлось устранение условий, способствующих нарушениям в сфере валютного регулирования [2]. В частности, Закон внес значительные изменения в процедуру банковского контроля над операциями, проводимыми между резидентами и нерезидентами.

Основные вводимые Законом изменения заключаются в следующем:

1. Установлены новые требования по срокам взаимодействия резидентов и нерезидентов.

Стороны внешнеэкономического контракта обязаны указывать в контракте конкретные сроки исполнения обязательств. В частности, при осуществлении внешне-торговой деятельности резиденты обязаны предоставлять в банк сведения о сроках получения денежных средств от нерезидентов, а также о сроках исполнения нерезидентами обязательств по контракту.

Таким образом, в банк теперь нужно сообщать именно о конкретных сроках поступления денежных средств или передачи исполненного по контракту, а не об ожидаемых максимальных сроках, как это было ранее.

2. Расширен перечень оснований, по которым банки могут отказывать в осуществлении валютной операции

В соответствии с предусмотренными Законом изменениями банк вправе отказать в проведении валютной операции по следующим основаниям:

- непредставление запрошенных банком документов;
- представление недостоверных документов;
- представление документов, не отвечающих требованиям законодательства;
- нарушение резидентом валютного законодательства в части исполнения своих обязанностей, соблюдения требований к проведению валютных операций между резидентами или ведению счетов в иностранных банках.

Ранее банк мог отказать только в первом или во втором из указанных случаев.

3. Вводится административная ответственность для должностных лиц за правонарушения в сфере валютного законодательства в части осуществления незаконных валютных операций, невыполнение требования о репатриации денег, а также невозврат предоплаты

Ранее ответственности подлежали исключительно лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица (индивидуальные предприниматели). Сейчас же ответственными будут являться все должностные лица, в том числе и руководители и иные работники, выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции [6].

За совершение указанных правонарушений должностное лицо будет оштрафовано на сумму от 20 000 до 30 000 рублей, за аналогичный проступок предусмотрена дисквалификация на срок от 6 месяцев до 3 лет.

Таким образом, введенные Законом изменения в очередной раз усилили контроль банков за проведением валютных операций между резидентами и нерезидентами. Ожидается, что нововведения помогут устранить условия, способствующие нарушениям в сфере валютного регулирования.

Помимо вышеуказанных изменений, нововведения в области валютного законодательства коснулись и заработной платы работников, выполняющих трудовые функции за пределами России. Теперь им предоставлена возможность получать заработную плату в иностранной валюте на счет в банках, находящихся в том числе и за пределами РФ.

В связи с указанными изменениями валютного законодательства, соответствующие изменения внесены и в Трудовой кодекс Российской Федерации [7].

С присоединением Крыма в банковской системе РФ возникли большие трудности в ее деятельности. Санкционной политикой Европы и Соединенных Штатов был ограничен поток капитала в российскую экономику, иностранными инвесторами стала массово покидаться опальная страна [2].

В этот же период стали явно видны и недоработки российской банковской системы. Механизмы финансирования компаний, принцип образования цен в недрах фондовой биржи, вложение капитала в иностранную валюту, а не в отечественную экономику более подтверждали желание банков работать на себя, а не на государство.

Литература:

1. Федеральный закон от 13.10.2008 N173-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О дополнительных мерах по поддержке финансовой системы Российской Федерации» //Российская газета. N214. 14.10.2008.
2. Бондарева С. И. Правовое регулирование валютных операций банков Российской Федерации //Аллея науки. — 2018. — № 7. — с. 832–836.
3. Федеральный закон от 21.11.2011 N325-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об организованных торгах» //Российская газета. N266с. 26.11.2011.
4. Федеральный закон от 02.12.1990 N395–1 (ред. от 27.12.2018) «О банках и банковской деятельности» //Собрание законодательства РФ. 05.02.1996. N6. ст. 492. Федеральный закон от 14.11.2017 N325-ФЗ «О внесении изменений в статьи 19 и 23 Федерального закона »О валютном регулировании и валютном контроле« и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» //Собрание законодательства РФ. 20.11.2017. N47. ст. 6851.
5. Новеллы в области валютного законодательства // <http://www.lidings.com/ru/>
6. Люкшин А. М. Ключевые проблемы валютного рынка России в современных условиях //Государство и бизнес. современные проблемы экономики. — 2018. — с. 231–235.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N197-ФЗ (ред. от 01.04.2019) //Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. N1 (ч. 1).ст. 3.

Понятие валютной операции и ее сущность

Антонов Игорь Петрович, кандидат юридических наук, доцент;
Торбенко Артём Олегович, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье рассматривается понятие валютной операции, ее сущность. Особое внимание уделено квалификации валютных операций.

Ключевые слова: валютные операции, виды валютных операций валютное регулирование.

Валютные операции являются составной частью валютной политики России. Они напрямую связаны с вывозом и ввозом капитала, воздействуют на экономический рост, влияют на курс национальной валюты [1].

Целесообразность обращения к данной теме во многом предопределена взятым курсом на изменение валютного законодательства в направлении либерализации. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» [2] имеет 50 редакций: в 2019 г. в закон трижды вносились изменения, в 2018 году действовало 10 редакций закона (для сравнения Закон Республики Беларусь № 226-З от 22 июля 2003 г. «О валютном регулировании и валютном контроле» имеет всего 6 редакций) [3].

Несмотря на то, что термин «валютная операция» является основополагающим для валютного законодательства, его определение отсутствует в принятых и действующих законах РФ. Исправить существующий пробел, решить проблему классификации валютных операций, определить их сущность предприняли такие ученые, как В. А. Бублик, Э. К. Мингалеева, И. В. Погодина, О. Н. Пакова и многие другие.

В зависимости от целей участников валютного рынка валютные операции делятся на следующие виды [4]:

- 1) Валютообменные или конверсионные.
Покупка или продажа иностранной валюты используется для получения прибыли на других рынках, прибыль от самой конверсии обычно незначительна.
- 2) Спекулятивные и/или арбитражные операции.
Основная цель таких операций — получение прибыли. Арбитраж — это одновременная покупка и продажа одного финансового инструмента с целью получения прибыли на разнице в ценах. Спекуляция — это покупка или продажа финансовых инструментов с целью получения прибыли от изменения их цен.
- 3) Хеджирование валютных рисков.
Это процесс нейтрализации валютных рисков, основанных на использовании соответствующих видов срочных финансовых инструментов.
- 4) Иностранное инвестирование.
В данном случае участник валютной операции ставит главной целью не извлечение прибыли из самого обмена валют, а рост капитала в долгосрочном плане в результате осуществления инвестиций на международных рынках.
- 5) Международный трансферт платежей.
Основное назначение таких трансфертов — обеспечение глобального перемещения денежных средств и других валютных ценностей.

Также существует перечень валютных и иных операций резидентов и нерезидентов согласно Приложению 1 к Инструкции Банка России от 16.08.2017 N181-И (ред. от 05.07.2018) [5]. В данной инструкции валютные операции разделены по группам с 1 по 99. Внутри групп валютные операции также имеют градацию по кодам.

Таким образом, валютные операции — это действия, направленные на исполнение или иное прекращение обязательств с валютными ценностями и использование их в качестве средств платежа, а также в иных случаях, предполагающих переход прав собственности.

Литература:

1. Каранец С. М. Современная классификация валютных операций // Ученые записки Санкт-петербургского имени В. Б. Бобкова филиала российской таможенной академии. — 2019. — № 2. — с. 50–54.
2. Федеральный закон от 10.12.2003 N173-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства РФ. 15.12.2003. N50. ст. 4859.
3. Закон Республики Беларусь № 226-З от 22 июля 2003. «О валютном регулировании и валютном контроле» // Официальный сайт: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь.
4. Ильина Т. Г., Тарасов А. В., Некрытая А. И. Виды инструментов и операций на валютном рынке РФ // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. — 2016. — № 12. — с. 5–17.
5. Инструкция Банка России от 16.08.2017 N181-И (ред. от 05.07.2018) «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций, о единых формах учета и отчетности по валютным операциям, порядке и сроках их представления» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.10.2017 N48749) // «Вестник Банка России», N96–97, 16.11.2017.
6. Федеральный закон от 13.10.2008 N173-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О дополнительных мерах по поддержке финансовой системы Российской Федерации» // Российская газета. N214. 14.10.2008.
7. Федеральный закон от 14.11.2017 N325-ФЗ «О внесении изменений в статьи 19 и 23 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 20.11.2017. N47. ст. 6851.
8. Федеральный закон от 28.06.2013 N134-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.01.2018) // «Российская газета». — N141. — 02.07.2013.
9. Федеральный закон от 10.07.2002 N86-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. 15.07.2002. N28. ст. 2790.
10. Федеральный закон от 02.12.1990 N395–1 (ред. от 27.12.2018) «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 05.02.1996. N6. ст. 492.
11. Инструкция Банка России от 16.08.2017 N181-И (ред. от 05.07.2018) «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций, о единых формах учета и отчетности по валютным операциям, порядке и сроках их представления» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.10.2017 N48749) // «Вестник Банка России», N96–97, 16.11.2017.
12. Закон СССР от 26.05.1988 N8998-XI (ред. от 07.03.1991, с изм. от 15.04.1998) «О кооперации в СССР» (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. 1988. N22. ст. 355.

Недостатки нормативного правового регулирования пределов прокурорского надзора в жилищно-коммунальной сфере

Атаманов Игорь Ростиславович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Ключевые слова: законодательство, прокуратура Российской Федерации, прокурорский надзор, жилищно-коммунальное хозяйство

Вопросы соблюдения прав граждан на бесперебойное получение коммунальных услуг надлежащего качества отличаются высоким уровнем актуальности. В совре-

менных условиях урбанизации общества, широкого развития жилищного строительства жилищно-коммунальная сфера ежегодно привлекает значительные денежные

средства из бюджетов всех уровней, что стимулирует субъекты предпринимательской деятельности занять экономически выгодную нишу на рынке коммунальных услуг.

В соответствии со сведениями, представленными Федеральной службой государственной статистики, по состоянию на 01.01.2019 население Российской Федерации составляет 146,8 млн человек, из которых 109,4 млн человек (74,59%) проживают в городах и населенных пунктах городского типа [1].

Более 9,9 млн человек проживают на территориях с неблагоприятными климатическими условиями — в районах Крайнего Севера, а также местностях, приравненных к районам Крайнего Севера. Указанные обстоятельства порождают необходимость более тщательного осуществления надзора за подготовкой муниципальных образований к осенне-зимним периодам. Своевременность формирования неснижаемого запаса топлива для котельных, надлежащее состояние сетей теплоснабжения и иных элементов коммунальной инфраструктуры, подготовка жилого фонда к эксплуатации в отопительный период, принятие надлежащих мер к обслуживанию общего имущества многоквартирных домов в зимнее время — включая оперативное удаление снежных масс с кровель домов и расчистку придомовых территорий с целью предупреждения травматизма граждан — все эти, а также многие другие обстоятельства не должны оставаться без внимания как контрольно-надзорных органов, так и надзирающих прокуроров.

По информации Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства на территории Российской Федерации располагаются 1 012 529 многоквартирных жилых домов общей площадью 2 704 884 761 кв. м [2].

В силу ч.ч. 1, 1.1. ст. 161 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ) управление многоквартирным домом должно обеспечивать благоприятные и безопасные условия проживания граждан, надлежащее содержание общего имущества в многоквартирном доме, решение вопросов пользования указанным имуществом, а также предоставление коммунальных услуг гражданам, проживающим в таком доме, или в случаях, предусмотренных статьей 157.2 настоящего Кодекса, постоянную готовность инженерных коммуникаций и другого оборудования, входящих в состав общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме, к предоставлению коммунальных услуг [3].

Концентрация населения в городах, поселках городского типа, развитие жилищного строительства стимулируют значительный спрос на коммунальные услуги. С учетом того, что в современных условиях развития общества потребность граждан в бесперебойном получении централизованных жилищно-коммунальных услуг надлежащего качества возможно отнести к категории базовых, рынок коммунальных услуг представляет особый интерес для субъектов предпринимательской инициативы.

Конституция Российской Федерации гарантирует право гражданина на свободное использование своих спо-

собностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [4].

Пунктом 2 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 06.05.2011 № 354, определено понятие ресурсоснабжающей организации как юридического лица независимо от организационно-правовой формы, а также индивидуального предпринимателя, осуществляющего продажу коммунальных ресурсов (отведение сточных вод) [5].

Исходя из положений п. 1 ч. 1 ст. 193 ЖК РФ, к осуществлению лицензируемой деятельности по управлению многоквартирными домами допускаются как юридические лица, так и индивидуальные предприниматели.

В силу положений ч. 4 ст. 20 ЖК РФ предметом осуществляемых органами государственного жилищного надзора, муниципального жилищного контроля проверок является соблюдение органами государственной власти, органами местного самоуправления, юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями обязательных требований.

Согласно п.п. 1, 3 ст. 23 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

К предпринимательской деятельности граждан, осуществляемой без образования юридического лица, соответственно применяются правила настоящего Кодекса, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа правоотношения [6].

В соответствии с требованиями гл. VII.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» физические лица подлежат регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей [7].

При этом, исходя из положений гл. 4 ГК РФ, законодателем понятия юридического лица и организации лексически приравниваются друг к другу.

Между тем органами прокуратуры осуществляется надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина, в том числе, органами власти Российской Федерации, ее субъектов, органами местного самоуправления, контрольно-надзорными органами, их должностными лицами, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций; за соответствием федеральному и региональному законодательству издаваемых ими правовых актов.

Исходя из назначения органов прокуратуры, принимая во внимание предмет прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства, возможно сделать вывод о том, что органы прокуратуры не осуществляют

надзор за законностью деятельности физических лиц, не обладающих статусом должностного лица в органах и организациях, перечисленных в ст. ст. 21, 26 Закона о прокуратуре [8].

С учетом изложенного организация прокурорского надзора за деятельностью индивидуальных предпринимателей в условиях ныне сложившейся правовой регламентации не представляется возможной.

Вместе с тем, поскольку деятельность граждан, в том числе, и индивидуальных предпринимателей, не подлежит включению в предмет надзорной деятельности прокурора, то принятие мер прокурорского реагирования при установлении факта нарушений со стороны индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность в сфере предоставления коммунальных услуг, и как следствие — надлежащая защита и восстановление нарушенных прав и свобод потребителей таких услуг осуществляться не могут ввиду отсутствия соответствующего правового механизма [9].

Надзор за исполнением федерального законодательства представляет собой основополагающую отрасль прокурорской деятельности. Так, при реализации возложенных Законом о прокуратуре полномочий обеспечивается функционирование механизма реализации прав и свобод физических лиц, надлежащая защита публичных и социальных интересов, укрепляется законность в деятельности органов власти и непубличных организаций, как на федеральном и субъектовом, так и на местном уровнях.

В другом случае органами прокуратуры реализуются мероприятия профилактического характера, направленные на предупреждение правонарушений во всех сферах общественной деятельности. Реализация предоставленной законом возможности использования комплекса мер прокурорского реагирования позволяет не только предупреждать нарушения законодательства в будущем, но и пресекать их на начальных стадиях подготовки и совершения, возлагать на компетентных должностных лиц обязанность по их устранению.

При этом п. 1.1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 03.03.2017 № 140 надзор за исполнением законов в жилищно-коммунальной сфере определен в качестве одного из приоритетных направлений прокурорской деятельности, который надлежит осуществлять комплексно и гласно, во взаимодействии с органами государственной власти и местного самоуправления, правоохранительными и контрольно-надзорными органами, общественными организациями [10].

Литература:

1. Федеральная служба государственной статистики: URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 22.10.2019)
2. Государственная корпорация — Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства: URL: <https://www.reformagkh.ru/> (дата обращения: 22.10.2019)
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 03.01.2005, № 1 (часть 1), ст. 14 (ред. от 26.07.2019)

Действующее федеральное законодательства допускает возможность осуществления деятельности по предоставлению коммунальных услуг индивидуальными предпринимателями наравне с юридическими лицами. При этом Закон о прокуратуре не дает прокурорам возможности осуществлять полноценный надзор за их деятельностью.

С учетом ограничений, установленных Федеральным законом от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», а также невозможности обеспечения наличия в каждом муниципальном образовании территориальных подразделений органов государственного жилищного надзора, экологического, технологического и атомного надзора, в настоящее время сложилась негативная ситуация, при которой индивидуальные предприниматели, осуществляющие деятельность в анализируемой сфере, фактически «выпадают» из поля зрения государственных органов, что влечет невозможность своевременного выявления и пресечения нарушений.

При таких обстоятельствах представляется необходимым уточнение пределов прокурорского надзора с включением в круг объектов надзора индивидуальных предпринимателей.

В этой связи предлагается внести изменения в ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре», изложив п. 2 в следующей редакции:

«В целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства прокуратура Российской Федерации осуществляет:

надзор за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, индивидуальными предпринимателями, а также за соответствием законам издаваемых ими правовых актов».

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993), ст. 34
5. Правила предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов: постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 // «Собрание законодательства РФ», 30.05.2011, № 22, ст. 3168
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301 (ред. от 18.07.2019, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019)
7. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ // «Российская газета», № 153–154, 10.08.2001 (ред. от 27.12.2018, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019)
8. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 // Российская газета — 18.02.1992, № 39 (ред. от 27.12.2018, с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019)
9. Скачкова А. Е. Внешние пределы прокурорского надзора за исполнением бюджетного законодательства // Законность. 2015. № 12. С. 12–15.
10. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в жилищно-коммунальной сфере: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 03.03.2017 № 140 // Официально опубликован не был

Правовые основы наследования

Аубакирова Динара Ниязбековна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Наследование представляет собой один из древнейших правовых институтов, который сопровождает любую общественно-экономическую формацию, поскольку каждый человек рано или поздно становится наследником, получая завещанное или перешедшее к нему по закону имущество, и наследодателем, когда при жизни распоряжается принадлежащим ему имуществом на случай своей смерти. Поэтому наследственное право было, остается и будет актуальным в любом государстве.

Практика свидетельствует, что споры о наследстве всегда были одними из наиболее трудно разрешимых даже в отношении вещей, являющихся традиционным объектом наследственного права ещё со времен Римской империи. Вопросы наследственного права и сегодня привлекают большое внимание юридической науки, а также практикующих юристов. Огромное значение института наследования в обществе обусловлено тем, что он затрагивает интересы почти каждого гражданина и интерес этот обусловлен изменениями в экономической и политической жизни общества, которые повлияли на состояние имущественных отношений. У многих россиян в результате приватизации и иных рыночных реформ появилась дорогостоящая собственность — квартиры и земельные участки, некоторым принадлежат ценные бумаги — акции, облигации и т.д. Для большинства граждан нашей страны вопрос о судьбе их имущества после смерти либо о получении имущества в наследство перестал быть безразличным.

Граждане часто задают вопросы касательно толкования закона в сфере наследственного права. Чаще всего вопросы касаются наследников различной очереди, сроков и способов принятия наследства и есть ли каки-

е-нибудь права на имущество умершего, если человек не указан в завещании.

В данной статье я хотела бы рассмотреть правовые основы наследования и провести оценку насколько четко вопрос принятия наследства урегулирован в Российском законодательстве.

Наследование в Российской Федерации регулируется гражданским кодексом и другими федеральными законами. Основаниями для наследования являются: завещание и закон. Наследование по закону применяется тогда, когда оно не регулируется завещанием, а также в иных случаях, указанных в Гражданском кодексе.

Наследство в Российской Федерации является единственным способом передачи имущества в случае смерти. Имущество покойного (собственность, права и обязанности) передается другим лицам путем наследования, в неизменной и единой форме. Важным фактом является то, что наследники не имеют права отказываться от части наследственного имущества. Например, невозможно принять активы умершего и отказаться от долгов.

Российское наследственное право основывается на Гражданский кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Основное законодательство Российской Федерации о нотариальной системе. Российская Федерация является участником некоторых международных договоров, касающихся международной правовой помощи, в частности: Конвенции о предоставлении за рубежом судебных и внесудебных документов по гражданским или коммерческим вопросам (Гаага, 15.XI.1965) [1]; Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинев, 07.X.2002) [2];

Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22.I.1993)[3].

Завещание как способ структурирования наследства должна создаваться лично и содержать диспозиции только одного человека. Он не может быть создан через представителя и не может быть создан двумя или более лицами. Как правило, завещание составляется в письменной форме и заверяется нотариусом. Несоблюдение этих правил приводит к недействительности воли.

Умерший может распоряжаться своим имуществом или его частью с помощью одного или нескольких завещаний. Завещание может содержать распоряжения, касающиеся любого имущества, в частности, имущества, которое наследодатель может приобрести после оглашения завещания.

Завещатель имеет следующие права:

- передавать имущество по своему усмотрению любому лицу;
- по своему желанию определить доли наследников в наследстве;
- лишить наследства нескольких или всех законных наследников, не объясняя причин такого решения;
- включить в завещание другие приказы.

Законы о наследовании в России охватывают всех официальных резидентов, как граждан России, так и иностранцев, проживающих в стране, а также нерезидентов, владеющих собственностью в России. В таких случаях, по крайней мере, часть вашего имущества будет рассматриваться в соответствии с российским законодательством о наследовании. Этот закон распространяется на все активы российских резидентов по всему миру (как национальные, так и иностранные), за исключением недвижимости за рубежом.

Российские законы о наследовании затрагивают каждого, кто проживает (т.е. имеет свое постоянное место жительства, но не обязательно является гражданином) в Российской Федерации, а также всех, включая иностранцев, которые владеют имуществом в РФ. Общие принципы, касающиеся юрисдикции в отношении собственности:

- Принцип места нахождения имущества. Права на движимое и недвижимое имущество накапливаются и прекращаются в соответствии с законодательством страны, в которой находится это имущество.
- Права собственности на движимое имущество в пути регулируются законодательством страны отправления.

Российские законы (принцип места нахождения имущества) регулируют наследование любого имущества, находящегося или зарегистрированного в Российской Федерации, в том числе имущества, принадлежащего иностранцам, не зарегистрированных в Российской Федерации. Не проводится никаких различий между иностранцами с различными религиями или национальностями в отношении их прав и обязанностей, связанных с собственностью и наследством.

Renvoi или же «обратная отсылка» (передача правовых вопросов обратно в российские суды из иностранной юрисдикции) учитывается в отношении правового статуса всех иностранцев, в том числе имеющих право на собственность в РФ. В других случаях, если вступит в силу закон о национальном наследовании иностранца, российские суды будут применять закон иностранца, несмотря на любые нормы коллизионного права [4].

Если российские граждане владеют недвижимым имуществом за рубежом, то, как правило, российские власти применяют закон иностранного наследования, в соответствии с принципом закона места нахождения имущества. Если гражданин России владеет движимым имуществом за границей, то российские власти применяют закон о наследовании его / ее последнего места жительства.

Если никакие документы не предусматривают смерть, т.е. покойный не оставляет завещания или «завещательного распоряжения» сложный статутный порядок наследования применяется ко всем лицам, на которых распространяется российское наследственное право. Наследники по закону (только физические лица), включая детей умершего, его / ее супруга и родителей, иждивенцев-инвалидов покойного), делятся на восемь порядков очередности.

Существует законное наследование, разделенное на восемь групп. Все имущество разделено между всеми живыми наследниками самой высшей группы. Наследники из низших групп вступают в наследство, только если нет выживших членов более высоких по очередности групп или если каждый из высших групп отказался от своей доли.

Группы выглядят следующим образом:

- Группа 1: дети, супруг и родители;
- Группа 2: братья и сестры (как родные, так и сводные) и бабушка с дедушкой;
- Группа 3: тети и дяди;
- Группа 4–8: более дальние родственники, отчим, мачеха, инвалиды-иждивенцы [5].

Если нет споров, российское законодательство предусматривает, что такие дела не должны рассматриваться судом и будут рассматриваться нотариусом. Наследство должно быть принято в течение шести месяцев после открытия наследства. В некоторых случаях срок принятия наследства может быть изменен. Наследники могут отказаться от наследства в соответствии с российским наследственным законодательством.

Вся собственность в России должна быть зарегистрирована российскими властями. Существуют определенные ограничения на владение землей иностранцами, которым не разрешено владеть землей на приграничных территориях.

Права и обязанности, связанные с личностью умершего, не включаются в состав имущества. В частности, это будут следующие обязательства:

- на алименты;
- на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью человека;

— а также те, которые запрещены для наследования по закону.

Наследование может быть обеспечено по воле и по закону. В случае наследования по закону все законные наследники, которые призваны наследовать в соответствии с очередностью, наследуют в равных долях. Порядок наследования может быть изменен путем составления завещания, которое имеет приоритет при наследовании по закону.

Принятие наследства является важным шагом к наследованию. Чтобы получить наследство, наследники должны его принять. Существует два метода принятия наследства: подача заявления нотариусу, который ведет дело о наследовании и совершение имплицативных действий.

Имплицативные действия будут совершены, если наследник:

- приступил к владению или управлению имуществом наследства;
- принял меры для сохранения имущества, защиты его от посягательств или претензий третьих лиц;
- произвел на своем счете расходы на содержание имущества;

Литература:

1. Статус Гаагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 15.11.1965. (по состоянию на май 2014 г.)
2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (с изменениями на 28 марта 1997 года)
3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) (с изм. от 28.03.1997)
4. Ануфриева Л. П.. Международное частное право. Общая часть.. — Том 1. — М.: БЕК, 2002. — 288 с.
5. Круги наследников по закону — схема // naslednichki.ru. URL: (дата обращения: 07.10.2019).

— оплатил долги завещателя или получил от третьих лиц суммы, подлежащие уплате завещателю.

Наследование представляет собой процесс, включающий в себя множество правоотношений, целью которого является предоставление возможности реализовать права наследника в отношении имущества, переходящего по наследству, тогда как каждое наследственное правоотношение имеет целью реализовать конкретное право субъекта наследования, возникшее с фактом смерти наследодателя.

Подводя итог, можно сделать вывод, что институт наследования позволяет решать определенные проблемы:

- побуждает становление частной собственности;
- содействует переходу права собственности на наследственное имущество к родным лицам наследодателя;
- обеспечивает права нетрудоспособных лиц, а также иждивенцев, благодаря чему, наследодатель имеет возможность гарантировать, в случае своей гибели, материальную поддержку членам своей семьи, родственникам, любым другим лицам;
- предусматривает вероятность передачи наследственного имущества государству либо юридическим лицам.

Акты прокурорского реагирования на нарушения закона в процессуальной деятельности органов дознания и органов предварительного следствия

Брагина Татьяна Александровна, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, личности от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения ее прав и свобод, защита иных лиц, чьи права и законные интересы нарушены, а также обеспечение возможности реализации ими прав на досудебных стадиях уголовного процесса является одним из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры [1].

В этих целях прокуратура Российской Федерации реализует функцию надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного

следствия, а прокуроры наделены соответствующими полномочиями, направленными на выявление, устранение и предупреждение нарушений ими законов в уголовном судопроизводстве.

О роли прокуратуры в обеспечении законности в деятельности органов предварительного расследования свидетельствуют результаты ее работы. Только в 2018 году прокурорами при осуществлении надзора приняты меры по устранению свыше 5 млн. нарушений законов в работе указанных органов, в том числе более 3,8 млн. — в деятельности органов дознания, свыше 1,2 млн. — органов

предварительного следствия. Почти три четверти (более 3,7 млн.) указанных нарушений допущены на стадии приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях, остальные (свыше 1,4 млн.) — при производстве дознания и предварительного следствия [2].

Эта колоссальная работа осуществляется органами прокуратуры на постоянной основе, при этом результативность деятельности прокуроров увеличивается. Объем нарушений в деятельности органов предварительного расследования, выявленных прокурорами в первом полугодии 2019 года, составил 53,8% от установленных ими по итогам прошлого года [3].

В целях пресечения и предупреждения нарушений законов органами дознания и предварительного следствия, привлечения к ответственности должностных лиц, их допустивших, а также восстановления нарушенных прав, прокурорами используется весь комплекс предоставленных им законом правовых средств, включая акты прокурорского реагирования.

В законодательстве отсутствует общее понятие акта прокурорского реагирования. Однако оно содержится в проекте новой редакции федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [4].

В соответствии со статьей 22 законопроекта под актом прокурорского реагирования понимается официальный документ, исходящий от Генерального прокурора Российской Федерации, его заместителя, прокурора субъекта Российской Федерации, приравненного к нему прокурора, прокурора города, района и приравненного к ним прокурора, их заместителей (далее — прокурор или его заместитель), а в установленных федеральными законами случаях — от других прокуроров в целях реализации полномочий по предупреждению и устранению нарушений закона.

Н. В. Буланова, выделяя особенности, присущие актам прокурорского реагирования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, отметила, что указанные акты:

выносятся уполномоченными на то должностными лицами органов прокуратуры в пределах их компетенции;

определяют правовое отношение прокурора к деятельности поднадзорных государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование;

имеют четко выраженную целевую направленность, устанавливают, изменяют или прекращают уголовно-процессуальные отношения;

принимаются в установленном законом порядке;

выражаются в письменной форме и отвечают определенным требованиям к оформлению, структуре и содержанию;

обязательны для рассмотрения государственными органами и должностными лицами, которым адресованы;

могут содержать властное волеизъявление (быть актами прямого действия, обязательными для исполнения) либо действовать опосредованно [5].

Кроме того, для актов прокурорского реагирования на рассматриваемых стадиях уголовного процесса характерно следующее:

они могут содержать как требование об устранении нарушений законов (в соответствии с пунктом 3 части 2 статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; далее — УПК РФ), так и устранять нарушение (например, постановление об отмене постановления о прекращении уголовного дела) [6];

требование об устранении причин и условий, способствующих нарушениям законов, а также привлечении к ответственности виновных должностных лиц преследует цель устранения и предупреждения нарушений законов;

они могут быть направлены как на восстановление нарушенных прав и свобод участников уголовного судопроизводства, так и иных лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются в ходе досудебных стадий уголовного судопроизводства.

Учитывая перечисленные выше признаки, акт прокурорского реагирования можно определить как адресованный уполномоченным должностным лицам органов дознания, следственных органов формализованный (т.е. отвечающий требованиям закона о его форме, структуре и содержанию) официальный документ, исходящий от прокурора в пределах его компетенции при наличии предусмотренных законом оснований и в установленном законом порядке в целях реализации полномочий по устранению и предупреждению нарушений закона в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, восстановления нарушенных прав и свобод участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются в ходе уголовного судопроизводства.

Мерами активного воздействия на нарушителей в арсенале прокурора являются полномочия по применению специальных актов прокурорского реагирования, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, и применяемых только в сфере уголовного судопроизводства.

Одним из таких актов является постановление. Оно выносится прокурором в следующих случаях: при изъятии и (или) о передаче уголовного дела (материалов проверки сообщения о преступлении) по подследственности; отмене постановлений органов дознания и предварительного следствия об отказе в возбуждении уголовного дела, о возбуждении уголовного дела, о приостановлении предварительного следствия (дознания), о прекращении уголовного дела (уголовного преследования); при удовлетворении (отказе в удовлетворении) жалобы; отказе в даче согласия на избрание, отмену или изменение меры пресечения либо производство иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (применяется в отношении постановлений дознавателя); признании недопустимым (недопустимыми) доказательства (доказательств); отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (по уголовным делам, расследуемым следователями); выявлении нарушений по уголовному делу, поступившему к прокурору с обвинительным заключением (актом, постановлением), постановлением о направлении

уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера; отмене меры пресечения (в связи с нарушением следователем (руководителем следственного органа) требований части 5 статьи 109 УПК РФ и истечением предельного срока содержания обвиняемого под стражей), а также в ряде случаев, касающихся деятельности вышестоящего прокурора.

Прокурор реагирует в форме постановления в тех случаях, которые прямо указаны в нормах уголовно-процессуального закона.

Еще одним специальным актом прокурорского реагирования является требование об устранении нарушений федерального законодательства (пункт 3 части 2 статьи 37 УПК РФ). Оно выносится в остальных случаях при необходимости устранения нарушений закона в процессуальной деятельности должностных лиц органов дознания и предварительного следствия, допущенных как в ходе предварительного расследования, так и на стадии процессуальной проверки.

О наличии у прокурора полномочий по применению данного акта прокурорского реагирования на стадии возбуждения уголовного дела, к которой относится прием, регистрация и разрешение сообщений о преступлениях, обращалось внимание прокуроров в информационном письме Генеральной прокуратуры Российской Федерации по результатам обращения соответствующей практики еще в 2011 году (от 13.09.2011 № 36—20—2011) [7].

Доля указанных актов прокурорского реагирования, внесенных прокурорами на нарушения закона при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях, от общего их количества в 2018 году составила 28,6%, при этом на нарушения закона в деятельности органов дознания — 40,9%, органов предварительного следствия — 19,5%.

При решении вопроса о необходимости направления требования об устранении допущенных органом предварительного расследования нарушений федерального законодательства прокурорам предлагается руководствоваться следующими положениями:

требование прокурора подлежит направлению в орган предварительного расследования для устранения выявленных нарушений, связанных с приемом, регистрацией и разрешением конкретного сообщения о преступлении, а также с расследованием преступления по конкретному уголовному делу;

по результатам рассмотрения требования прокурора орган предварительного расследования с целью устранения выявленных нарушений должен совершить предусмотренное уголовно-процессуальным законом действие либо принять процессуальное решение, которые не относятся к компетенции прокурора, в связи с чем в резолютивной части предусмотренного пунктом 3 части 2 статьи 37 УПК РФ процессуального документа должно содержаться требование прокурора о том, какое действие либо процессуальное решение должен совершить

или принять орган предварительного расследования для устранения выявленных нарушений. При поступлении сообщения об удовлетворении требования обращать внимание на то, какие действия органа предварительного расследования совершены, какие процессуальные решения приняты для устранения нарушений, при необходимости истребовать их копии;

в постановлении об отмене незаконного или необоснованного процессуального решения органа предварительного расследования прокурор вправе указать на выявленные нарушения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, при этом направление требования об устранении этих нарушений не требуется. В случае выявления нарушений, влекущих недопустимость доказательств, следует выносить только постановление в порядке части 2 статьи 88 УПК РФ;

направление требования в связи с нарушением, которое устранить уже невозможно, представляется нецелесообразным;

при отсутствии достаточных оснований для направления требования информировать о выявленных нарушениях соответствующих руководителей следственных органов;

направление требования допускается только при выявлении нарушений закона. Реагирование на нарушения ведомственных нормативных актов в порядке пункта 3 части 2 статьи 37 УПК РФ недопустимо;

в случае несогласия с требованием прокурора и отказа в его удовлетворении обеспечивать незамедлительную подготовку и представление вышестоящему прокурору необходимых материалов для направления требования руководителю вышестоящего следственного органа.

Соответствующие рекомендации подчиненным прокурорам были даны, в частности, Главной военной прокуратурой в 2012 году в соответствующем обзоре (№ 3у-253/12) [8].

Как отмечает Н. В. Буланова, имеют место факты подготовки актов прокурорского реагирования без достаточных оснований для их принесения, на низком профессиональном уровне, с приведением недостаточной мотивировки изложенных требований, ошибочного толкования норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также случаи ошибок прокуроров в выборе подлежащего применению в конкретном случае акта прокурорского реагирования на нарушение закона в деятельности органов предварительного расследования. Подобные обстоятельства в совокупности являются причинами отклонения требований прокурора органами предварительного расследования.

Вместе с тем нельзя не отметить, что доля отклоненных органами предварительного расследования требований прокуроров является незначительной. Согласно статистическому отчету Генеральной прокуратуры Российской Федерации по форме НСД за 2018 год эта доля составляет 0,14%, за первое полугодие 2019 года — 0,19%. То есть подавляющее большинство требований прокуроров удовлетворено.

При осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия прокурор, кроме того, правомочен осуществлять реагирование на допущенные ими нарушения в форме представления, которое является актом прокурорского реагирования общего характера, предусмотренным Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», используемым и на других направлениях деятельности прокуроров [9].

Прокурор полномочен вносить представления не только на процессуальные нарушения в деятельности органов дознания, но и предварительного следствия, в том числе следственных органов Следственного комитета России (далее — СК России). Такая позиция основана на следующих обстоятельствах.

Во-первых, согласно части 5 статьи 129 Конституции Российской Федерации полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации определяются федеральным законом [10].

На основании статьи 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура Российской Федерации — единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации. Одним из направлений ее деятельности является надзор за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие (пункт 2 статьи 1).

В соответствии со статьей 29 данного Федерального закона предметом данного надзора является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими предварительное следствие.

На основании статьи 30 этого же Федерального закона полномочия прокурора в данной сфере устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами, в том числе Законом.

В свою очередь, деятельность прокурора по надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина регламентирована статьями 26–28 главы 2 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», которыми прокурору предоставлено право внести представление в орган или должностному лицу, полномочным устранить нарушения прав и свобод человека и гражданина.

Кроме того, использование прокурором полномочий по осуществлению надзора за исполнением законов СК России закреплено в статье 44 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» [11]. При этом действующие законодательные и нормативные правовые акты каких-либо ограничений полномочий прокурора не содержат.

Также необходимо исходить из того, что полномочия прокурора, предусмотренные пунктом 3 части 2 статьи 37 УПК РФ, реализуются им для устранения допущенных следователем нарушений федерального законодательства по конкретному уголовному делу.

Вместе с тем в случае выявления в работе следователей следственных органов при производстве предварительного следствия и проведении доследственных проверок повторяющихся, аналогичных нарушений, которые носят системный характер и ими нарушаются права и свободы человека и гражданина, об их устранении прокурором или его заместителем в порядке статьи 28 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» должно вноситься представление.

Таким образом, представление прокурора в адрес начальника органа дознания, а также руководителя следственного органа, в том числе СК России, об устранении нарушений закона также является одним из актов прокурорского реагирования на нарушения закона в деятельности органов предварительного расследования.

Такой вывод применительно к реагированию в адрес руководителей следственных органов изложен в Информации о разъяснении порядка применения некоторых актов прокурорского реагирования, направленной Главной военной прокуратурой военным прокурорам окружного звена (от 14.04.2011 № 3у-712) [12].

Во-вторых, сведения о реализации прокурорами полномочий по внесению представлений и информации на нарушение закона в процессуальной деятельности органов предварительного расследования отражаются в статистическом отчете по форме НСД, утвержденном приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 24.01.2017 № 20. Согласно данному статистическому отчету в 2018 году прокурорами на нарушения закона в процессуальной деятельности органов предварительного расследования внесено 85790 представлений и информации, из которых в органы дознания — свыше 45,7 тыс., органы предварительного следствия — 36,7 тыс. (в том числе в СК России — более 15,5 тыс.). В первом полугодии 2019 года всего прокурорами внесено более 46,9 тыс. таких представлений и информации, из которых в органы дознания — свыше 24,7 тыс., органы предварительного следствия — более 20,6 тыс. (в том числе в СК России — свыше 8,6 тыс.).

Правомочность внесения прокурорами представлений, в том числе в адрес руководителей следственных органов подтверждается требованиями приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» (пункт 1.23) [13]. Согласно данному приказу прокуроры должны «использовать полномочия, предоставленные пунктом 2 статьи 4, пунктом 3 статьи 22 и статьей 24 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», по внесению представлений и информированию руководителей следственного органа о состоянии законности и вы-

являемых нарушениях, если они носят систематический характер и их устранение требует принятия организационных мер, а также рассмотрения вопросов дисциплинарного воздействия в отношении нарушителей.

Таким образом, обоснованность внесения прокурами названных представлений на досудебных стадиях уголовного судопроизводства признана упомянутыми выше приказами Генерального прокурора Российской Федерации и подтверждается практикой прокурорского надзора.

Аналогичной позицией придерживается Н.В. Буланова, отмечая, что использование предусмотренных Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» актов прокурорского реагирования «позволит повысить действенность прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие». При этом она подчеркивает, что нормы закона о прокуратуре не вступают в коллизию с предписаниями УПК РФ, они не противоречат, а гармонично дополняют друг друга, позволяя при их использовании в сочетании достигнуть в кратчайшие сроки наибольшего положительного результата по предупреждению, пресечению и устранению нарушений закона, привлечению лиц, виновных в их совершении, к предусмотренной законом ответственности, восстановлению нарушенных прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Иной подход необоснованно сократит воз-

можности прокурора по реагированию на выявленные нарушения закона и, в конечном счете, будет способствовать снижению уровня правовой защищенности участников уголовного процесса».

Подводя итог, необходимо отметить, что в основе порядка применения специальных актов прокурорского реагирования на нарушения законов в процессуальной деятельности органов дознания и органов предварительного следствия, применяемых только в сфере уголовного судопроизводства (постановлений, требования), лежат нормы уголовно-процессуального закона, представления — нормы Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». В основе тех и других, кроме того, лежат требования нормативных правовых актов Генерального прокурора Российской Федерации.

Специальные акты прокурорского реагирования направлены на устранение нарушений закона по конкретному материалу проверки сообщения о преступлении либо уголовному делу.

Представление прокурора, как средство реагирования общего характера, направлено на устранение и предупреждение нарушений закона, носящих системный характер, а также причин и условий, им способствовавшим.

Реализация прокурами полномочий по принесению актов прокурорского реагирования должна осуществляться в целях оперативного устранения нарушений закона, а также их предупреждения.

Литература:

1. Приказы Генерального прокурора Российской Федерации от 27.11.2007 № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве», от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», от 26.01.2017 № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания».
2. Статистический отчет Генеральной прокуратуры Российской Федерации по форме НСид за 2018 год.
3. Статистический отчет Генеральной прокуратуры Российской Федерации по форме НСид за первое полугодие 2019 года.
4. Проект новой редакции федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».
5. Буланова Н.В. Акты прокурорского реагирования на нарушения закона, допущенные органами дознания и органами предварительного следствия в досудебных стадиях уголовного процесса // Вестник Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. — 2014. — № 4 (42).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. — М: Издательство «Омега-Л», 2019. — 295с.
7. Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 13.09.2011 № 36—20—2011.
8. Обзор практики реализации военными прокурами полномочий по направлению в следственные органы требований об устранении нарушений федерального законодательства // Главная военная прокуратура, 2012 г., № 3у-253/12.
9. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2201—1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 20.02.1992, № 8.
10. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации от 04.08.2014 № 31, ст. 4398, www.pravo.gov.ru.
11. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (статья 44 «Прокурорский надзор») // Собрание законодательства Российской Федерации от 03.01.2011 № 1, ст. 15.
12. Информация Главной военной прокуратуры военным прокурам окружного звена о разъяснении порядка применения некоторых актов прокурорского реагирования от 14.04.2011 № 3у-712.
13. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // «Законность», 2017 г., № 3.

К вопросу о допустимости применения принципа абстрактности цессии в российском правовом порядке

Володичева Влада Олеговна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Современное гражданское законодательство Российской Федерации позволяет субъектам правоотношения произвести замену стороны в обязательстве. При этом обязательство не прекращается, не теряет своей юридической силы, поскольку участнику, вступившему в правоотношения, передается определенный перечень прав и обязанностей прежнего субъекта.

Перемена лиц в обязательстве возможна в порядке универсального правопреемства (принятие наследства умершего) и сингулярного (цессия). В рассматриваемой статье будут рассмотрены положения, касающиеся сингулярного правопреемства, т.к. положения об универсальном правопреемстве выходят за рамки предмета данной работы.

Передача первоначальным кредитором (цедентом) права требования по обязательству другому лицу (цессионарию) посредством совершения сделки в гражданском законодательстве Российской Федерации именуется цессией (уступкой права требования) и регулируется параграфом 1 главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [5]. В основании передачи права требования цедентом лежит сделка.

Одним из вопросов гражданского права Российской Федерации, вызывающего дискуссию среди отечественных ученых, является вопрос об определении основания сделки. Научные деятели разделяют сделки на каузальные и абстрактные. Каузальной именуется сделка в том случае, когда ее действительность непрерывно связана с основанием сделки (каузой), следовательно, недействительность каузы в последующем влечет недействительность цессии. Противоположными по своему содержанию являются абстрактные сделки, в которых вещный договор не находится в прямой взаимосвязи с обязательственной сделкой. Тем самым, принцип абстракции распорядительной сделки позволяет достичь стабильности в гражданском обороте, т.к. при недействительности обязательственной сделки не влечет недействительность распорядительной сделки.

Впервые такое деление сделок было упомянуто еще в Ф.К. Савиньи в XIX в. [2]. В настоящее время в Германии на законодательном уровне закреплено деление сделок на обязательственные и распорядительные.

О конструкции цессии как абстрактной сделки положительно высказываются отечественные правоведы, которые разделяют точку зрения о целесообразности принципа абстракции. Так Крашенинников Е.А. не ставит под сомнение существование абстрактной цессии. [10]. Другие авторы (в т.ч. Егоров А.В. [7]) согласны с разделением сделки и предлагают перенять соответствующие положения из германского законодательства.

В качестве сделок, лежащих в основе уступки, могут быть различные гражданско-правовые договоры, предмет которых составляет обязательство отчуждателя передать право другой стороне. Однако, заключив договор, право не считается перешедшим к новому кредитору. Исполнение в данном случае выражается в совершении юридически значимых действий предыдущим кредитором с помощью договора уступки права требования.

Глава 24 ГК РФ, регулирующая общие положения цессии, не содержит обязательных условия, относящиеся к основаниям цессии, отношения между цедентом и цессионарием определяются независимо от вида гражданского — правового договора. Это обстоятельство свидетельствует, что законодатель не придает существенное значение основанию цессии, дабы в последующем не возлагать на кредитора дополнительные обязанности по доказыванию действительности договора об уступке права (требования).

Согласно п. 1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от № 120 [8] совершение сделки уступки права (требования) представляет собой исполнение цедентом возникшего из соглашения об уступке права (требования) обязательства по передаче цессионарию права (требования). Из буквального толкования п. 1 указанного акта и ст. 390 ГК РФ, можно сделать вывод, что действительность требования, передаваемого цессионарию, не зависит от действительности заключенного между сторонами соглашения об уступке права, а влечет лишь договорную ответственность цедента.

По общему правилу при заключении договора уступки права требования не требуется согласие должника, если иное не предусмотрено законом или договором. (п. 2. ст. 382 ГК РФ). Примером ограничения в силу закона является запрет уступки прав в обязательстве, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника. (п. 2 ст. 388 ГК РФ). Приведенное положение позволяет сделать вывод, что должник не является стороной сделки, не может повлиять на условия, несмотря на то что его права затрагиваются.

Одной из основных проблем в области перехода прав кредитора к другому лицу считается проблема защиты должника, недопущение ухудшения его положения произведенной уступкой. Если мы говорим об абстрактной конструкции, то в случае признания недействительным соглашения об уступке (обязательственной сделки) должник освобождается от обязательств повторного исполнения первоначальному кредитору, если ранее обязательство было исполнено цессионарию. Предусмотренные законом последствия недействительности сделки должны быть применены между цедентом и цессионарием.

При абстракции цессии, предусмотрено, что к цессионарию право перешло и в том случае, если право было реализовано, cedent вправе подать кондикционный иск в отношении цессионария. Предмет кондикционного иска составляют обязательства вследствие неосновательного обогащения, которые регулируются главой 60 ГК РФ [6]. Положительным доводом в подтверждение абстрактности цессии считаем статью 1106 ГК РФ, которая гласит: «Лицо, передавшее путем уступки требования или иным образом принадлежащее ему право другому лицу на основании несуществующего или недействительного обязательства, вправе требовать восстановления прежнего положения, в том числе возвращения ему документов, удостоверяющих переданное право». Содержание указанной нормы, подтверждает сделанный ранее вывод о том, что при недействительности обязательственной сделки, служащей основанием цессии, право считается перешедшим к цессионарию.

Положение должника значительно ухудшается при рассмотрении описанной ситуации с точки зрения каузальной модели. В данном случае при недействительности основания цессии (договора купли-продажи имущественного права) право к цессионарию не перешло. Должник будет вынужден повторно исполнить обязательство, но только в отношении первоначального кредита и в после-

дующем обратиться к цессионарию, как к ненадлежащему кредитору с требованием о возврате ранее полученного. При этом должник не защищен от рисков, препятствующих полному удовлетворению его требований. Возлагая на должника дополнительные риски, связанные с недействительностью обязательственной сделки, и ответственность за исполнение неуправомоченному лицу, мы существенно ограничиваем его в правах, ставя в заведомо невыгодное положение.

В чем же заключается значение принципа абстракции цессии для гражданского оборота? Эффект, который в себе несет абстрактная модель цессии, напрямую направлен на укрепление гражданского оборота, поскольку помимо должника защищает последующих кредиторов, которые приобретают право (требования) по сделке. В каузальной модели при недействительности первоначальной обязательственной сделки все последующие сделки по отчуждению уступаемого права, также признаются недействительными, ведь ни к одному из приобретателей право не перешло. Из этого следует, что каузальная цессия не направлена на укрепление стабильности оборота.

На основании вышеизложенного, считаем целесообразным закрепить принцип абстракции цессии на законодательном уровне, посредством внесения изменений в ст. 390 ГК РФ, регулиующую форму цессии.

Литература:

1. Байбак В. В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота / М.: Статут, 2005. С. 146.
2. Василевская Л. Ю. Учение о вещных сделках по германскому праву / М., 2004. С. 41–58.
3. Вошатко А. В. Договор уступки и каузальная сделка // Очерки по торговому праву. Вып. 8. С. 32–36.
4. Горбатов К. А. Абстрактность и каузальность цессии // Вестник гражданского права, 2012, № 3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Егоров А. В. Реституция по недействительным сделкам при банкротстве // Вестник ВАС РФ. 2010. № 12.
8. Зорин А. А., Маслов В. В. К вопросу об абстрактной модели передачи прав требования // Юрист. 2017. № 6. С. 35–39.
9. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 30.10.2007 № 120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации».
10. Конституция Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Крашенинников Е. А. Основные вопросы уступки требования / Е. А. Крашенинников // Очерки по торговому праву. Вып. 6. Ярославль: Издательство Ярославского университета, 1999. С. 7.
12. Новоселова Л. А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг / М.: Статут, 2003. С. 494.

О риске как о цивилистической категории

Душкина Анастасия Анатольевна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Природа человека экономична. Еще в 1776 году, великий экономист Адам Смит в своей книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» сфор-

мулировал теорию «человека экономического», то есть человека, который как существо разумное, всегда руководствуется принципами эгоизма. «Почти у всех других

видов животных каждая особь, достигнув зрелости, становится совершенно независимой и в своем естественном состоянии не нуждается в помощи других живых существ; между тем человек постоянно нуждается в помощи своих близких, и тщетно будет он ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них. Всякий, предлагающий другому сделку какого-либо рода, предлагает сделать именно это. Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что тебе нужно, — таков смысл всякого подобного предложения. Именно таким путем мы получаем большую часть услуг, в которых мы нуждаемся. Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим им о наших нуждах, а об их выгодах» [5, с. 28]. Также стоит отметить, что стремление человека к достижению своих интересов при заключении сделки сопровождается и стремлением минимизировать свои затраты. Именно эти стремления и подводят к одной из фундаментальных категории частного права — риску.

Однако, на сегодняшний день, в цивилистике отсутствует единое определение «риска», и данная категория наполняется в каждом отдельном случае различным содержанием. В дореволюционный период законодатель вообще не использовал термин «риск», его заменило слово «страх», но именно в этот период было положено начало исследованием «риска» как правовой категории.

Сложность определения данной правовой категории весьма очевидна, это связано с многоаспектностью термина и применением не только в юридическом, но и в общетеоретическом смысле.

В цивилистической науке подходы к определению понятия «риск» принято разделять на объективный, субъективный и субъективно-объективный (дуалистический).

Субъективная концепция. В рамках данной концепции риск оценивается с позиции психологических факторов, как отношения субъекта к результату объективно случайных последствий своего поведения [4, с. 3].

Представители объективной теории риск с психологическими факторами не связывают и трактуют данную категорию как явление объективной реальности, иными словами, как потенциальную возможность наступления обстоятельств, влекущих за собой определенные потери.

Дуалистическая концепция иначе подходит к рассмотрению риска. Субъективная и объективная стороны рассматриваются во взаимосвязи характеристик: объективная — вероятностный характер результата события; субъективная — оценка объективно существующей ситуации и выбор поведения. Таким образом, обе стороны взаимодействуют в неразрывной связи, демонстрируя истинную природу риска [2, с. 4].

Однако рассуждения о категории риска в праве не могут ограничиваться только определением его правовой

природы. Главной задачей права является определить цели данной правовой категории, путем выявления существенных характеристик.

Преобладающей точкой зрения, является правовое назначение риска как регулятора в распределении случайно возникших неблагоприятных последствий поведения субъектов правоотношений [7, 15].

Таким образом, право не исключает риски, присутствующие в гражданско-правовом обороте, но оно уменьшает объемом рисков и создает условия для их оптимального распределения.

Обратимся к классификации рисков в правовой среде, предложенной доктором юридических наук Ю. А. Тихомировым.

Риски классифицируются по масштабу опасности и предсказуемости.

I уровень. «Риски »юридико-текстовые», ожидаемые: нарушение системных связей в законодательстве; неправильное определение целей и способов регулирования (регуляторов); технико-юридические ошибки; неправильное определение статуса субъекта права.

II уровень. «Риски — неожиданные действия»: действия вне правового статуса субъекта; неожиданные действия партнеров; ситуационные действия; общественное недовольство (критика, протесты); нехватка ресурсов (халатность).

III уровень. «Риски новых ситуаций»: противоречивые последствия нового политического и экономического курса; неблагоприятные последствия реформ; влияние кризисных явлений; пассивность и бездействие исполнителей.

IV уровень. «Риски форс-мажор»: отчуждение населения от закона; крах государственных и иных институтов; чрезвычайные ситуации (техногенные, природные катастрофы, перевороты, война) [6, с. 11].

Таким образом, риски правовой среды находят свое отражение во всех отраслях права, а также затрагивают важнейшие общественные институты. А сколько еще рисков порождены иными процессами и обстоятельствами, далекими от правовой среды, но также требующие регламентации и регулирования правовыми нормами.

Особое значение имеют риски гражданско-правовых отношений. Именно в сфере гражданского права зарождается институт риска как правовой категории. В большей степени это связано с предпринимательским риском. Предпринимательство — движущая сила всех экономических процессов в условиях рыночной экономики, показатель экономического и социального уровня развития государства. И именно риск является одним из основных квалифицирующих признаков предпринимательства. Поэтому очень важно при создании правовых норм, регламентирующих данную сферу гражданско-правовых отношений обращаться к основам экономической теории, тем самым создавая принципиально новый уровень права.

Как уже отмечалось выше, одной из задач является распределение последствий тех или иных решений субъектов.

Проанализировав нормы гражданского права, можно выделить три основных способа распределения таких последствий.

Первый и преобладающий способ заключается в распределении риска самими сторонами обязательства на основе договора (например, ст. 669 ГК РФ) [1].

Второй способ распределения последствий еще не распространен в России настолько, как в зарубежных странах — возложение риска на третье лицо, которое берет на себя этот риск за плату (страхование). Согласно аналитическим данным лидерами страхования в мире являются США, Япония и Китай. Причем США являются абсолютными лидерами по страхованию имущества и занимают 46% мирового рынка. Главным фактором, тормозящим дальнейшее развитие страхования на территории развитых стран, является именно ограниченность законодательства, которое не способно, на сегодняшний день, соответствовать темпам роста услуг страхования [3].

Литература:

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Золотухин А. В. Правовое обеспечение страхования предпринимательских рисков в гражданском праве Республики Таджикистан: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Душанбе, 2015.
3. Интернет источник. Глобальный рынок страхования — обзор текущей ситуации. URL: <https://vc.ru/flood/31955-globalnyu-gynok-strahovaniya-obzor-tekushchey-situacii> (дата обращения: 01.10.2019).
4. Лубягина Д. В. Риск в публичном и частном праве // Финансовое право. — 2015. — № 7. — С. 3–7.
5. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Антология экономической классики. Эксмо, 2016.
6. Тихомиров Ю. А. Право: прогнозы и риски: монография, Инфра-М, 2015.
7. Фогельсон Ю. Б. Страхование: теоретические основы и практика применения: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012.

Правовое регулирование игр и пари в России и других странах романо-германской правовой семьи

Душкина Анастасия Анатольевна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Понятие алеаторности пришло в цивилистику современной Европы из римского права. Слово «alea» в переводе с латинского означает жребий, а «aleator» переводится как азартный игрок, тем самым природа игр и пари стала некой основой алеаторных сделок [1, с. 45]. Однако, несмотря на единство восприятия основ римской цивилистики, подходы к правовому регулированию игр и пари в странах романо-германской правовой семьи различны и имеют свою специфику.

Условно правовое регулирование игр и пари имеет два подхода: моделирование через конструкцию алеаторности и акцент на натуральной природе обязательств.

Ярким представителем первого подхода к правовому регулированию игр и пари является Франция. Законо-

Третьим способом является возложение риска на конкретное лицо в силу императивного указания закона, в том числе и на лицо, не являющееся участником обязательства (ст. 600 ГК РФ) [1]. При этом вина в гражданском праве хотя и влияет на распределение рисков, но наполняется иным содержанием, отличным от понятия вины, характеризующейся уголовной отраслью права.

Итак, основная задача гражданского права в вопросах риска — это не определение его границ, не допущение ограничений субъектов, а выявление и правильное регулирование его последствий в целях недопущения создания чрезмерно неблагоприятных условий для одной из сторон.

Тем самым будут созданы благоприятные условия осуществления экономической деятельности и поддержания стабильности гражданского оборота в целом, с учетом всех возможных обстоятельств, процессов и стремлений, побуждающих человека к риску.

датель определяет алеаторный договор как соглашение, в котором выгоды и потери находятся в прямой зависимости от действий одной, нескольких или всех сторон, а также неизвестного события (случая) [2, с. 330]. К таким договорам относятся: пожизненная рента, договор страхования, морской заем, а также игры и пари.

Также Гражданский кодекс Квебека относит договор к алеаторным, в случае, когда объем обязательств и предоставлений не определен [3, с. 774].

В обоих случаях права на иск не возникает, но проигравшая сторона не вправе требовать возврата, добровольно уплаченного им выигрыша, за исключением, когда это было совершено под влиянием обмана. Данное правило имеет императивный характер.

Второй подход к правому регулированию игр и пари получил большее распространение. Согласно главе 19 Германского гражданского уложения, данный вид договоров относится к «Несовершенным обязательствам» и проявляется их «несовершенство» в отсутствии правовой защиты [4, с. 195].

Помимо игр и пари, данная глава регламентирует положения об освобождении от долга при банкротстве, оплате услуг при осуществлении сватовства, а также юридический долг к бракосочетанию (помолвку). Государственные игры и лотереи подлежат судебной защите.

Гражданский кодекс Швейцарии также не предоставляет судебной защиты, то есть из игр и пари не возникает никакого правового требования. В дополнение к данному положению законодатель относит займы, задатки, которые предоставляются для обеспечения игры, а также сделки с ценными бумагами, которым характерен принцип игры.

Возврат денежных средств или иного имущества возможен только при факте мошенничества.

Официальные казино и государственная лотерея подлежат судебной защите в полном объеме.

Австрия, Италия и Россия также осуществляют нормативное закрепление через конструкцию натуральных обязательств, но анализ главы 58 Гражданского Кодекса Российской Федерации не упоминает данную категорию напрямую. Во главу угла ставится признак непредставления судебной защиты.

Однако, как справедливо замечает М. С. Кутовой существует некая особенность. В классическом содержании обязательств обязанности должника всегда противопоставляются праву требования кредитора, но при «натуральном обязательстве», лишённому судебной защиты, должника невозможно принудить к исполнению обязательства. Он может исполнить его только добровольно. Таким образом, праву кредитора противопоставляется право должника [5, с. 310].

Также, по мнению М. С. Кутового, игры и пари не могут являться сделками в силу отказа государства от их судебной защиты. Ведь одним из основных признаков сделки является именно регулирование отношений со стороны государства посредством права [5, с. 308].

Противоположного мнения придерживается А. М. Эрделевский. По его мнению, игры и пари, действительно, не порождают полноценных гражданских прав и обязанностей, в силу лишения судебной защиты. В тоже время автор делает вывод, что добровольная передача денежных средств или имущества в качестве выигрыша придает игре свойство правомерного юридического действия [6, с. 14].

Обратим внимание и на п. 2 ст. 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации, который введен, относительно недавно, Федеральным законом от 26.01.2007 № 5-ФЗ, ставший новым витком в развитии гражданского законодательства в России [7].

На протяжении десятков лет суды отождествляли обязательства по форвардным контрактам и сделкам с отлагательным условием с обязательствами, вытекающими из игр

и пари. Как следствие, данная категория сделок была лишена судебной защиты. Большое значение в разрешении этого вопроса сыграло рассмотрение Конституционным Судом Российской Федерации жалобы коммерческого акционерного банка «Банк Сосьете Женераль Восток» на нарушение конституционных прав и свобод, и в частности мнение конституционного судьи Г. А. Гаджиева.

С целью разграничения биржевых и внебиржевых сделок с играми и пари, судья, ссылаясь на решение Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената № 57 за 1883 года, дает определение пари как «соглашения, которое имеет все внешние признаки договора, вызывается не действительными и серьезными потребностями жизни, а прихотью или страстью, и в котором стремление достигнуть известного результата лишь путем риска составляет единственный мотив соглашения» [8].

По такому принципу защищены судебной системой договоры страхования, ведь они основаны на предпринимательском риске, а не азарте. Так и форвардные контракты заключаются в целях защиты от инфляции, оптимизации риска и других предпринимательских факторах. В настоящее время все срочные сделки, заключенные на бирже, пользуются судебной защитой, если одной из ее сторон является юридическое лицо, получившее соответствующую лицензию.

Ввиду особой популярности у граждан, обратим внимание на деятельность рынка Форекс. Данный рынок — рынок иностранной валюты, деятельность ведется по валютным парам (базовая и котируемая). Важным является тот факт, что Форекс не является биржевым рынком, отсутствует центр, биржевая площадка, иными словами, данный рынок ничем не отличается от азартных игр. Финансовая лексика, по сути, является прикрытием и красивым «антуражем». Это и подтверждает письмо Министерства финансов РФ от 23.06.2005 № 03—03—04/2/12, в котором говорится, что участники рынка Форекс в соответствии со ст. 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации не подлежат судебной защите. В связи с чем судебная практика полна примерами, когда граждане, руководствуются предпринимательскими целями, теряют деньги и не имеют права на защиту. Но и в этом вопросе есть свои исключения. В соглашении должна быть оговорка о рисковом капитале. При заключении соглашения о сотрудничестве необходимо оговорить размер рискового капитала, за превышение суммы которого, трейдер несет ответственность перед инвестором. В данных случаях суд передает требованиям истца судебную защиту [9, с. 25].

В заключении отметим, что теория алеаторности в принципе нуждается в дальнейшем развитии и проработки. Необходимо унифицировать терминологию, провести анализ алеаторных конструкций на предмет природы риска, выявить стремления, побуждающие гражданина к совершению сделки, экономический эффект, ведь природа алеаторных сделок существенно расширилась и давно не ограничивается конструкциями игр и пари.

Литература:

1. Бартошек М. Римское право: понятие, термины, определения. М., 1989.
2. Морандьер Ж. Гражданское право Франции. Т. 3. М., 1961.
3. Гражданское и торговое право зарубежных стран: учебное пособие/под общ. ред. В. В. Безбаха, В. К. Пучинского. М., 2004.
4. Buergerliches Gesetzbuch Bundesrepublik Deutschland vom 18/ August 1896 RGBI.S.195 Inkrafttreten am 1. Januar 1900.
5. Кутовой М. С. Соотношение обязательств, вытекающих из игр и пари и натуральных обязательств//Актуальные проблемы российского права. 2009.
6. Эрделевский А. М. Игры и пари//Рос. Юстиция. 1999. № 8.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. II) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. От 18.03.2019)//СПС «Консультант плюс».
8. Определение Конституционного суда РФ от 16.12.2002, № 282-О//КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
9. Малов Г. А. Некоторые вопросы правового регулирования рынка Форекс// Предпринимательское право. 2016. № 2.

Баланс интересов сторон в крупной сделке

Дыченкова Мария Тагировна, студент магистратуры
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена анализу последних изменений, внесенных в институт крупных сделок акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, с точки зрения защиты интересов, как самого общества, так и второй стороны сделки-контрагента.

Ключевые слова: крупная сделка, корпоративные организации, обычная хозяйственная деятельность, контрагент, баланс интересов, доказывание, ущерб.

Balance of interests of parties to a major transaction

The article is devoted to analysis of recent changes in the institution of major transactions of joint-stock and limited liability companies, from the point of view of protecting the interests of the organization and the second side — the counterparty.

Key words: major transaction; business companies; normal business activity; counterparty; balance of interests; proof; damage.

Институт особого регулирования крупных сделок был сформирован для защиты прав и охраняемых законом интересов корпораций и их участников в связи с потенциальной способностью приводить к существенным (критическим) рискам. Изначально правовые нормы, регулирующие данный институт, были направлены в основном в соответствии с целью его создания на обеспечение имущественных интересов самой корпорации и ее участников, что приводило к тому, что контрагенту необходимо было тщательно изучать и анализировать учредительные документы участника, знакомиться с балансом корпорации и при необходимости требовать соответствующего одобрения, поскольку существовал риск признания сделки недействительной, что могло привести к высоким издержкам. Данное положение осложняло нормальный имущественный оборот.

На существовавшую проблему обращали внимание многие авторы. Ломакин Д. В., например, считал, что в целях стабильности гражданского оборота, необходимо жестко ограничить риск добросовестного контрагента, который заключался в признании крупной сделки недействительной в случае несоблюдения процедуры ее заключения, поскольку это приводило к тому, что интересы одних участников гражданского оборота приносились в жертву интересам других [5].

Данное смещение баланса интересов являлось существенным недостатком и по сути, означало возложение обязанности по контролю за соблюдением корпоративных процедур по согласованию сделки внутри общества на третье лицо. Существовал риск подачи акционером (участником) косвенного иска о признании сделки недей-

ствительной по причине нарушения норм корпоративного законодательства, что усложняло оборот, повышало транзакционные издержки контрагентов на проверку соблюдения соответствующих процедур согласования.

Анализируя результаты реформирования института крупных сделок, прослеживается тенденция к смещению баланса интересов в пользу контрагентов, снижается возможность по оспариванию сделок корпораций, актуальным способом защиты прав участников корпорации становится иск о взыскании убытков с лиц, входящих в состав органов управления корпорации.

На смещение баланса интересов, в том числе указывает и распределение бремени доказывания обстоятельств, подлежащих доказыванию. Так, при подаче соответствующего искового заявления, истец должен доказать факт нарушения порядка совершения оспариваемой сделки, подтвердить крупный характер сделки. В силу закрепленного правила, что сделка является совершенной в пределах обычной хозяйственной деятельности организации, пока не доказано обратное, истцу необходимо собрать доказательственную базу, включающую предоставление документов отражающих бухгалтерскую (финансовую) отчетность, а также документы относительно состоявшейся сделки, то есть подтверждающие экстраординарность оспариваемой сделки (совершение ее за пределами обычной хозяйственной деятельности), но зачастую юридическое лицо в лице органа управления не заинтересовано в предоставлении соответствующей документации, что осложняет процесс оспаривания [3]. На данной проблеме акцентирует внимание Сафаева Н. Р., председатель Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда, указывая на то, что общество в лице руководителя, чьими действиями причинены убытки, заинтересовано в сокрытии информации и всячески будет препятствовать в ее получении [6].

Следующей проблемой, с которой сталкивается истец, является обязанность по доказыванию недобросовестности контрагента и его осведомленности о крупности сделки. Поскольку согласно нормам корпоративного законодательства, а также Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 N27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» (Далее по тексту — Постановление № 27) на заявителя возлагается подобное бремя доказывания, а также презюмируется добросовестность контрагента. О сокращении рисков для контрагентов указывает абз. 3 п. 18 Постановления № 27, согласно которому у третьего лица отсутствует обязанность по проверке необходимости одобрения сделки, его наличии, проверки документации, влиянии сделки на деятельность общества, контрагент вправе исходить из сведений, указанных в едином государственном реестре юридических лиц о наличии полномочий на совершение сделки у лиц, указанных в реестре.

Профессор МГУ им. М. В. Ломоносова Губин Е. П., который входил в рабочую группу, готовившую Постановление № 27, отметил, что закрепление презумпции добросовестности контрагента, освобождает бизнес от лишней на-

грузки, подобные нормы дают бизнесу возможность развиваться, предоставляют предпринимателям совершать сделки, не опасаясь последствий их оспаривания [7].

На основе вышесказанного, можно прийти к очевидному выводу о том, что проведенное реформирование рассматриваемого института сделало огромный шаг в сторону защиты интересов контрагентов. Таким образом, законодатель ушел от ранее существовавшей позиции, согласно которой третьему лицу вменялась обязанность по проверке сделки, ее влиянии на общество, в силу того, что при оспаривании сделки презюмировалась его осведомленность о том, что сделка совершена без соблюдения установленных законом корпоративных процедур по ее одобрению.

Косвенно в защиту интересов контрагента также действует установленное правило исчисления срока исковой давности. Ранее предлагалось исчислять срок с момента, когда лицо, оспаривающее сделку, узнало или должно было узнать о том, что указанная сделка совершена без необходимого на то одобрения, поэтому истец после общего собрания участников (акционеров) по итогам года имел возможность и время собрать необходимые документы и оспорить сделку. Но регулирование срока исковой давности поменяло свое направление и теперь срок определяется по директору, то есть теперь срок следует исчислять со дня, когда единоличный исполнительный орган узнал или должен был узнать о том, что сделка совершена без необходимого одобрения, в том числе если оно непосредственно совершало данную сделку, а в случае если имеет место сговор директора, то со дня, когда о соответствующих обстоятельствах узнало или должно было узнать лицо, которое самостоятельно или совместно с иными лицами осуществляет полномочия единоличного исполнительного органа, иное, чем лицо, которое совершило сделку, в случае отсутствия такого лица срок давности исчисляется со дня, когда об указанных обстоятельствах узнал или должен был узнать истец. Не все эксперты, высказавшиеся относительно данного нововведения, отнеслись положительно к установленным правилам исчисления давности, так Сергеев А. П. и Терещенко Т. А., выразили позицию о том, что положения об исковой давности еще больше ужесточили процедуру оспаривания крупных сделок, а существовавшее ранее правило исчисления срока по времени осведомленности истца было более сбалансировано [9]. Новые правила фактически ограничивают участника (акционера) в праве на оспаривание сделки, поскольку предоставляемого законодателем времени недостаточно для реализации своих прав.

О смещении чаши весов в сторону добросовестных контрагентов говорят и обсуждают многие юристы. Имеются сторонники данного направления развития, которые отмечают положительные моменты в максимальном снижении возможностей по оспариванию сделок. Однако далеко не все юристы считают данный подход разумным. Полагаем, следует присоединиться ко второй группе, поскольку, если вспомнить цели, ради которых изначально законодатель создавал институт крупных сделок,

а также цели, которые были заявлены в распоряжении от 25.06.2016 № 1315-р, которым был утвержден план мероприятий («дорожная карта») «Совершенствование корпоративного управления», а именно повышение уровня защиты миноритарных инвесторов при совершении экстраординарных сделок и качества корпоративного управления обществом, создании Международного финансового центра, то становится очевидным, что поменяв направление развития, законодатель, а соответственно и судебная практика отделились от поставленных целей.

Подобное смещение внимания на защиту интересов контрагента, приводят к уменьшению инструментов защиты законных интересов, как самого общества, так и участников (акционеров), особенно миноритарных участников общества. Таким образом, законодатель, преследуя цель по защите и стабилизации имущественного оборота, позабыл о главной цели защиты баланса интересов сторон по сделке, который в некоторой степени был утерян.

Иски об оспаривании крупных сделок являются эффективным инструментом участников (акционеров) для защиты законных интересов общества, однако законодатель предлагает использовать его в крайних случаях, когда речь идет о «квазиликвидации» и «квазиреорганизации» общества, в иных случаях негативные последствия должны наступать для той стороны, которая не соблюдала установленные нормы и действовала недобросовестно, то есть должны иметь место иски о взыскании убытков с менеджмента [9].

Учитывая сказанное, представляется, что нельзя полностью освобождать контрагента от обязанности проверять сделку и полномочия на ее совершение, поскольку сторонами по таким сделкам являются профессиональные участники оборота и имеют такую возможность, а ссылка контрагента на то что, он не был обязан проверять внутрикорпоративную документацию и совершил ее, полагаясь на добросовестность общества, не должна являться доказательством добросовестности его самого.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.12.1995 N208-ФЗ (ред. от 15.04.2019) «Об акционерных обществах» // СПС «КонсультантПлюс»;
2. Федеральный закон от 08.02.1998 N14-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС «КонсультантПлюс»;
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2018 N27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // СПС «КонсультантПлюс»;
4. Габов А. В. Институт крупной сделки в российском праве: основные этапы, тенденции и перспективы развития // СПС «КонсультантПлюс»;
5. Ломакин Д. В. Крупные сделки в гражданском обороте // СПС «КонсультантПлюс»;
6. Сафаева Н. Р. Косвенные иски по корпоративным спорам. Особенности доказывания // СПС «КонсультантПлюс»;
7. Румак В. Важно не ставить во главу угла правовые традиции, а решать экономическую задачу [Интервью с Е. П. Губиным] // СПС «КонсультантПлюс»;
8. Филиппова О. С. Эффективность реформирования института крупных сделок корпораций // СПС «КонсультантПлюс»;
9. Шиткина И., Губин Е., Степанов Д., Кузнецов А., Чеховская С., Сергеев А., Терещенко Т., Громов А., Каплюхий М., Карнаков Я., Казакова М., Чупрунов И. Оспаривание экстраординарных сделок: новые разъяснения Верховного Суда // СПС «КонсультантПлюс».

Дисциплинарная ответственность муниципальных служащих в Российской Федерации

Зайцев Александр Андреевич, студент магистратуры
Курский государственный университет

В статье рассмотрено и проанализировано понятие «муниципальный служащий». Рассмотрены виды и основания привлечения муниципальных служащих к дисциплинарной ответственности.

Ключевые слова: муниципальный служащий, дисциплинарное взыскание, замечание, выговор, увольнение.

Актуальность исследуемого вопроса связана прежде всего с тем, что муниципальная служба точно также

как и государственная гражданская служба является центральным звеном повышения эффективности системы по

обеспечению управления в Российской Федерации со стороны государства, так как напрямую от уровня, показывающего результативность служебной профессиональной деятельности со стороны муниципальных служащих зависит качество реализации государственных решений в вопросах привлечения данной категории служащих к дисциплинарной ответственности.

Прежде всего, необходимо охарактеризовать понятие «муниципальный служащий». Так, муниципальные служащие — разновидность бюрократической общности чиновников, в которую входят члены, осуществляющие социально-обслуживающую деятельность, которая имеет опосредованную властную природу. Данная деятельность представляет собой совокупность конкретных видов профессиональных услуг, которые осуществляются со стороны муниципальных служащих в отношении к населению, основываясь на полномочиях полномочиями органов местного самоуправления.

Понятие «служба» имеет несколько значений: это и самостоятельное ведомство, и структурное подразделение, и вид деятельности. Поскольку выполнение функций местного самоуправления обеспечивается деятельностью лиц, занимающихся муниципальным управлением, то словосочетание «муниципальная служба» означает вид общественно-полезной деятельности, предполагающий исполнение полномочий по должности [4].

При рассмотрении муниципальной службы как разновидность (вид) профессиональной деятельности, становятся заметны различия между данным видом службы и трудовой деятельностью, государственной гражданской и другими видами служб.

Во многих источниках закреплено мнение о том, что хоть и принципиальные различия между трудовой деятельностью работника и профессиональной деятельностью государственного и муниципального служащего, которые позволяют говорить об особенном специальном роде деятельности, который отличается от трудовой, не существуют, то в данном случае можно говорить о специфике, которая заключена в том, что за государственными и муниципальными служащими закрепляются, как и за другими трудящимися, гражданские и политические права, но только при условии соблюдения обязательств, которые вытекают из статуса и характера выполняемых функций [2].

Муниципальная служба относится к таким видам трудовой деятельности, которые рассматриваются как совокупность определенных законом трудовых функций, которыми наделены муниципальные служащие органа местного самоуправления и такой вид службы может рассматриваться с точки зрения деятельности, направленной на реализацию соответствующих задач определенного муниципального образования [2]. Основным направлением государственной кадровой политики в рамках муниципального уровня является обеспечение эффективного управления кадрами внутри муниципальных образований.

Таким образом, согласно ст. 27 Федерального закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» за представителем нанимателя (работодателем) за совершение дисциплинарного проступка, выражающегося в неисполнении или ненадлежащем исполнении муниципальным служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей закреплено право на применение следующих дисциплинарных взысканий:

- 1) замечание;
- 2) выговор;
- 3) увольнение с муниципальной службы по соответствующим основаниям.

Муниципальный служащий, который допустил дисциплинарный проступок, может быть временно (но не более одного месяца), до того, как будет решен вопроса о том, какой вид дисциплинарной ответственности будет к нему применен, отстранен от исполнения должностных обязанностей с сохранением денежного содержания.

Отстранение муниципального служащего от исполнения должностных обязанностей в этом случае производится муниципальным правовым актом. Порядок применения и снятия дисциплинарных взысканий определяется трудовым законодательством [1].

Должностное лицо, имеющее право назначения лица на муниципальную должность муниципальной службы, при принятии решения о временном отстранении муниципального служащего от исполнения должностных обязанностей вправе назначить служебное расследование.

По итогам служебного расследования должностное лицо, обладающее правом назначения лица на муниципальную должность муниципальной службы, принимает решение о привлечении муниципального служащего к дисциплинарной ответственности либо о прекращении временного отстранения муниципального служащего от исполнения должностных обязанностей за отсутствием факта совершения должностного проступка.

Существует несколько оснований дисциплинарной ответственности муниципальных служащих Российской Федерации. Так, федеральное законодательство закрепляет положение о применении дисциплинарной ответственности к муниципальным служащим в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением муниципальным служащим возложенных на него обязанностей. Также за несоблюдение муниципальным служащим ограничений и запретов, установленных в целях противодействия коррупции, могут налагаться дисциплинарные взыскания [4].

Таким образом, муниципальная служба, являясь важнейшей составляющей управления местным сообществом, в институциональном отношении в настоящее время находится на начальной, но достаточно активной стадии развития, начинает играть все большую роль в реформе территориального управления, становится одним из факторов, обеспечивающих эффективность местного и регионального развития. Качество выполнения актуальных для населения услуг зависит от компетентности

управления, обусловленного профессиональной подготовкой муниципальных служащих.

Человеческий потенциал муниципальной службы становится определяющим фактором, от которого зависит решение основных проблем социально-экономического развития муниципальных образований. Именно поэтому к муниципальной службе предъявляются высокие требования и, прежде всего, к качеству кадрового обеспечения.

Таким образом, в методах воздействия на муниципальных служащих большое место отводится дисциплинарным мерам, без применения которых, по заключению многих юристов, никакие приемы мотивирования служебной деятельности не будут достаточно эффективными.

В связи с этим деятельность региональных законодателей должна быть направлена на создание эффективных механизмов юридической ответственности в муниципальной сфере, а особое место в административно-правовом обеспечении противодействия коррупции должно быть отведено дисциплинарной ответственности.

В связи с этим деятельность региональных законодателей должна быть направлена на создание эффективных механизмов юридической ответственности в муниципальной сфере, а особое место в административно-правовом обеспечении противодействия коррупции должно быть отведено дисциплинарной ответственности.

Литература:

1. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 10. — ст. 1152.
2. Дорофеев А. В. Кадровый состав муниципальных служащих как ресурс развития муниципалитетов // Среднерусский вестник общественных наук. — 2014. — № 5 (35). — С. 172–175.
3. Домнина К. С. Оценка управленческой компетентности государственного служащего как элемент кадровой политики // Экономика. Управление. Право. 2013. № 10 (46). С. 55–57.
4. Муравченко Виктор Борисович Виды и меры ответственности муниципальных служащих в законодательстве Российской Федерации // Вестник СИБИТа. 2014. № 3 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-i-mery-otvetstvennosti-munitsipalnyh-sluzhaschih-v-zakonodatelstve-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 12.04.2019).
5. Шерлыгин А. Проектируем эффективность // Государственная и муниципальная служба. 2015. № 1 (93). С. 34–35.

Правотворческий процесс как стадийность правотворческой деятельности

Зайцев Антон Алексеевич, студент

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

Категория «юридический процесс» активно исследуется современными теоретиками права. Так, Ю. Г. Арзамасов дает определение юридическому процессу как юридическим действиям, направленным на реализацию установленного законодательством права [9]. Традиционно нормотворческий процесс рассматривается как один из видов юридического процесса, которому присущи индивидуальные особенности, поскольку нормы права рождаются непосредственно в процессе нормотворческой деятельности. Этим, на наш взгляд, и объясняется неугасающий интерес к нормотворческому процессу, позволяющему создавать различные по юридической силе нормативные документы.

Необходимо выделить основные признаки нормотворческого процесса, к которым можно отнести следующие:

а) выступает первичным элементом в механизме правового регулирования;

б) осуществляется как исполнительными, так и представительными органами власти в строгом соответствии с нормотворческой компетенцией органа;

в) основной целью нормотворческого процесса выступает систематизация и упорядочение общественных отношений;

г) нормативный документ является результатом нормотворческого процесса.

Основной задачей правовых норм является регулирование общественных отношений, для ее реализации органы власти выполняют следующие виды нормотворческого процесса:

— законотворческий, его результатом являются нормативные указы Президента, постановления и другие нормативные правовые акты Правительства;

— ведомственный нормотворческий процесс представляет собой нормотворческий процесс субъектов Федерации;

— локальный нормотворческий процесс, подразделяющийся на нормотворческий процесс местных органов власти и корпоративный нормотворческий процесс.

Неотъемлемым признаком правотворческой деятельности выступает стадийность. Общего мнения по поводу определения стадий правотворчества в теории государства и права не выработано. Так, В. В. Лазарев и С. В. Липень выделяют три стадии правотворчества: подготовку проекта нормативного акта; принятие акта и введение его в действие [10].

В свою очередь В. М. Сырых обозначает шесть стадий: принятие решения о внесении изменений в систему дей-

ствующих норм права; подготовку проекта нормативного правового акта; рассмотрение его правотворческим органом; обсуждение и согласование проекта с заинтересованными субъектами; принятие и опубликование акта [11].

Четыре стадии правотворческого процесса выделяет В. Ю. Картухин: правотворческая инициатива; обсуждение проекта нормативного правового акта; принятие нормативного правового акта; обнародование принятого акта [12].

Мы полагаем, что стадии нормотворческого процесса зависят от вида правотворчества. При этом имеются существенные отличия порядка принятия законов и подзаконных нормативных правовых актов.

В зависимости от субъекта, который участвует в создании права,

О. А. Пучков выделяет четыре вида правотворчества: референдум; принятие уполномоченными органами государства нормативных правовых актов; санкционирование государством обычаев; выработка судебного прецедента [13].

У каждого из вышеназванных видов правотворчества есть своя юридическая регламентация, а также уровень правового регулирования и стадийность.

Наиболее часто предметом исследования в теории государства и права выступают стадии законодательного процесса. Например, по мнению

В. Ю. Картухина, во всех государствах, независимо от их политического, территориального устройства либо формы правления можно выделить четыре стадии законодательного процесса: законодательная инициатива; обсуждение законопроекта; принятие и утверждение закона; его обнародование [12, с. 364].

Теоретики права, например, О. А. Пучков, выделяют шесть стадий законотворческого процесса:

- 1) Внесение законопроекта в Государственную Думу и рассмотрение его в первом чтении.
- 2) Доработка, устранение недостатков и рассмотрение законопроекта во втором чтении.
- 3) Рассмотрение законопроекта в третьем чтении.
- 4) Рассмотрение закона Советом Федерации.
- 5) Рассмотрение Президентом РФ федеральных законов.
- 6) Вступление в силу закона и его обнародование [14].

Первым этапом правотворческого процесса является подготовка проекта. Начинается он с принятия решения и утверждения планов разработки нормативных правовых актов. Инициаторами законопроекта может выступать Президент, правительство РФ, постоянные комитеты Государственной Думы, а также другие органы, имеющие право законодательной инициативы.

Следующим этапом правотворческого процесса является проведение предварительных работ, за которыми следует стадия составления текста проекта. Целью соз-

дания проектов нормативных актов может выступать как решение новых вопросов, требующих правового регулирования, так и устранение пробелов, имеющихся в законодательстве.

Третий этап связан с подготовкой первоначального текста проекта, в содержательном плане он является одним из важнейших для правотворческого процесса, поскольку формулируются положения, которые в дальнейшем и станут нормами права. При разработке сложных проектов создаются комиссии, которые включают в себя представителей заинтересованных органов, общественных организаций. После разработки первоначального проекта, начинается его предварительное обсуждение, которое осуществляется с участием заинтересованных органов, организаций и общественности.

Подготовленные проекты подвергаются всесторонней экспертизе (правовой, экологической, финансовой и др.), призванной способствовать повышению качества подготавливаемых нормативных решений. После учета предложений и устранения замечаний проект проходит окончательное редактирование. Как правило, этим занимается та рабочая комиссия, которая составляла первоначальный текст проекта.

Вторым этапом правотворческой процедуры является деятельность правотворческого органа по рассмотрению и принятию нормативного акта. Проект вносится в официальном порядке в соответствующий правотворческий орган от имени органа или организации, которые его готовили. Правом законодательной инициативы наделены полномочные органы, организации и лица, обычно предусмотренные в Конституции.

Следующей стадией правотворческого процесса является внесение в повестку дня заседания рассмотрения проекта, за которым идет обсуждение и официальное принятие проекта.

На заключительной стадии правотворческого процесса принятый нормативный акт публикуют в предусмотренных законом печатных органах, публикуют на электронных порталах. Нормативные акты, которые так или иначе затрагивают права, свободы и обязанности гражданина, не имеют юридической силы, если они не были официально опубликованы.

Вышеперечисленные стадии правотворческого процесса детально регламентированы. Рассмотрение законопроектов осуществляется в нескольких чтениях, это дает возможность в деталях рассмотреть проект и внести в него необходимые поправки.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что лишь обязательное и качественное прохождение всех стадий нормотворческого процесса позволит принять качественный нормативный правовой акт, отвечающий поставленным целям и задачам.

Литература:

1. Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций в 2-х т / С. С. Алексеев. — Свердловск: изд. СЮИ, 1973. — Т. 2. — 402 с.

2. Комаров С. А. Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры / С. А. Комаров. — 9-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во Юрайт, 2018. — 506 с.
3. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия / С. Н. Братусь, В. Е. Гулиев, А. И. Денисов и др. — М., 1970. — 622 с.
4. Мицкевич А. В. Правотворчество в СССР / А. В. Мицкевич, А. С. Пиголкин, С. А. Пяткина и др. — М., 1974. — 319 с.
5. Пиголкин А. С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1972. — 41 с.
6. Сенякин И. Н. Правотворчество и законодательство // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: Инфра-М, 2017. — 439 с.
7. Спиринов М. Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Самара, 2000. — 26 с.
8. Тихомирова Ю. А. Правовые акты: учеб. — практич. и справочное пособие / Ю. А. Тихомирова, И. В. Котелевская. — М., 1999. — 381 с.
9. Арзамасов Ю. Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества в России: монография. — М.: Юрлитинформ, 2013. — С. 126.
10. Лазарев В. В. Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата / В. В. Лазарев, С. В. Липень. — 5-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — С. 284.
11. Сырых В. М. Теория государства и права: учебник для вузов. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: ЗАО Юстицинформ, 2012. — С. 176.
12. Картухин В. Ю. Правотворчество в современном российском государстве // Теория государства и права: учеб. для бакалавров / [Р. Б. Головкин и др.]; под ред. Р. Б. Головкина, Т. Н. Радько, Р. А. Ромашова; Федер. служба исполн. наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. — Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2015. — С. 363.
13. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юр. Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2017. — С. 196.
14. Пучков О. А. Правотворчество // Теория государства и права: учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. — 496 с.

Распределение социального жилищного фонда в практике конституционных и уставных судов РФ

Ивушкин Александр Сергеевич, соискатель
Пензенский государственный университет

Статья посвящена анализу судебной практики некоторых конституционных и уставных судов РФ по рассмотрению социально-экономических жалоб граждан. Автор аргументирует свое несогласие с тем, что конституционные суды рассматривают исключительно вопросы права, а не вопросы факта, что по сути означает отказ в правосудии для неопределенного количества обращений граждан.

Ключевые слова: Конституционный Суд, договор социального найма, Федеральный закон, суд общей юрисдикции, муниципальное образование.

Жилищный вопрос традиционно является болезненным для большинства граждан Российской Федерации. Некоторые социальные категории граждан, имеющие по закону право на социальное жильё, порой вынуждены добиваться реализации этого права через суд [5].

Так, выпускник детского дома № 4 г. Петрозаводска, Жильцов Р. А., не получив бесплатной жилой площади, положенной ему по закону, обратился в Петрозаводский городской суд, который своим решением обязал админи-

страцию города Петрозаводска предоставить истцу жильё вне очереди. Однако это судебное решение не было исполнено. Тогда заявитель обратился в Конституционный Суд Республики Карелия с запросом о проверке соответствия Конституции Республики Карелия ч. 1 ст. 4 Закона Республики Карелия от 28 ноября 2005 года № 921-ЗРК «О государственном обеспечении и социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», по которой органы МСУ (местного самоуправления) муниципальных районов и городских округов

наделяются государственными полномочиями Республики Карелия по договорам социального найма обеспечивать жильём детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, не имеющих закреплённого за ними жилого помещения.

По мнению Жильцова Р.А. республиканский законодатель, не прописав в оспариваемой норме конкретные права и обязанности органов МСУ, по реализации компетенции по обеспечению жильём указанной категории лиц, как этого требует ст. 19 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». [2, с. 21–31]. Истец просил признать оспариваемые им предписания данной статьи не соответствующими ч. 2 ст. 5 Конституции Республики Карелия и противоречащими требованиям федерального закона. Таким образом, в ходе судебного заседания Р.А. Жильцов отказался от требований, заявленных им в обращении. Его заявление было отклонено, т.к., заявленные требования, по мнению судей, выходят за рамки полномочий Конституционного Суда Республики Карелия, т.к. касаются исполнения решения суда общей юрисдикции.

Фактически главный вопрос данного дела сводится к тому, компетентен ли республиканский законодатель передавать республиканское полномочие на уровень МСУ без предоставления муниципалитетам соответствующих финансовых средств и организационных механизмов. По нашему мнению, и учитывая, скудость местных бюджетов, недопустимо делегировать какую-либо государственную задачу на нижестоящий уровень публичного управления без соответствующего финансового обеспечения её реализации.

Рассмотрим теперь аналогичное дело С.Г. Сидорова. Он обратился 15 января 2014 года в Конституционный суд Республики Татарстан [7, с. 106–112]. Он жаловался на нарушение его конституционных прав и свобод разделом 2 и абзацем пятнадцатым раздела 4 Муниципальной целевой программы «Переселение граждан из жилищного фонда, признанного непригодным для проживания, в г. Казани» на 2008–2015 годы. [6, с. 24–31].

Дом, в котором он проживал был признан ветхим постановлением главы администрации города Казани от 26 января 2000 года № 116 и С.Г. Сидорову не раз предлагались комнаты, не меньшие чем та, в которой он проживал, но он отказывался, опасаясь ухудшения своих жилищных условий.

Решением Казанской городской Думы от 17 января 2008 года № 4–27 была утверждена Муниципальная целевая программа «Переселение граждан из жилищного фонда, признанного непригодным для проживания, в г. Казани» на 2008–2015 годы. Как указывает гражданин С.Г. Сидоров, из ответов ИК МО г. Казани на его обращения следует, что он не может быть переселен в благоустроенное жилое помещение по данной Муниципальной целевой программе, поскольку жилой дом, в котором он проживает, не является многоквартирным.

По мнению заявителя, раздел 2 оспариваемой Муниципальной целевой программы содержит неопределённость в вопросе о том, распространяется ли действие указанной программы на многоквартирные жилые дома, признанные непригодными для проживания. В этой связи гражданин С.Г. Сидоров обратился в Конституционный суд Республики Татарстан с просьбой признать раздел 2 и абзац 15 раздела 4 данной Муниципальной целевой программы не соответствующими ст. 28 (ч. 1 и 2), 29 (ч. 1), 55 и 58 (ч. 2) Конституции Республики Татарстан.

В ходе рассмотрения жалобы выяснилось, что жилой дом, в котором проживает гражданин С.Г. Сидоров, вопреки его доводам, был включён в обжалуемую Муниципальную целевую программу. Однако ввиду отсутствия финансирования списки жилых домов, планируемых к расселению, не были утверждены. Соответственно, отселение граждан, проживающих в ветхих жилых домах, не производилось. Это касалось как многоквартирных, так и многоквартирных домов.

Указывая на невозможность отселения в благоустроенное жильё в соответствии с оспариваемой Муниципальной целевой программой ИК МО г. Казани ссылаются не на нормативную часть этой программы, а на отсутствие финансирования. Тем самым требование заявителя признать раздел 2 обжалуемой Муниципальной целевой программы не соответствующим Конституции Республики Татарстан сводится не к оценке содержания данной нормы, а к исследованию причин неисполнения органами МСУ города Казани взятых на себя обязательств по переселению граждан из ветхих помещений в благоустроенное жильё. Другими словами, речь идёт об исследовании фактических обстоятельств, что не относится к компетенции Конституционного суда Республики Татарстан (ст. 109 Конституции Республики Татарстан; ст. 3 Закона Республики Татарстан «О Конституционном суде Республики Татарстан»).

Таким образом, жалоба в этой части не отвечает требованиям, установленным ст. 100 и 101 Закона Республики Татарстан «О Конституционном суде Республики Татарстан», и поэтому не является допустимой. Вопросы о проверке законности и обоснованности судебных решений по делу гражданина С.Г. Сидорова, а также установление того, отвечали ли предложенные ему комнаты установленным требованиям, Конституционному суду Республики Татарстан неподведомственны [1]. Исходя из изложенного, Конституционный суд Республики Татарстан определил отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина С.Г. Сидорова.

Логика судей Конституционного суда Татарстана здесь такова: вот если бы Сидоров всё-таки был переселён во «что-нибудь», и это «что-нибудь» опять-таки оказалось жильём, непригодным для проживания, тогда бы его право на жилище было бы нарушено, поскольку реализация этого права оказалось бы недолжной, неправильной. По контрасту право, пребывающее в латентном состоянии правомочия, нарушено быть не может: таков

латентный вердикт судей Конституционного Суда Татарстана [4].

По мнению судей, поскольку все потенциальные бенефициары оказались в одинаковой ситуации непредоставления им нового жилья, то и отдельный потенциальный бенефициар, т.е. С. Г. Сидоров не должен тревожить систему конституционного правосудия по своему индивидуальному поводу. С одной стороны, здесь, как видим, задействована апелляция судей к «молчаливой общественности». С другой стороны, здесь фактически нарушен принцип приоритета личности, закрепленный в Конституции РФ 1993 года. Судьи Конституционного суда Татарстана фактически аргументируют от имени «молчаливого большинства» бенефициаров с их обманутыми надеждами на переезд в новое жильё, в то время как они должны выносить решение от своего имени и опираться на Конституцию, а не на «молчание» потенциальных бенефициаров.

В принципе суду для своей профессиональной деятельности всегда достаточно собственной власти [8, с. 49–

52]. Если же суд начинает аргументировать к молчанию большинства потенциально заинтересованных лиц, то это может свидетельствовать, как минимум, о неуверенности судей в приемлемости их решения с точки зрения соблюдения справедливости в данном конкретном случае, т.е. в отношении С. Г. Сидорова.

Дело С. Г. Сидорова так же, как и выше рассмотренное дело Р. А. Жильцова демонстрирует узость господствующего среди российского судейского корпуса юридического позитивизма, т.е. разоблачает неспособность судей некоторых конституционных и уставных судов РФ при рассмотрении социально-экономических жалоб граждан совместить перспективу позитивного права и более широкую перспективу социологии права [3, с. 1151–1159]. Другими словами, догма института конституционного правосудия о том, что конституционные суды рассматривают исключительно вопросы права, а не вопросы факта, фактически означает отказ в правосудии для неопределенного количества обращений граждан.

Литература:

1. Алкаева Д. А. Разъяснение решений Конституционного Суда Республики Татарстан // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Выпуск 7. — Казань, 2012
2. Безруков А. В. Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации в условиях модернизации государственного управления // Вестник МГУ (Управление). — 2013. — № 2.
3. Брежнев О. В. Институт пересмотра решений конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации: проблемы теории и практики // Право и политика. — 2013. — № 9.
4. Васин А. Л. Работа с обращениями граждан в Конституционном Суде Республики Татарстан / А. Л. Васин. // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Выпуск 7. — Казань, 2012
5. Гошуляк В. В. Законодательство субъектов Российской Федерации о субъектах права обращения в конституционные (уставные) суды на нарушения прав граждан // Закон и право. — 2013. — № 2.
6. Дайджест оперативной информации. Акты конституционного правосудия субъектов Российской Федерации, 2014, № 9, с. 24–31
7. Демидов В. Н. Социальная ценность региональной конституционной (уставной) юстиции: Пример Конституционного Суда Татарстана // Сравнительное Конституционное Обозрение. № 6.
8. Морозова А. С. Вопросы компетенции конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Российская юстиция. — 2013. — № 3. — С. 49–52

Теоретические подходы к пониманию природы и сущности местного самоуправления

Казанцева Дарья Олеговна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В настоящее время в нескольких законодательных актах, в частности, в Европейской хартии местного самоуправления закреплено определение местного самоуправления [1].

В Европейской хартии установлено, что местное самоуправление — это право и способность ОМС реализовать и контролировать дела, которые относятся к компетенции

местного самоуправления, при этом действовать в рамках законодательства в целях осуществления интересов народа и под самостоятельную ответственность. Хартия относится к группе международных законодательных актов, что говорит о несомненной важности и неотъемлемости органов местного самоуправления в странах, принявших данную хартию.

Конституция РФ определяет местное самоуправление, как самостоятельное решение народом конкретного субъекта вопросов местного значения, а также владение, пользование и распоряжение объектами, являющимися муниципальной собственностью.

Отсутствует однозначная точка зрения, касательно природы местного самоуправления. Если брать во внимание традиционный подход к его природе, то местное самоуправление рассматривается через призму государственной власти.

Сторонники данного подхода отмечают, что государственное и муниципальное управление схожи по своей сути. Их главной общей чертой является то, что они оба решают социально значимые вопросы общества и государства [3].

Так, муниципальным управлением признается вид социального управления, который осуществляется области местного самоуправления. Такой вид управления направлен на разрешение вопросов местного значения.

Иными словами, местное самоуправление служит разновидностью общественной власти, которая, в свою очередь, осуществляется в конкретных формах управления. Такой признак обособляет местную власть от иных видов властей, наделяя её самостоятельными признаками.

Невозможно осуществлять местное самоуправление без управления общественных процессов. Реализация местного самоуправления невозможна с отрывом муниципального управления.

Муниципальное управление служит необходимым элементом местного самоуправления.

Необходимо отметить, что такая система должна обязательно включать в себя объект и субъект.

Что касается субъекта муниципального управления, то законодательство о местном самоуправлении устанавливает формы его организации.

Методы воздействия на объект муниципального управления зависят от вида субъекта.

Сам объект муниципального управления представляется в виде муниципального хозяйства, которое включает в себя отношения двух уровней.

Первый уровень таких отношений заключается в поведении граждан, населяющих муниципальное образование, второй уровень — это муниципальная собственность и непосредственно сама территория самоуправления.

Объект управления различает методы воздействия на элементы объекта.

Данный фактор позволяет эффективно реализовывать функции муниципального управления [1].

В настоящий момент проходит реформа местного самоуправления, целью которой является увеличение эффективности государственного и муниципального управления, что в свою очередь станет причиной улучшения качества жизни населения страны.

В связи с этим местное самоуправление рассматривается через призму социальной активности граждан. Местное самоуправление, являющееся частью всей си-

стемы публичной власти, способно повысить социальную активность населения, которая служит предпосылкой динамичного развития муниципального образования.

Также в настоящее время существует проблема ограничения местного самоуправления. Это проявляется в попытках объединить местные органы управления в более крупные.

С точки зрения тех, кто поддерживает данную концепцию, такое объединение позволит сэкономить материальные и иные ресурсы, которые требуются для реализации их полномочий.

Региональные руководители зачастую недовольны муниципалитетами, в частности, причиной их негативного отношения являются проблемы жилищно-коммунального хозяйства, проблемы выплаты заработной платы и иные проблемы.

Они полагают, что объединение территорий муниципальных образований позволит объединить их доходы.

Данной точки зрения также придерживаются и иностранные авторы. Например, P. Swianiewicz в своей статье указывает, что такое объединение будет иметь несомненные плюсы, заключающиеся в приросте дохода муниципального образования, более легком управлении им за счет единообразия [6].

Основной причиной создания данной программы будет и то, что у местного самоуправления собственной компетенции. Ведь ни органы государственной власти, ни государственные должностные лица не могут их осуществлять. Поэтому необходимо реформирование образований именно на местном уровне.

Проблему местного самоуправления также исследовал и С. А. Коршунов в своей диссертации на тему «Правовое регулирование государственного контроля в сфере местного самоуправления» [2].

Суть его диссертационного исследования заключается в рассмотрении самой природы государственного контроля с области МС, его правовых основ, а также в анализе порядка государственного контроля в других странах.

Автор делает акцент на том, что публичное управление в России достаточно динамично развивается, наравне с системой государственной и местной власти.

Такое динамичное реформирование порождает некоторые пробелы в подсистеме публичного управления. Автор находит решение данной проблемы в государственном контроле.

Именно он способен связать различные уровни власти. Контроль также способствует независимой оценке различных реформ, тогда, как применяемые методы не всегда являются эффективными и достаточными.

Относительно данной темы высказывался и Ian C. Elliott в своей статье *Reimagining the future public service workforce* [5]. Он видел решение такой проблемы в том, что необходимо укрепить аппарат местного самоуправления, иными словами, повышать навыки и компетенцию государственных служащих.

Говоря о методологической роли в понятии природы местного самоуправления, то стоит отметить определение Конституционного Суда РФ № 236-О [7], устанавливающее то, что самоуправление осуществляется на базе объединения общественных и государственных начал.

Кроме того, в Постановлении Конституционного Суда РФ N3-П [8] суд указывает, что по термину «орган власти» нельзя говорить о местном самоуправлении, как о государственной власти. Отмечено, что публичная власть может быть также и муниципальной.

Так, например, некоторые нормативные акты предусматривают, что народ конкретного субъекта может посредством референдума большинством голосов от-

казаться от применения права на организацию самоуправления.

Несомненно, нельзя не согласиться с позицией суда по этому поводу, ведь местное самоуправление — есть прямая и необходимая форма осуществления власти народом, а также является неотъемлемой основой конституционного строя государства.

Таким образом, местное самоуправление — это право и способность ОМС реализовать и контролировать дела, которые относятся к компетенции местного самоуправления, при этом действовать в рамках законодательства в целях осуществления интересов народа и под самостоятельную ответственность.

Литература:

1. Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985) // «Дипломатический вестник», N10, 1998.
2. Коршунов С. А. «Правовое регулирование государственного контроля в сфере местного самоуправления» // <http://www.dissercat.com/content/pravovoe-regulirovanie-munitsipalnogoupravleniya>
3. Павлов Н. В. «Правовое регулирование муниципального управления» диссертация ВАК 12.00.02, кандидат юридических наук Павлов, Николай Владимирович // <http://www.dissercat.com/content/pravovoe-regulirovaniemunitsipalnogo-upravleniya>
4. Сёмкина Т. Б. «Органы местного самоуправления: правовое регулирование отношений с государственной властью в регионе» // <http://www.dissercat.com/content/pravovoe-regulirovanie-munitsipalnogoupravleniy>
5. Ian C. Elliott. Reimagining the future public service workforce // Local Government Studies Volume 45, 2019 — Issue 2.
6. Swianiewicz P. If territorial fragmentation is a problem, is amalgamation a solution? // Journal. Local Government Studies. Volume 44, 2018 — Issue 1: Special issue on privatization, contracting-out and inter-municipal cooperation: new developments in local public service delivery.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2015 г. N236-О // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70781968/>
8. Постановление конституционного суда РФ от 01.02.96 п 3-п «по делу о проверке конституционности ряда положений устава — основного закона читинской области» // <https://zakonbase.ru/content/base/10920>

Причинение тяжких последствий как результат совершения преступления по ч. 3 ст. 286 УК РФ

Кальникайте Регина Альфридовна, студент магистратуры
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

В данной статье рассматриваются и анализируются вопросы, связанные с нанесением тяжких последствий, как результатом совершения преступления по ч. 3 ст. 286 УК РФ. По данной тематике проанализирована позиция законодателя относительно перечня тяжких последствий, а также рассмотрены точки зрения научного сообщества в данной сфере.

Ключевые слова: тяжкие последствия, превышение должностных полномочий, последствия.

Превышение должностных полномочий представляет собой такую категорию деяний, которая по большей своей части является латентной, тем не менее, посягательства могут приносить вред, как на уровне физического лица, так и на государственном уровне.

Наиболее острым рассматривается вопрос при квалификации по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, при совершении которого в результате совершения объективной стороны в качестве результата выступают тяжкие последствия. Исходя из положений п. 21 Постановления Пленума Вер-

ховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. N19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» тяжкие последствия раскрываются недостаточно конкретно и подробно.

К их числу относятся наступление крупных аварий, длительной остановки транспорта в ходе рабочего процесса, причинение значительного материального ущерба деятельности организации, а также причинение смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство пострадавшего лица.

Данные положения, по мнению автора, рассмотрены достаточно в общем плане, без рассмотрения конкретных сфер деятельности организации и физического лица, что свидетельствовало бы о тяжелых последствиях в конкретной сфере.

Также следует помнить, что сами по себе тяжкие последствия остаются оценочным признаком с опорой на конкретные обстоятельства по делу [1, с. 33–41].

Помимо вышеперечисленных признаков тяжких последствий в научной литературе освещены признаки в качестве дополнительных, по существу являющихся тяжкими последствиями по отношению к интересам организации, а именно «неуплата налогов и таможенных платежей, небоеспособность, снижение обороноспособности, укрывательство особо тяжкого преступления» [3].

Также к тяжким последствиям могут относиться и массовые беспорядки как результат совершения преступления, а также «дезорганизация работы государственного или муниципального органа или учреждения» [2, с. 822–823], а также «причинение ущерба в особо крупных и крупных размерах, психическое заболевание потерпевшего» [4, с. 372, 378].

Также тяжкие последствия как результат совершения преступления в виде превышения должностных полномочий могут выражаться в сокрытии крупных хищений, или же иных преступлений, носящих тяжкий или особо

тяжкий характер преступного умысла. Если деятельность касается деятельности организации, то, как результат может выступать срыв экономической деятельности организации, а также ее обязательств по отношению к другим лицам и организациям, или, если рассматривать на наиболее масштабном ключе, то и государственных планов и интересов.

С точки зрения теории уголовного права тяжкие последствия являются квалифицирующим признаком превышения должностных полномочий. По диспозиции статьи указана лишь сфера деятельности организации лица, в которой может быть совершено преступление по ст. 286 УК РФ, а именно сфера его профессиональной служебной деятельности.

С точки зрения наступления последствий указано, что посягательство лица совершено с существенным нарушением прав и законных интересов лица или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства. Данный перечень также выглядит достаточно в общем плане, без существенной конкретизации.

Автор полагает логичным и целесообразным указать в данной статье перечень конкретных последствий, в том числе и тяжкого характера, при наступлении которых правоприменители могли бы иметь единообразие в вопросе квалификации деяний, поскольку данная статья указывает на наличие специального субъекта преступления, а именно на лицо, имеющие специальные должностные обязанности. Соответственно при наличии специального субъекта рационально было бы указать и последствия, которые данное лицо могло бы нанести в качестве последствий, в том числе и тяжких.

Помимо всего прочего, неоднозначность и неконкретность тяжких последствий в качестве результата совершения преступления приводит к изменению судебного решения и исключению из обвинения указания на соответствующий квалифицирующий признак [5, с. 31–32].

Литература:

1. Быкова Е. Г., Яшков С. А. Тяжкие последствия ненасильственного превышения должностных полномочий сотрудниками органов внутренних дел // Уголовное право. 2017. N1. С. 33–41.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. С. 822–823.
3. Пейсикова Е. В., Яни П. С. Пленум Верховного Суда Российской Федерации. Постановление от 16 октября 2009 г. N19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Комментарий к Постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Н. И. Бирюков, О. Н. Ведерникова, С. А. Ворожцов и др.; Под общ. ред. В. М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2014 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Российское уголовное право. Курс лекций: В 3 т. Т. 3. Особенная часть (главы XI — XXI) / А. В. Наумов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 372, 378.
5. Яни П. Вопросы квалификации должностных преступлений в Постановлении Пленума и судебной практике // Законность. 2014. N4. С. 31–32.

Актуальные вопросы положения субъекта в квалификации деяний по статье 286 УК РФ

Кальникайте Регина Альфридовна, студент магистратуры
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

В данной статье рассмотрен вопрос правового положения субъекта за превышение должностных полномочий, а также раскрыты ситуации, в которых возникают трудности в возможности квалифицировать неправомерные действия со стороны должностного лица.

Ключевые слова: субъект, превышение должностных полномочий, уголовная ответственность.

Временном этапе развития российского права применительно к некоторым преступлениям весьма проблематичен и неоднозначен. Зачастую данный состав преступления может быть завуалирован под секретностью служебной деятельности должностного лица. Так, сотрудник правоохранительного органа может совершить различного рода посягательства на лицо во время исполнения своих служебных обязанностей. Такими посягательствами могут быть как изнасилование и причинение смерти по неосторожности, так и виды хищения различного характера.

В данном случае должностное лицо очевидно выходит за пределы своих должностных полномочий, и совершения такого рода действий неприемлемы ни при каких обстоятельствах. Таким образом, должностное лицо совершает преступление, идущее в разрез интересов общества и государства [4].

Основополагающей характеристикой при квалификации по ст. 286 УК РФ является связь действий должностного лица и его обязанностями по службе, в ином случае преступление, содержащее в себе объективную сторону, выполняемую должностным лицом следовало бы рассматривать, как превышение своих полномочий. «Уложение о наказаниях 1885 г. устанавливало ответственность за применение насилия различной степени интенсивности или оскорбление кого-либо »при отпращивании должности« в самостоятельных нормах — ст. 345, 346, 347» [5].

Таким образом, ранее законодатель полагал, что насилие, совершаемое не при исполнении должностных обязанностей, не может быть связано с превышением своих служебных полномочий.

Как пишет Б. Волженкин, данному составу преступления характерна связь потерпевшего и субъекта, и уголовная ответственность наступает лишь тогда, когда превышение должностных полномочий происходит, затрагивая напрямую интересы потерпевшего лица, при этом субъект обладал служебными полномочиями по отношению в потерпевшей стороне (физическое лицо или организация) [3].

В данном составе субъект должен воздействовать непосредственно на потерпевшего, именно так он затрагивает напрямую его интересы.

В отдельных случаях превышение должностных полномочий имеет место быть при совершении оперативным сотрудником принуждения лица к негласному, неофициальному сотрудничеству со следствием, участию в ОРМ [2].

Помимо этого, автор хотел бы указать на типичные превышения должностных полномочий насильственного характера, в частности, вынуждение подчиненных лиц должностным лицом выполнять определенные действия (бездействия) ввиду использования своего должностного положения в интересах виновного лица, а также обращение к подчиненным лицам с требованиями о передаче денежных средств и прочих материальных ценностей для их использования в интересах конкретной организации. Соответственно, данная ситуация иллюстрирует должностное превышение полномочий.

Также, совершение преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ может быть совершено и по личным мотивам субъекта, но так или иначе обязательным признаком преступления должна быть связь со служебными обязанностями должностного лица.

В соответствии с Определением Военной коллегии Верховного Суда РФ от 19 февраля 2004 г. №3–74/03 действия военного комиссара квалифицированы по ч. 1 ст. 286 УК РФ, который потребовал от подчиненных ему военных комиссаров районов внести материальный вклад в создание подарочного фонда. Со слов вышеупомянутого лица, данные деньги были предназначены для поздравления вышестоящего командования и проверяющих лиц. Комиссары осознавали явную незаконность требования, но были вынуждены его выполнять. При этом высшая судебная инстанция обоснованно предлагает проверять на наличие признаков злоупотребления должностными полномочиями или их превышения действия должностного лица, за которые спонсорская помощь была получена [1].

Данное преступление совершено по причине карьеризма и мотиву показать наилучшую картину положения дел, что не соответствовало действительности, что в свою очередь, указывают на личную заинтересованность субъекта.

Таким образом, проблематичным аспектом в вопросе квалификации действий по превышению должностных полномочий состоит в том, что уголовной ответственности в отношении субъекта зачастую может и не наступить.

пить, поскольку сам по себе состав преступления неразрывно связан с деятельностью виновного лица, а также потерпевших лиц, по большей части напрямую зависящих от субъекта и его должностного положения.

Помимо этого, субъект чувствует собственную безнаказанность в случае посягательства на жизнь и здоровье потерпевших.

Литература:

1. Борков В.Н. Новый способ получения взятки и реабилитации «мелких» взяточников // Современное право. 2017. №1. С. 81–86.
2. Борков В.Н. Оперативная провокация как способ фальсификации (ч. 4 ст. 303 УК РФ) // Законность. 2017. №6. С. 30–34.
3. Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2005. С. 137.
4. Соловьева Ю.И. Коррупционные преступления // СПС КонсультантПлюс. 2019.
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Изд. Н.С. Таганцевым. СПб., 1901. С. 338–339.

В связи с этим и возникают трудности с квалификацией данного деяния, поскольку ввиду должностного положения, которое является, по сути, проявлением в том числе и государственных интересов, несущих под собой императивность, проявления отношений власти и подчинения, в которых потерпевшая сторона является исполнителем требований должностного лица.

Правовая природа и генезис ответственности за нарушение обязательств

Карабашева Фатима Шамилевна, преподаватель;

Куликова Кристина Борисовна, студент

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Ростов-на-Дону)

В настоящей статье автор проводит анализ гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств, раскрывает вопрос истории развития ответственности за нарушение обязательств, дает определение понятию «ответственности».

Ключевые слова: ответственность, нарушение обязательств, гражданская ответственность.

В цивилизованном обществе юридическая ответственность призвана обеспечить интересы каждого самостоятельного индивида и общества в целом путем поддержания социальной справедливости высокоразвитыми способами.

Гражданско-правовая ответственность является разновидностью юридической ответственности и составляет его часть. Каждый вид юридической ответственности регулирует различного рода отношения, так отношения имущественного характера регулируются гражданско-правовой ответственностью и данный вид ответственности может применяться не только в качестве единственной санкции за совершенное правонарушение, но и совместно с административно-правовыми и (или) уголовно-правовыми санкциями. [4]

Юридическая ответственность, которая относится к частному праву, может переплетаться с юридической ответственностью, относимой к публичному праву. Так гражданская ответственность может применяться совместно с административной или дисциплинарной ответственностью, но не может быть применена одновременно за одно и то же действие и административная и уголовно-правовая ответственность.

Гражданская ответственность несет свой специфический характер восстановления общественной справедливости. Суть гражданско-правовой ответственности заключается в том, что она направлена на возвращение индивиду, того, на что было направлено посягательство, это может быть материальная или нематериальная вещь. Сформулированные определения и понятия гражданской ответственности в основном формировались на основе памятников римского права.

Существо, и смысл таковых определений сводились к пониманию обязательства как правоотношения, к которому кредитор, может требовать от должника действия или упущения, к которому другое лицо обязано.

Русская цивилистическая наука восприняла сформулированное римскими учеными определение всего существования обязательства как правового отношения, содержанием которого является право одного лица, требовать совершения действия или бездействия, которому корреспондирует обязанность другого лица совершить такие действия.

Российское дореволюционное законодательство не сохранило понятие об обязательстве, хотя Проект гражданского Уложения Российской Империи определял,

«Обязательство есть законная обязанность одного лица к передаче имущества или к совершению, либо к не совершению иного действия в пользу другого лица». [2]

Анализируя работы советских ученых, можно прийти к выводу, что в своих исследованиях они опирались на экономическую, а не юридическую терминологию относительно понятия обязательства. Обращение советских ученых к анализу экономического содержания обязательства без рассмотрения его гражданско-правовой сущности было проявлением идеологических убеждений. Это, безусловно, негативно отражалось на развитии обязательственного права в целом, поскольку советские цивилисты осознавали, что используемые ими характеристики обязательства не полностью раскрывают его суть и, следовательно, суть ответственности возникающей из-за неисполнения обязательств. Несмотря на то, что обязательство традиционно рассматривалось как правоотношение, на практике его сущность раскрывалась лишь в правовой форме экономического товарообмена.

В свою очередь обязательственное право стало расцениваться с искажением смысла, как совокупность норм, регламентирующих отношения участников товарного оборота, т.е. все разработки в этой сфере свелись только к договорному праву, оставив за рамками институт вреда, убытков и их возмещения.

В институте гражданско-правовой ответственности полноценно выражена сама суть гражданского права, его принципы и значение в обществе. [3]

В процессе исследования данной тематики было выявлено, что вопросы, касающиеся гражданско-правовой ответственности за нарушение договорных обязательств, изучаются столько же, сколько существует само гражданское право. Несмотря на это, единого представления и понимания данного вопроса не сформировалось. Очевидно, что изучение исторических аспектов, является следствием того, что современный институт ответственности гражданского права несет в себе исторический отпечаток.

Со становлением государственности и развитием личности ответственность уходит в область публичного права, оставляя частному праву имущественную сферу ответственного лица. Понятие гражданской ответственности по советскому законодательству отражается в изменении характеристик общественных отношений, которые имели место в Советском государстве. Однако норм, которые бы содержали всю сущность, характер, принципы, функции гражданско-правовой ответственности, её целенаправленности, в Советском законодательстве не отмечалось.

Можно предположить, что вследствие этого понятие гражданско-правовой ответственности за неисполнение договорных обязательств формировалось на основании норм гражданского законодательства СССР и союзных республик.

К факторам развития института ответственности в сфере обязательств можно отнести гражданско-правовые идеи и концепции. В условиях развитого социалистического общества под влиянием партии КПСС прои-

зошли изменения в содержании и функциях советского гражданского права, что нашло в то время, отражение общесоюзной и республиканской кодификации гражданского законодательства.

Также активно велась речь о необходимости перехода к теоретическому осмыслению исключительных факторов гражданско-правового регулирования. Институт ответственности за неисполнение договорных обязательств являлся одним из базовых институтов гражданского права советского союза, значение которого определялось практической причастностью гражданско-правовых обязательств в социалистическом хозяйстве СССР. [3]

Несмотря на это, в юридической литературе не сложилось единого мнения относительно понятия гражданско-правовой ответственности. Законодатель не давал четкого определения понятия ответственности, её видов и мер, признаков которые бы несли ясное представление данного понятия, и помогали отграничивать его от других правовых средствах.

Глубокий анализ советской юридической литературы приводит к выводу, что гражданско-правовая ответственность связывалась с понятием санкции в обществе. Существовало мнение, что ответственность не может существовать без санкции.

Существует закономерная связь между ответственностью и обязательствами, поскольку системность указанных правовых явлений влияет на правовое регулирование гражданской ответственности — его объем, пределы; на эффективность общественного и государственного осуждения противозаконного, общественно опасного поведения, что является целью ответственности. Также необходимо отметить, что в советском праве существовало множество конструкций общетеоретического понятия ответственности.

В советском гражданском праве процесс правового регулирования ответственности за нарушение обязательств как специфическая форма управленческого воздействия на поведение их субъектов осуществлялась системой гражданско-правовых средств, совокупность которых позволяет говорить об определенном механизме правового регулирования.

Советское гражданское право определяло противоправность поведения причинившего убытки лица как необходимое условие их возмещения, поскольку не любое причинение вреда было связано с нарушением охраняемых правом интересов, но всё же при применении договорной ответственности противоправность неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обязательств резюмировалась. Это происходило потому, что под противозаконными действиями понимались такие действия, которые хотя и не нарушали установленные нормы права, но противоречили общим началам и смыслу советского законодательства. Рассматривая сущность убытков как одного из условий гражданско-правовой ответственности и её формы, можно проследить, что возникновение таковых рассматривалось как факт. Убытки

выражались в уменьшении той имущественной массы, которая была в наличии у потерпевшего убытки лица, либо в не поступлении того имущества, которое должно было поступить, то есть это утраченные доходы. Особое внимание следует уделить вине, как субъективному признаку ответственности. Сущность вины состоит в отрицательном отношении лица к социалистическим общественным отношениям и ценностям. С 1920 года стали приниматься отдельные нормативно-правовые акты, регулирующие возмещение вреда, но это регулирование было частичным и влияло на определенные сферы общественной жизни. [4]

По нашему мнению, действующее российское законодательство не располагает результативным правовым механизмом обеспечения неотвратимости наказания и привлечения к гражданско-правовой ответственности за неисполнение договорных обязательств. Это означает, что существует конкретная проблема в науке гражданского права, нуждающаяся в решении.

С изрядной долей относительности и большой нагрузкой можно отметить достижения законодательства 1917–1961 гг., которые имеют все шансы быть позитивными: [2]

— Создание основополагающего правила разделения ответственности договорной (хозяйственно-плановой, так как договор играл в то время техническую роль) и внедоговорной, возникающей вследствие осуществления

властной деятельности, регламентируемой административным правом, процессуальными отраслями права.

Таким образом, с учетом вышеизложенного конкретизация признаков гражданско-правовой ответственности позволяет сформулировать ее понятие. Мы определили, что гражданско-правовая ответственность — это мера государственного принуждения имущественного характера, применяемая в целях восстановления нарушенного состояния и удовлетворения потерпевшего за счет правонарушителя. Неразрывная связь обязательства с гражданско-правовой ответственностью как следствие приводила к тому, что основания данной ответственности как самостоятельного правового института советского гражданского права со своими целями и задачами частично утратились целями обязательств. [2]

Подводя итог, необходимо повторить, что понятие ответственности в советском правовом поле не было четко сформулировано и так же оно отличалось от современного понятия ответственности. Так же хотелось бы повторить, что понятие ответственности не вытекало из гражданско-правовых отношений и поэтому на сегодняшний момент, современное и прошлое понятие ответственности имеют разное значение. В определенном смысле это не разные понятия, но признаки у них отличаются. Понятие ответственности из советского права главным образом дало толчок цивилистам для развития современного института ответственности за неисполнение договорных обязательств.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года N51-ФЗ [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 15.09.2019)
2. Андреев Ю. Н. Договор в гражданском праве России: сравнительно-правовое исследование: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. [Электронный ресурс] Режим доступа // <https://biblio-online.ru> (дата обращения: 15.09.2019)
3. Иванова Е. В. Гражданское право. Общая часть: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. — М.: Издательство Юрайт, 2016. [Электронный ресурс] Режим доступа // <https://biblio-online.ru> (дата обращения: 15.09.2019)
4. Зенин И. А. Гражданское права: учебник для академического бакалавриата. — 17-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2016. — 655с. [Электронный ресурс] Режим доступа // <https://biblio-online.ru> (дата обращения: 15.09.2019)

Основание и порядок применения мер административного пресечения

Карпенко Наталья Александровна, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье 1.2 КоАП РФ задачами законодательства об административных правонарушениях является защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, охрана здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защита общественной нравственности, охрана окружающей среды, установлен-

ного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений [1].

Одной из функций административного права является — правоохранительная функция. Именно административное право регламентирует правила привлечения лиц к административной ответственности, назначает наказания.

Правоохранительная функция осуществляется через методы государственного управления — убеждение и принуждение. Если метод убеждения только стимулирует должное поведение участников правоотношений, то методу принуждения характерно привлечение к административной ответственности и т.д.

В свою очередь, меры административного принуждения также принято разделять на четыре группы: административно-предупредительные меры, меры административного пресечения, меры административной ответственности и меры административно-процессуального обеспечения.

В рамках настоящей статьи рассмотрим основание и порядок применения мер административного пресечения.

Под мерами административного пресечения понимаются средства и способы административно-правового характера, используемые соответствующими субъектами государственного управления в целях принудительного прекращения противоправных действий (деятельности) граждан, должностных лиц, предприятий, учреждений и организаций, нарушающих установленный порядок [6].

Основанием для применения мер административного пресечения являются реальные правонарушения, которые представляют непосредственную угрозу охраняемым общественным отношениям, причиняют им вред. В целях защиты их интересов требуется незамедлительное принятие соответствующих мер органами исполнительной власти и должностными лицами.

Среди других мер административного принуждения меры административного пресечения наиболее многочисленны и разнообразны. Это обусловлено тем, что в различных условиях, в отношении различных объектов, различные органы государственной власти должны применять наиболее эффективные средства воздействия для прекращения противоправных действий. В связи с этим в разное время, разными авторами проводились попытки классифицировать и систематизировать эти меры.

В настоящее время принято считать более точной, лаконичной и практичной классификацию мер административного пресечения, данную А. П. Корневым.

А. П. Корнев предложил классификацию мер административного пресечения исходя из их целей, характера и объекта воздействия:

- меры, применяемые непосредственно к личности правонарушителя;
- меры имущественного характера;
- меры технического характера;
- меры санитарно-эпидемиологического характера;
- меры финансово-кредитного характера [7].

Так, в частности, согласно данной классификации к мерам, применяемым непосредственно к личности пра-

вонарушителя можно отнести требование прекратить неправомерное поведение, непосредственное физическое воздействие, административное задержание и доставление в полицию и др. К меры имущественного характера относится изъятие огнестрельного охотничьего оружия, снос самовольно возведенных строений и т.д. Меры технического характера запрещают эксплуатации неисправного транспорта, приостанавливают работы предприятий ввиду нарушения правил техники безопасности, правил пожарной безопасности, запрещают или ограничивают ремонтно-строительных работ на улицах и дорогах, если не соблюдаются требования по обеспечению общественной безопасности. Меры финансового характера осуществляют прекращение кредитования, сокращение бюджетного финансирования, отзыв лицензии, дающей право осуществлять финансовые операции, изъятие (взимание) в доход бюджета сумм, полученных предприятиями, учреждениями и организациями в результате нарушения финансовой дисциплины, законодательства о ценах, о реализации нестандартной продукции и др. Меры Санитарно-эпидемиологического характера направлены на отстранение от работы инфекционных больных, запрещение эксплуатации предприятий торговли или общественного питания из-за их антисанитарного состояния и т.д.

Под порядком применения мер административного пресечения понимается законодательно установленная последовательность осуществления определенных действий, которыми должны руководствоваться уполномоченные должностные лица перед, в момент и после применения административно-пресекательных мер при возникновении условий, наличие которых позволяет им осуществить рассматриваемые меры.

При этом говоря о порядке применения мер административного пресечения следует учитывать способ их принудительного воздействия, который закреплен диспозицией правовой нормы, ее устанавливающей, так например, проверка документов, требование прекратить противоправные действия, досмотр сотрудниками полиции граждан на предмет взрывоопасных предметов при посещении культурно-массовых мероприятий и другое, реализуется в процедурном порядке.

Меры же административного пресечения, способ принудительного воздействия которых закреплен санкцией правовой нормы, ее устанавливающей, реализуются в порядке, включающем следующие действия:

- документальная фиксация конкретной ситуации;
- рассмотрение уполномоченным должностным лицом данного конкретного дела и принятие по нему решения;
- исполнение принятого по делу решения, т.е. реализация предусмотренного санкцией правовой нормы принудительного способа воздействия.

Все эти действия составляют процессуальный порядок применения мер административного пресечения, способ принудительного воздействия которых закреплен санкцией правовой нормы.

Следует также отметить, что рассмотрение и разрешение дел о применении некоторых мер административного пресечения осуществляется также и в порядке административного судопроизводства, например, о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке (п. 6 ч. 3 ст. 1 КАС РФ).

Реализация ряда мер административного пресечения, уполномоченными на то органами и должностными лицами, происходит без обращения в суд. В то же время некоторые меры административного пресечения могут быть применены только судьями (административный арест, лишение водительских прав, административное выдворение за пределы РФ иностранного гражданина или лица без гражданства и т.д.). Следовательно, все меры административного пресечения можно разделить на применяемые во внесудебном порядке и применяемые только по решению суда.

В заключении необходимо отметить, что в настоящее время нет единого нормативного акта, закрепляющего си-

стему мер административного пресечения и способов их применения, пресекательная деятельность в сфере государственного управления регламентируется многими законодательными актами, среди которых можно выделить: КоАП РФ, ГК РФ, Таможенный кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, ФЗ № 3 от 7 февраля 2011 г. «О полиции», Закон РФ от 2 июля 1992 г. «О психиатрической помощи и гарантиях прав гражданина при ее оказании», ФЗ РФ от 30 марта 1995 г. «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызванного вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)», ФЗ РФ от 30 марта 1999 г. «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», ФЗ РФ от 15 августа 1996 г. «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и др., что само собой создает определенные трудности в порядке применения этих мер. Поэтому в ближайшее время целесообразно было бы пересмотреть и систематизировать в одном нормативно-правовом акте меры административного пресечения и способы их применения.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: текст с изменениями и дополнениями на 17 марта 2019 г. — Москва: Эксмо, 2019. — 544 с.
2. Административное право: учебник для бакалавриата /Н. М. Конин, Е.И. Маторина, — М.: Издательство Юрайт, 2014. — 574 с.
3. Административное право России: учеб. пособие /В. И. Кайнов. — Ростов н/Д: Феникс, 2018. — 332 с.
4. Административное право. Учебное пособие для вузов/Н. В. Макареико. — М.: Юрайт, 2016. — 336с.
5. Административное право Российской Федерации. Курс лекций. Учебное пособие/Л. А. Гречина. — М.: Проспект, 2017. — 112с.
6. Административно-процессуальное право. Словарь терминов и понятий. Орёл: Орловский юридический институт МВД России, 2010 г. — 172 с.
7. Ковшевацкий В. И. Проблемы классификации отдельных мер административного пресечения. //Юридические науки. 2017. № 2. С. 49.

Деятельность органов прокуратуры по обеспечению законности нормативных правовых актов органов местного самоуправления

Касмцкая Кристина Игоревна, студент магистратуры
 Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Иntenсивное обновление федерального законодательства, нормотворческая деятельность органов местного самоуправления требуют повышения качества принимаемых правовых актов, укрепления взаимодействия органов прокуратуры с муниципальными властями, непосредственного участия прокуратуры в нормотворческом процессе.

Обеспечение соответствия нормативных правовых актов органов местного самоуправления федеральному и региональному законодательству — одна из ключевых

проблем, присущих становлению местного самоуправления в нашей стране. Одним из институтов системы контроля за законностью нормативных правовых актов органов местного самоуправления является прокурорский надзор.

Прокурорский надзор является одним из основных институтов системы контроля за законностью нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Для обеспечения единого правового пространства на всей территории страны прокуроры наделены достаточными власт-

ными полномочиями, но для их полноценной реализации необходимо законодательно установить процедуру представления в органы прокуратуры принятых нормативных правовых актов органов местного самоуправления.

Прокурорский надзор за законностью муниципальных актов предполагает предотвращение и устранение несоответствующих закону норм, чему способствует их своевременное изучение, а также реагирование на установленные нарушения [1].

Для устранения в нормативных правовых актах положений, не соответствующих закону, прокурор наделен действенным комплексом полномочий, но для их реализации необходимо обеспечить своевременное поступление и изучение принятых правовых актов.

Законодательство не предусматривает обязательное представление в прокуратуру муниципальных актов, что чревато наличием некоторых сложностей при исполнении надзорных функций.

В то же время Генеральный прокурор Российской Федерации в приказах от 02.10.2007 № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» [2] и от 28.12.2009 № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» [3] обязывает прокуроров обеспечить изучение муниципальных актов в течение 30 дней со дня их принятия или внесения изменений, выступить с инициативой об изменении муниципальных актов для установления порядка представления в прокуратуру для проверки принятых актов.

Возможность внесения изменений в муниципальные акты для определения порядка представления прокурорам принятых актов выступает эффективным механизмом для оперативного выявления незаконных актов. Вместе с тем необходимо учитывать, что власть на местах вправе отклонить такую инициативу прокурору.

Однако, прокурор может ознакомиться с принятым актом иным способом, например, в ходе участия в работе муниципальных органов, внесения требований о представлении документа, анализа сведений из регистра муниципальных актов, а также из СМИ.

Вместе с тем законодательное установление порядка представления прокурору принятых муниципальных актов, а также ответственности за его несоблюдение унифицировало бы надзорную практику и существенно повысило его эффективность.

Изменения в законодательстве нередко приводят к несоответствию актов органов местного самоуправления.

Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 02.10.2007 № 155 устанавливается, что в течение одного месяца с момента обновления законодательства на федеральном уровне прокурорам следует сверять муниципальные акты и подготавливать соответствующие заключения (пункт 2.3), что позволяет обеспечить постоянный мониторинг обновления законодательной базы.

Также органы прокуратуры уполномочены приносить протесты на муниципальные акты, обращаться в суды о признании муниципального акта, не соответствующим нормам федерального законодательства, недействующим (полностью или в части), вносить представления, направленные на устранение выявленных нарушений.

Гражданское и арбитражно-процессуальное законодательство наделяют прокурора полномочием по обращению в суды с тем, чтобы признать недействующим муниципальный акт без принесения на него протеста. Таким образом, эти средства реагирования могут применяться одновременно.

В то же время Генеральным прокурором Российской Федерации в приказе от 02.10.2007 № 155 закреплено, что обращаться в суды можно при несогласии муниципалитетов с прокурором или затягивании приведения нормативного акта в соответствие с законом, т.е. после принесения прокурорского протеста. Данное положение позволяет не прибегать к использованию избыточного прокурорского реагирования.

За неприведение в соответствие с законом муниципального акта, признанного судом противоречащим федеральному законодательству: функции представительного органа местного самоуправления могут быть прекращены, главы муниципальных образований, местной администрации могут лишиться должности [4].

Реагируя на нарушения законов, допущенных при издании муниципальных актов, прокуроры наделены полномочиями по проведению их антикоррупционной экспертизы [5].

В частности, органы прокуратуры устанавливают соответствие муниципальных актов федеральным законам в ходе надзора за законностью нормативных актов и участия в правотворчестве.

Федеральным законом от 17.06.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» установлены сферы, регламентируемые правовыми актами органов, организаций, их должностных лиц, подверженные антикоррупционной экспертизе прокурорами [6].

Горрайпрокуроры осуществляют антикоррупционную экспертизу муниципальной нормативной базы в течение 30 дней. По ее итогам может быть принесен протест, в случае выявления коррупционных факторов — требование об их устранении.

Надзорная практика показывает, что к числу наиболее часто выявляемых коррупционных факторов относятся отсутствие или неполнота административных процедур, широта дискреционных полномочий, издание муниципальных актов за рамками компетенции, выборочное изменение объема полномочий, завышенные требования, предъявляемые для реализации субъективных прав.

Коррупционным факторам нередко подвержены сферы социальной защиты, земельных, жилищных, бюджетных, налоговых, бюджетных, налоговых отношений, осуществления муниципального контроля.

Среди трудностей в ходе обеспечения законности нормативной базы органов местного самоуправления прокуроры выделяют отсутствие системного мониторинга со стороны муниципалитетов.

На обеспечение единого правового пространства отрицательное влияние оказывает и отсутствие в законодательстве [7] сроков для приведения актов органов местного самоуправления (за исключением уставов муниципальных образований) в соответствие с федеральным (региональным) законодательством, в связи с чем муниципалитеты нередко саботируют оперативную коррекцию нормативной базы.

Также не определен срок, в рамках которого муниципальные органы должны принять правовые акты, необхо-

димые в силу требований федерального и (или) регионального законодательства, что приводит к несвоевременному устранению имеющихся пробелов.

Некоторые сложности в правоприменительной практике вызывает отсутствие в Федеральном законе от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [8] обязанности муниципальных исполнительных органов размещать проекты нормативных актов на официальных сайтах в интернете, поскольку обеспечить своевременное проведение антикоррупционной экспертизы правовых актов муниципальных исполнительных органов, зачастую не представляется возможным.

Литература:

1. Хышиктуев О. В., Хобраков Д. Ц. Прокурорский надзор как институт системы контроля за законностью нормативных правовых актов органов местного самоуправления // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 8.;
2. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 02.10.2007 № 155 (ред. от 16.04.2019) «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» // СПС КонсультантПлюс;
3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2009 № 400 (ред. от 13.03.2018) «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» // Законность, № 4, 2010;
4. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 06.10.2003, № 40, ст. 3822;
5. Ким А. В. Правовая и антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: к вопросу о соотношении понятий // Административное право и процесс. 2017. № 5. С. 80;
6. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 11.10.2018) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства Российской Федерации, 20.07.2009, № 29, ст. 3609;
7. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 06.10.2003, № 40, ст. 3822;
8. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства Российской Федерации, 16.02.2009, № 7, ст. 776.

Тенденции привлечения и освобождения от субсидиарной ответственности в делах о банкротстве

Кесов Василий Орестович, студент
Тюменский государственный университет

Недобросовестные и неразумные действия руководителя организации могут привести её к банкротству, а ответственность за долги общества, возможно, будут возложены на руководителя и (или) иных лиц путём привлечения их субсидиарной ответственности.

Основным нормативным документом в этой сфере является закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

За последние несколько лет в законодательство о банкротстве были внесены поправки [3] и даны разъяснения Верховным судом РФ [4], которые ужесточили ответственность контролирующих должника лиц.

В связи с чем, доказать свою непричастность и невиновность в банкротстве организации, и защититься от исков о привлечении к субсидиарной ответственности стало сложнее.

К субсидиарной ответственности, помимо директора организации, могут быть привлечены и иные лица, например:

— должностные лица общества (бухгалтер, юрист-консульт, финансовый директор, бывший руководитель и т.п.);

— родственники, супруги;

— третьи лица (бенефициары), которые фактически осуществляли руководство деятельностью организации.

Привлечение главного бухгалтера к субсидиарной ответственности возможно, если:

— имеются доказательства того, что имеющаяся несостоятельность наступила вследствие неправильных действий данного работника;

— активов организации недостаточно для расчета по всем финансовым обязательствам.

Наиболее распространенными основаниями для привлечения главного бухгалтера к личной материальной ответственности следующие:

— искажение отчетности, предоставление недостоверной документации;

— нарушение сроков представления отчетов;

— несоблюдение порядка ведения бухгалтерского учета, установленного законодательством.

Согласно закону, может быть привлечено к субсидиарной ответственности только лицо, чьи поступки напрямую повлияли на наступившую неплатежеспособность организации. Это значит, что если задолженность возникла в 2016 году, а главный бухгалтер работает только с 2017 года, то ответственен работник, трудившийся на предприятии в указанный промежуток.

Привлечение бенефициара к субсидиарной ответственности, возможно будет, если у последнего него были следующие полномочия, такие как:

— раздача указаний, обязательных к исполнению;

— влияние на общую политику предприятия путем личного авторитета или принуждения;

— воздействие непосредственно на руководство организации.

Главная особенность процедуры для данной категории лиц — сложность установления связи с деятельностью обанкротившейся фирмы. Необходимо иметь твердую доказательную базу, чтобы ходатайствовать об установлении личной материальной ответственности третьих лиц в ходе признания несостоятельности организации.

Следующие рекомендации помогут избежать субсидиарной ответственности

1. Действовать добросовестно и разумно в интересах общества. Не совершать действия (бездействия), которые выходят за пределы обычного делового риска. Действовать как средний директор, который в определенной си-

туации поступил бы аналогичным образом (п. 3 ст. 53 ГК РФ).

2. Не заключать сделки на невыгодных условиях или с лицом, которое неспособно исполнить сделку («фирма-однодневка»), не совершать заведомо убыточные операции, которые не соответствуют интересам общества (подп. 1 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

3. С момента, когда общество оказалось в объективном банкротстве, из которого уже не спастись, необходимо немедленно обращаться с заявлением о банкротстве общества (ст. 61.12 Закона о банкротстве).

4. В случае утраты бухгалтерской и иной документации общества принимать меры по её восстановлению для передачи ее арбитражному управляющему либо провести экспертизу, которая свидетельствовала бы о невозможности их восстановления (подп. 2, 4 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

5. Перед заключением сделки с контрагентом сообщать последнему об отрицательном финансовом состоянии общества.

В случае осведомленности о данном состоянии и продолжении партнёрских отношений, контрагенты лишаются права на привлечение контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности, так как они знали о плохом финансовом состоянии общества и на свой риск заключали сделку.

6. Не совершать правонарушения и преступления (подп. 3 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

В случае если директор совершил какое-либо правонарушение (налоговое, корпоративное, уголовное и т.д.) и размер санкций за него будет больше 50% от общего размера требований кредиторов, то предполагается, что директор виноват в банкротстве общества.

7. Своевременно вносить достоверные сведения в ЕГРЮЛ о юридическом лице (подп. 5 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

Возможность уменьшения размера субсидиарной ответственности либо полного освобождения

1. В случае отрицательного финансового состояния организации принимать меры по его стабилизации, иметь экономически обоснованный план.

На тот период пока выполнение данного плана являлось разумным, директор не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности (п. 9 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 21.12.2017)

2. Раскрытие номинальным директором информации о реальных владельцах бизнеса (бенефициарах). Данным действием, возможно, существенно уменьшить размер субсидиарной ответственности либо вовсе ее избежать (абз. 3 п. 6 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 21.12.2017).

Литература:

1. [КонсультантПлюс//КонсультантПлюс.URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=286130&dst=0&rnd=E00914BE820525158D2403D6E2998E44#027373890086389663> (дата обращения: 27.10.2019).];

2. [КонсультантПлюс // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card&page=splus&splusFind=%F4%E7%20%E0%ED%EA%F0%EE%F2%F1%F2%E2%E5&ts=25061314406224434164570782&rnd=E00914BE820525158D2403D6E2998E44> (дата обращения: 27.10.2019).].
3. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 29.07.2017 № 266-ФЗ
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 53 от 21.12.2017)

Проблемы толкования норм о гражданско-правовых договорах, обусловленные юридико-техническими недостатками их строения

Козлов Даниил Дмитриевич, студент
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

Современное состояние строительной сферы характеризуется решением сложных и многозадачных проблем: выбор и приобретение сырья и материалов, транспортно-складская логистика, обслуживание и аренда строительной техники, постоянный поиск высококвалифицированных специалистов и надежных компаний — вот далеко неисчерпанный перечень вопросов, требующих оперативных и все объемлемых ответов. В настоящей статье особое внимание уделяется логистике: планированию, снабжению, контролю и управлению транспортированием и складированием строительных материалов, изделий и конструкций — именно от эффективного решения данных операций зависит реализация различных проектов. В то время как сложившаяся строительная практика в регионах нашей страны выявила определенные недостатки в этой сфере, связанные как с объективными причинами, так и с отсутствием необходимого понимания со стороны руководителей отрасли важности задач, которые решают специалисты материально-технического обеспечения.

При реализации амбициозных проектов в России выявлены болевые точки логистики, уровень развития которой значительно отстает по сравнению с другими сферами и развивается не такими быстрыми темпами, как, например, в Европе. Доказательством этому являются высокая удаленность и слабые связи логистических центров по стране вкупе с недостаточно развитой дорожной сетью, отсутствием необходимой инфраструктуры и наличием устаревшей технической базы; относительно недавно, по сравнению с развитыми странами, начало развития логистики при рыночной экономике; более низкий уровень экономического развития страны по сравнению с ближайшими европейскими странами.

Нет сомнения в том, что логистика все равно является одним из ключевых элементов в строительстве. Примером этого может служить следующая ситуация. В начале 2019 года Минэкономики опубликовало прогноз экономического развития, в котором особо было подчер-

кнуто, что в ближайшее время будет наблюдаться дефицит песка, щебня, битума и других строительных материалов. Дефицит строительных материалов для дорожного хозяйства в середине 2019 году зафиксирован в республиках Бурятия, Хакасия, Калмыкия, Забайкальском и Хабаровском краях, а также в Курганской области. В регионах, где реализуются крупные проекты, обеспечение повышенного спроса возможно за счет доставки материалов из других субъектов федерации. Но такая ситуация приведет к срыву национальных проектов, в том числе «Безопасные и качественные дороги», «Доступное жильё».

Казалось бы, что решение данной проблемы лежит в плоскости строительства соответствующих производственных мощностей. Однако по экспертным оценкам за последнее время выявлено значительное уменьшение числа заводов. В связи с этим сравнительно недавно государство, осознав сложившуюся ситуацию, приступило к разработке плана по созданию сети новых домостроительных комбинатов (ДСК), а также — субсидирования застройщикам затрат при транспортировке стройматериалов, но это касается пока регионов Дальнего Востока (такая инициатива содержится в проекте стратегии развития строительной отрасли до 2030 года).

Но пока ситуация далека от логического разрешения, поэтому необходимо опираться на логистические решения, в большей степени становящиеся актуальными в связи запуском большого числа крупных проектов, территориально размещенных в отдалении от центральной европейской части России.

Подчеркнем, что не всегда у специалистов строительной отрасли есть понимание сложностей в логистике, связанные в первую очередь с невысоким уровнем ее развития. Если говорить об обеспечении реализации проектов в целом, то почти все специалисты материально-технического снабжения к главной проблеме неразвитости отрасли относят нехватку ресурсов, что является спада промышленного производства. По сути, получается замкнутый круг: логистические предприятия имеют воз-

возможность осуществить поставку строительных материалов (даже из другого региона), но наблюдается дефицит этих материалов, что, в свою очередь, приводит, к упадку сети логистических поставок. При этом по оценке совладельца ГК «Основа» Александра Ручьева перевозка продукции домостроительных комбинатов целесообразна в радиусе 500 км от предприятия, в противном случае производство становится нерентабельным.

Другим примером торможения логистической сфере является сложность доставки на объекты современного технологического оборудования, производство которого в нашей стране практически не налажено, поэтому требуется доставка из-за рубежа. Это приводит к удорожанию проекта за счет удлинения сроков реализации, росту стоимости самого оборудования, проблемам монтажа, пуска-наладке и последующей эксплуатации. Но в любом случае очевидно, что сфера материально-технического обеспечения напрямую влияет на развития строительной отрасли.

Современный строительный рынок предлагает довольно большое число инновационных технологий производства строительных материалов, возведения зданий и сооружений, контроля качества строительства и эксплуатации. Примером этому может служить набирающая популярность за рубежом система «зеленое строительство». Особое внимание в этой технологии сосредоточено на жестком контроле производства работ и мониторинге эксплуатируемых зданий и сооружений с точки зрения сохранения заложенных в проекте требований по энергоэффективности и экологической безопасности строений. Данная идея в полной мере в России не реализуется по причине её высокой стоимости, хотя государство уделяет этому вопросу серьезное внимание, стимулируя внедрение таких технологий и иногда, имея экологические характеристики, удается получить льготу по налогу на имущество в соответствии с Федеральным законом № 261-ФЗ. Стоит особо обратить внимание, что проблем выполнения этого закона в нашей стране очень много, одной из которых является объективная сложность широкого внедрения «зеленого» строительства и наличие высокой доли импортных материалов, отвечающих повышенным требованиям по энергоэффективности.

Возвращаясь к конкретным примерам логистических проблем, можно описать следующую ситуацию: при модернизации завода требовалось емкостное оборудование для серной кислоты, которое пришлось изготавливать в Индии с последующей транспортировкой к месту монтажа. Казалось бы, в России имеются свои заводы, работающие в этом направлении, но оборудование требовалось с нестандартными размерами, и, как оказалось, отечественные предприятия не имеют возможности его изготовить. Это вызвало не только избыточные финансовые затраты по причине размещения заказа за рубежом, транспортировки негабаритного груза из Индии,

но и повлекло за собой ряд технических проблем, связанных с проблемами совместимости импортного и отечественного оборудования, работающего в единой технологической цепочке.

Сейчас идет активное развитие Сибири, появляются новые заводы. Но снова приведем пример нарушения процесса материально-технического обеспечения. Довольно неожиданная ситуация сложилась с реализацией одного из проектов в Сибирском федеральном округе, недалеко от Новокузнецка. На объект требовались железобетонные составные сваи для двух типов — сварного и стаканного стыка. С первым вариантом проблем не возникло: были задействованы мощности завод ЖБИ, расположенного рядом с Новокузнецком. А вот самое близкое производство, выпускающее сваи стаканного типа, оказалось на территории Казахстана, и в случае поставки затраты на материалы превышали сметную прибыль. Что характерно, местный завод, имея возможность произвести технологическую переналадку, не захотел изменять режим работы. Это, кстати, выявляет еще одну проблему индустрии — инерцию мышления руководителя предприятия — зачем что-то менять ради небольшой экономической выгоды, если и так более-менее завод работает.

Несомненно, имеются и позитивные примеры. Так, сфера краностроения в условиях ощутимого спада на рынке развивается серьезными темпами. Несмотря на то что производство в основном сосредоточено на трех крупных заводах башенных кранов, но именно здесь реализуется в полной мере технологии и получают конечную продукцию, ничем не уступающую зарубежным аналогам. Поэтому на строительном рынке не зафиксирован дефицит этой техники, но, снова подчеркнем, имеется проблема с их доставкой в отдаленные регионы.

Строительная отрасль нуждается в соответствующем развитии промышленности, и многие проблемы могут решаться не только в экономической экономике плоскости. Но, несомненно, необходимо создавать сеть промышленных предприятий с одновременным вводом соответствующих логистических центров или ресурсных центров, связывающих разных поставщиков. Сейчас отдельные компании, как правило, вынуждены сами создавать такие базы, но можно было бы повысить эффективность путем создания единого информационного ресурса (электронной торговой площадки), на котором разные компании могли размечать информацию о себе и делать соответствующие запросы, а искусственный интеллект на основе технико-экономической и логистической оценок выбирал наиболее подходящие пути связи разных организаций. Возможно, что этим самым можно стимулировать вывод отрасли на новый уровень.

Данной статьей авторы привлекают внимание к некоторой недооценки потенциала логистики и её роли при развитии сферы строительной отрасли.

Проблемы квалификации получения взятки при участии посредника

Коняева Елена Николаевна, студент магистратуры;

Научный руководитель: Тыдыкова Надежда Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

В статье рассматриваются актуальные и дискуссионные проблемы квалификации получения взятки при участии посредника. Автором анализируется состояние доктрины и правоприменительной практики в части решения проблем квалификации деяния по ст. 291.1 УК РФ.

Ключевые слова: квалификация, посредничество во взяточничестве, соучастие, размер взятки.

Появление в 2011 году [9] в законодательстве Российской Федерации нормы об институте уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве, с одной стороны, позволило решить довольно много существенных проблем, а с другой — с введением данной уголовно-правовой нормы появилось много проблем относительно квалификации данных общественно опасных деяний.

В частности, в правоприменительной деятельности сложности возникают ввиду уголовно-правовой оценки получения взятки при участии посредника при незначительном размере взятки и использования законодательных правил о действии норм уголовного законодательства Российской Федерации во времени.

Решение данной проблемы сводится к тому, что нужно закрепить значительного размера взятки, который, в силу примечания 1 к ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [12], должен быть не менее двадцати пяти тысяч рублей, а также к возможности привлечения лица, являющегося посредником при взяточничестве, к уголовной ответственности по другим нормам уголовного законодательства Российской Федерации в ситуации, когда размер взятки не соответствует критерию значительности.

С появлением ст. 291.1 УК РФ, закрепившей состав посредничества во взяточничестве в отдельной статье, часто стала встречаться позиция о том, что такое посредничество, если размер взятки составляет меньше двадцати пяти тысяч рублей, должно квалифицироваться правоприменителями по ст. ст. 290 или 291 УК РФ со ссылкой на определенную часть ст. 33 УК РФ. Основоположники указанной концепции мотивируют свою точку зрения тем, что, по сути, посредничество во взяточничестве в целом является одной из разновидностей соучастия в даче и получении взятки [2, с. 10; 3, с. 6].

М. Лепихин пишет, что посредник во взяточничестве, даже если размер взятки является мелким, должен привлекаться к уголовной ответственности за собственное общественно опасное деяние, но положение о значительном размере взятки не позволяет правоприменителю квалифицировать его действия именно таким образом [8, с. 112]. Как полагает упомянутый автор, действия посредника также нужно рассматривать как пособничество в мелком взяточничестве со ссылкой на норму, установленную ч. 5 ст. 33 УК РФ [8, с. 112].

Существует позиция в соответствии с которой привлечение к уголовно-правовой ответственности посредника в случае незначительного размера предмета взятки не представляется возможным [4, с. 258]. Нельзя не согласиться с тем, что включение отечественным законодателем критерия значительности в основной состав посредничества, установленный в отдельной норме УК РФ, может свидетельствовать только о декриминализации посредничества во взяточничестве, где предмет взятки характеризуется меньшим размером. [4]

Квалификация правоприменителями действия посредника во взяточничестве в случае, если предмет взятки составляет менее двадцати пяти тысяч рублей, как соучастника дачи или получения взятки свидетельствует об увеличении оснований наступления уголовно-правовой ответственности и использовании нормы уголовного законодательства по аналогии, что нарушает принципы уголовного законодательства Российской Федерации [7, с. 163; 13, с. 42].

Необходимо отметить, что Верховный Суд Российской Федерации не согласился с судебными органами, принявшими судебное решение о привлечении к уголовной ответственности посредников в даче или получении взятки при размере предмета взятки менее двадцати пяти тысяч рублей в роли пособников взяткодателей или взяткополучателей (со ссылкой на ч. 5 ст. 33, ст. ст. 290, 291 или ст. 291.2 УК РФ). Констатировать данное обстоятельство нам позволяет изучение Ответов на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ-326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.09.2016) [10].

В частности, изучив вопрос о том, возможно ли привлечь к уголовной ответственности по ст. ст. 204.2 или 291.2 УК РФ лицо, являвшееся посредником при передаче предмета коммерческого подкупа на денежную сумму, составляющую менее десяти тысяч рублей, или взятки, размер которой составляет менее десяти тысяч рублей, Верховный Суд Российской Федерации дал исчерпывающий отрицательный ответ. [10]

Верховный Суд Российской Федерации сказал о невозможности правоприменителей квалифицировать си-

туации посредничества во взяточничестве независимо от размера взятки по каким-либо нормам УК РФ, помимо ст. 291.1, подчеркнув таким образом исключительное использование ст. 291.1 УК РФ по делам о посредничестве во взяточничестве. [10]

Вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о том, что посредничество во взяточничестве признается преступлением только тогда, когда размер предмета взятки соответствует критерию значительности, т.е. превышает сумму в двадцать пять тысяч рублей.

Точно так же указанное положение должно реализовываться для уголовно-правовой оценки посредничества во взяточничестве при существовании квалифицирующих обстоятельств, закрепленных ч.ч. 2 и 3 ст. 291.1 УК РФ. Иначе говоря, существование данного рода обстоятельств не устраняет обязательность констатации криминообразующего признака состава преступления — значительного характера размера предмета взятки, что можно видеть в некоторых судебных решениях [11].

Беря во внимание судебную практику, а именно: Верховным судом Республики Адыгея Д. оправдана по пяти эпизодам посредничества в получении взятки. Государственный обвинитель, предоставляя апелляционное представление на оправдательный приговор подчеркнул, что посредничество во взяточничестве составляет состав преступления независимо от того, какой размер имеет предмет взятки. Верховный Суд РФ с позицией государственного обвинителя не согласился. По мнению Верховного Суда РФ оно не соответствует нормам уголовного законодательства, а именно диспозиции ч. 1 ст. 291.1 УК РФ. Исходя из размера взятки, который был установлен в ходе судебного заседания, «суд пришел к обоснованному выводу об отсутствии в действиях Дзюбиной Н. М. обязательного элемента состава посредничества во взяточничестве — значительного размера взятки, следовательно, и отсутствия в ее действиях состава указанного преступления, в связи с этим правомерно оправдал ее в этой части обвинения» [5].

Появление уголовно-правовой нормы о получении взятки при участии посредника спровоцировало возникновение вопроса об обратной силе ст. 291.1 УК, т.е. о возможности правоприменителей использовать ее, квалифицируя деяния, осуществленные до введения ее в уголовное законодательство Российской Федерации. Полагаем, целесообразно остановиться на данном вопросе более подробно. [14]

В ч. 1 ст. 9 УК РФ говорится о том, что должна использоваться та норма отечественного уголовного законодательства, которая действовала на момент осуществления общественно опасного деяния. При этом в соответствии с ч. 1 ст. 10 УК РФ нормы уголовного законодательства, ликвидирующие преступный характер деяния, делающие уголовное наказание более мягким или другим образом улучшающие положение гражданина, осуществившего общественно опасное деяние, обладают обратной силой, т.е. распространяются на граждан, осуществивших кон-

кретные деяния до вступления данной нормы закона в юридическую силу, включая граждан, которые отбывают или отбывали уголовное наказание, но имеют судимость.

Сопоставляя конкурирующие уголовно-правовые нормы (сравнивая их репрессивность), необходимо понимать, что снижение предела наиболее строгого наказания является лишь одним из случаев смягчения наказания. Иначе говоря, уголовное наказание следует считать более мягким, если: из санкции исключен наиболее строгий вид наказания; в санкцию включен альтернативный более мягкий вид применимого наказания; в санкции нового уголовного закона снижены верхний или нижний пределы наказания; из санкции исключено дополнительное наказание; в санкцию включен альтернативный более мягкий вид дополнительного наказания; дополнительное наказание смягчено или перестало быть обязательным. Установление одного или одновременно нескольких перечисленных обстоятельств обуславливает обратное (ретроактивное) действие уголовного закона. [14]

Заметим, что суды, применяя уголовный закон по делам о посредничестве во взяточничестве уже после введения в УК РФ ст. 291.1, в большинстве случаев подходят к выбору уголовно-правовой нормы избирательно и обоснованно.

По одному из уголовных дел действия посредника во взяточничестве кассационной инстанцией были справедливо переклассифицированы на пособничество в покушении на получение взятки.

Так, органами предварительного следствия действия с. были квалифицированы по п. «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ как посредничество во взяточничестве. С этой квалификацией согласился суд первой инстанции. В кассационной жалобе осужденная указала, что действия суда при квалификации ее деяния и при назначении наказания были непоследовательными. Суд одновременно применил положения закона, которые действовали на момент совершения общественно опасного деяния и на момент вынесения приговора, при этом не мотивировал такое двойственное применение уголовного закона, повлекшее ухудшение положения С. Кроме того, по мнению автора жалобы, при квалификации ее действий по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ была обязательна ссылка на ч. 5 ст. 33 УК РФ, по которой с. рассматривалась в качестве пособника. В то же время квалификация ее действий по п. «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ поставила с. в роль непосредственного исполнителя, что повлекло существенное ухудшение ее положения и, как следствие, назначение более строгого наказания. [15]

Удовлетворяя кассационную жалобу и изменяя приговор, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отметила, что с учетом роли с. в совершении преступления, положений ст. ст. 66, 65 УК РФ ей могло быть назначено более мягкое наказание по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 33, п. «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ, чем по п. «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ, которое назначил суд. Таким об-

разом, при переквалификации действий с. на п. «б» ч. 3 ст. 291.1 УК было ухудшено ее положение, что является недопустимым. В связи с этим судебная коллегия посчитала, что действия с. подлежат переквалификации на ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 33, п. «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ [6].

В рассматриваемой ситуации судебная коллегия обоснованно заключила, что «новый» уголовный закон, несмотря на его менее строгую санкцию (ч. 3 ст. 291.1 УК РФ в сравнении с ч. 4 ст. 290 УК РФ), обратной силой не обладает. Дело в том, что при квалификации по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 290 УК РФ действия с. рассматривались как действия пособника в покушении на получение взятки, тогда как при квалификации по п. «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ были определены уже как действия исполнителя, а не пособника и как оконченный состав, а не покушение на совершение преступления. При этом в соответствии с ч. 3 ст. 66 УК срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей

статьей Особенной части УК за оконченное преступление.

Следовательно, квалификация действий с. по «новому» уголовному закону недопустима, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 10 УК РФ закон, усиливающий наказание либо иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

Анализ приведенных судебных решений позволяет заключить, что решение о квалификации действий виновных лиц при изменении уголовного закона в каждой конкретной ситуации должно приниматься индивидуальным образом с учетом всех обстоятельств содеянного и наличия оснований, закрепленных ст. 10 УК РФ.

Итак, на сегодняшний день основными проблемами квалификации получения взятки при участии посредника в России являются: 1) дача уголовно-правовой оценки получения взятки при участии посредника при незначительном размере взятки; 2) использование законодательных правил о действии норм уголовного законодательства Российской Федерации во времени.

Литература:

1. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 21 ноября 2013 г. № 14-АПУ13–16СП [электронный ресурс]. Доступ из справ.—правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.09.2019).
2. Борков, В. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения / В. Борков // Уголовное право. — 2011. — № 4. — С. 9–14.
3. Гарбатович, Д. Посредничество во взяточничестве: преобразованный вид пособничества / Д. Гарбатович // Уголовное право. — 2011. — № 5. — С. 4–8.
4. Ишмухамбетова, Л.Х. Проблема понимания посредничества во взяточничестве согласно ст. 291.1 УК РФ / Л.Х. Ишмухамбетова // Теория и практика современной науки. — 2019. — № 1 (43). — С. 257–259.
5. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29 января 2013 г. № 24-О13–1 [электронный ресурс]. Доступ из справ.—правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.09.2019).
6. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 11 июля 2012 г. № 5-О12–51СП [электронный ресурс]. Доступ из справ.—правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.09.2019).
7. Кочина, М. С. Посредничество во взяточничестве: вопросы квалификации и наказания / М. С. Кочина // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 2 (63). — С. 162–168.
8. Лепихин, М.О. Посредничество во взяточничестве в свете дополнений, внесенных в Уголовный кодекс РФ / М.О. Лепихин // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 4. — С. 110–116.
9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: федеральный закон от 04.05.2011 № 97-ФЗ (ред. от 04.06.2014) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 19. — Ст. 2714.
10. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ-326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (вступили в силу с 15 июля 2016 года) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.09.2016) [электронный ресурс]. Доступ из справ.—правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.09.2019).
11. Постановление президиума Верховного суда Республики Башкортостан от 22 апреля 2015 г. № 44у-113/2015 [электронный ресурс]. Доступ из справ.—правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.09.2019).
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
13. Федорова, М.В. Ответственность по ст. 291.1 УК РФ / М.В. Федорова // Вестник науки. — 2019. — Т. 3. — № 3 (12). — С. 41–44.

14. Соколов, М. А.; Мелешко, Д. А. вопросы квалификации посредничества во взяточничестве / М.А., Соколов; Д.А., Мелешко // (<https://5898523.ru/%D0%B2%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%8B-%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0/?history=4&pfid=1&sample=13&ref=2>) Ссылка на источник в тексте: Соколов, Мелешко, 2019.)
15. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 11.07.2012 N5-О12–51СП [электронный ресурс]. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс»

К вопросу о проблеме правового регулирования трансплантации в Донецкой Народной Республике

Кривоносова Яна Евгеньевна, студент магистратуры
Донецкий национальный университет

Настоящая статья посвящена важному вопросу в сфере здравоохранения — проблеме правового регулирования трансплантации в Донецкой Народной Республике. Опираясь на сформулированные положения, автор акцентирует внимание на наличие пробелов в действующем законодательстве Донецкой Народной Республики в области трансплантации и предлагает пути их решения.

Ключевые слова: трансплантация, медицинская помощь, орган, посмертное донорство, «презумпция согласия», «презумпция информированного согласия», ткань.

В соответствии с ч. 1 ст. 14 и ч. 1 ст. 34 Конституции Донецкой Народной Республики (далее — Конституция ДНР), каждый человек имеет право на жизнь, на охрану здоровья и медицинскую помощь [1]. Жизнь и здоровье человека являются наивысшей социальной ценностью любого демократического государства.

В условиях современной действительности медицина стремительно развивается, что позволяет искать новые пути и методы лечения, используемые в борьбе с различными заболеваниями. Одним из самых эффективных таких методов является трансплантация [2].

Развитие трансплантологии позволило эффективно решать многие вопросы, связанные с продлением жизни человека, однако правовое регулирование этого процесса в Донецкой Народной Республике (далее — ДНР) является одной из самых острых проблем.

Актуальность темы исследования обусловлена следующими положениями: во-первых, в условиях боевых действий на территории ДНР остро стоит вопрос о трансплантации органов и тканей, ведь на сегодняшний день в данном методе лечения нуждаются не только пострадавшие представители Вооруженных Сил ДНР, но и граждане в целом. Во-вторых, в ДНР по сегодняшний день не принят специальный закон в области трансплантации, что создает почву для ряда проблемных вопросов. В-третьих, рассматриваемая проблема недостаточно исследована, поэтому её изучение приобретает особую значимость.

Один из ведущих специалистов в области трансплантации профессор Денисов В.К. считает, что развитие трансплантологии является государственно важной проблемой, эффективное решение которой может оказать

значительное положительное влияние на будущее нашей Республики, развитие общественных отношений и технологических возможностей. На сегодняшний день в ДНР в пересадке жизненно важных органов ежегодно нуждаются более тысячи пациентов. Только трансплантация может вернуть их к нормальной жизни. Неудовлетворенная потребность в указанной помощи является источником социального напряжения и может нести угрозу государственной безопасности [3].

Цель работы: на основе анализа теоретических положений и законодательства ДНР исследовать проблему правового регулирования трансплантации в ДНР.

Материал исследования составляют: Конституция ДНР, Закон ДНР «О здравоохранении», другие нормативно-правовые акты (далее — НПА) в сфере трансплантации.

Методологической основой исследования являются: диалектический подход, системный анализ обобщение и другие.

Результаты и обсуждение. В настоящий период в ДНР отсутствует специальный закон в области трансплантации, в связи с чем, медицинские работники руководствуются украинскими подзаконными актами, распоряжениями и нормами Закона Украины «О трансплантации органов и других анатомических материалов человеку», принятого в 1999 г. Однако данный закон оказался не эффективным и затормозил развитие рассматриваемой сферы, поскольку, столкнувшись с проблемой неинформированности населения о значении и важности трансплантации, эта наука в аспекте органной трансплантации практически прекратила свое развитие [4, с. 149]. В связи

с этим считаем, что данная проблема требует безотлагательного решения, поскольку закон о трансплантации является одним из важнейших НПА в медицине, который определяет условия и порядок применения трансплантации как специального метода лечения, обеспечивает соблюдение прав человека и защиту человеческого достоинства при применении трансплантации.

Известно, что попытки устранения рассматриваемой проблемы были предприняты в ноябре 2015 года, когда состоялись парламентские слушания на тему «О концепции проекта Закона Донецкой Народной Республики № 206-Д »О трансплантации органов и других анатомических материалов человеку» (далее — Законопроект). Участниками парламентских слушаний была отмечена актуальность и социальная значимость проблематики, связанной с трансплантацией органов. Среди прочего отмечалось, что в рассматриваемом Законопроекте заложены основополагающие принципы Всемирной организации здравоохранения, в частности:

- 1) трансплантация представляется как официальный метод лечения;
- 2) живым донором для пациента может быть только родственник;
- 3) регламентировано посмертное донорство, критерием смерти является смерть мозга;
- 4) купля-продажа органов запрещена;
- 5) трансплантационная деятельность может осуществляться только в аккредитованных учреждениях государственной и коммунальной формы собственности.

Участниками слушаний было обращено внимание и на то, что отдельные нормы рассматриваемого Законопроекта противоречат действующему Закону ДНР «О здравоохранении». Противоречие заключается в различных моделях регулирования процедуры получения согласия на изъятие органов от умерших людей. Законопроектом определена концепция «информированного согласия», согласно которой органы после смерти можно изъять только в случае прижизненного согласия на это самого человека либо согласия родственников после его смерти. Вторая модель, так называемая «презумпция согласия», закреплена на законодательном уровне и отражена в Законе ДНР «О здравоохранении». Указанный принцип оз-

начает согласие каждого гражданина на посмертное донорство своих органов и тканей, если он при жизни (или его родственники) не выразил свое несогласие на изъятие его органов и тканей.

В ходе слушаний были приведены аргументы в поддержку той или иной концепции. По мнению сторонников презумпции «информированного согласия», именно данный принцип отвечает требованиям соблюдения прав человека и является механизмом, препятствующим криминализации данной сферы здравоохранения. Основным аргументом указанного принципа является защита фундаментального права индивидуума на самоопределение и автономию. По мнению специалистов в области трансплантологии, другая модель, закреплённая в действующем законодательстве ДНР, — «презумпция согласия», является более эффективным, поскольку дает возможность получения большого количества органов для трансплантации и тем самым позволяет сохранить жизнь многим людям, которые прежде были обречены на смерть или инвалидность.

Участниками слушаний также неоднократно подчеркивалось, что развитие трансплантологии возможно только в условиях положительного общественного мнения, признающего безусловность гуманистических ценностей по всему кругу вопросов практики трансплантации органов. Для этого необходимо создание соответствующего информационного поля, направленного на повышение осведомленности населения о данном виде лечения [5]. К сожалению, указанный проект был принят только в первом чтении, а соответственно — данная проблема осталась нерешенной.

Заключение. Подытожив вышеизложенное можно сделать вывод о том, что принятие базового Закона ДНР «О здравоохранении» не сняло с повестки дня актуальность вопроса о необходимости принятия соответствующего специализированного НПА, гарантирующего права и свободы человека при изъятии органов и других анатомических материалов в целях трансплантации. В этой связи считаем, что принятие закона ДНР в области трансплантации было бы четким показателем качества и уровня оказания медицинской помощи гражданам и степени развития ДНР как государства.

Литература:

1. Конституция Донецкой Народной Республики, принята Народным Советом Донецкой Народной Республики 14.05.2014 г. (в ред. от 30.11.2018 г.) // dnrsovet.su. URL: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 26.10.2019).
2. Проблемы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека в Российской Федерации // conf.sfu-kras.ru. URL: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/thesis/s18/s18_11.pdf (дата обращения: 26.10.2019).
3. Даруя новую жизнь // dnr-news.com. URL: <http://dnr-news.com/pressa/39731-daruya-novuyu-zhizn.html> (дата обращения: 26.10.2019).
4. Антонян И. М., Хвисяк А. Н., Антонян М. И. О становлении трансплантологии в Украине: юридические аспекты // Международный медицинский журнал. — 2005. — № 2. — С. 148–151.
5. Участники парламентских слушаний составили рекомендации по проекту Закона о трансплантации // dnrsovet.su. URL: <https://dnrsovet.su/uchastniki-parlamentskih-slushanij-sostavili-rekomendatsii-po-proektu-zakona-o-transplantatsii/> (дата обращения: 26.10.2019).

Положения, связанные с местом прокурора в судебном уголовном процессе

Кудрин Александр Джошгунович, студент;

Научный руководитель: Крапчатова Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В данной статье будут рассмотрены положения, связанные с местом прокурора в судебном уголовном процессе.

Ключевые слова: прокурор, судебный процесс, уголовно-процессуальный кодекс, сторона обвинения.

Современное построение уголовного процесса предполагает разделение процессуальных функций прокуратуры и защиты, отделение суда от них, что обеспечивает состязательную процедуру рассмотрения и разрешения уголовного дела. Органы предварительного следствия, в состав которых входят органы следствия и дознания, обеспечивают своевременное и разумное возбуждение уголовного дела, его расследование, выявление лиц, совершивших преступление, формирование и доказательство обвинения и обеспечение правильного и объективного применения уголовного законодательства обвиняемому. Это обвинение представлено и поддержано в суде государственным обвинителем, но роль Обвинителя на этом этапе процесса поднимает много актуальных вопросов, связанных с его обвинительным актом.

В соответствии с главой 6 Уголовно-процессуального кодекса прокурор направляется обвиняемым к участникам уголовного процесса. В соответствии со статьей 37 Уголовно-процессуального кодекса Прокурор уполномочен осуществлять уголовное преследование от имени государства, осуществлять надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и следствия. Уголовное преследование определяется как процессуальная деятельность, осуществляемая обвинением с целью выявления подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (пункт 55 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса).

Одно из важнейших условий судебного разбирательства регулируется статьей 252 Уголовно-процессуального кодекса, регламентирующей пределы судебного разбирательства. Суть его заключается в том, что рассмотрение дела по существу осуществляется только в отношении подсудимого и в отношении обвинения, по которому он судится. Это условие процедуры тесно связано с правом на защиту, как указано в судебном постановлении о назначении судебного заседания, когда обвинение с указанием конкретного уголовного преступления позволяет условиям конкуренции достичь правды в ходе разбирательства по делу.

Особое внимание следует уделить вопросу о переквалификации обвинения судом первой инстанции. Это возможно в тех случаях, когда доказательства, исследованные в ходе судебного разбирательства, не ухудшают положение подсудимого и не нарушают его права на защиту. Это следует из части 2 статьи 252 УПК РФ.

Согласно установившейся практике, ухудшение ситуации обычно связано с изменением обвинения на более серьезное [5, 7]. В суде первой инстанции это недопустимо (единственное исключение из пункта 1 части 1.2 статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса), хотя при пересмотре судебного решения такое изменение будет законным, если в ходе судебного разбирательства было разрешено повлиять Исход дела о нарушении закона, искажающий саму суть справедливости и смысл решения суда как акта правосудия (ч. 2 ст. 401.6, ст. уголовного кодекса).

Относительно ухудшения положения подсудимого путем возвращения прокурору уголовного дела для квалификации деяний как более тяжких преступлений, практикующие начали высказываться с момента вынесения постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 02.07.2013 N16-П, в котором признаются «положения части 1 статьи 237 УПК РФ в Конституции Российской Федерации,..., в той мере, в которой эти положения в системе действующего правового регулирования, в том числе в совокупности с частью 2 статьи 252 настоящего Кодекса, которая исключает в ходе судебного разбирательства возможность изменения обвинения в направлении, ухудшающем положение подсудимого, препятствует независимому и независимому выбору суда применять нормы уголовного права»... [2, 45].

В настоящее время обсуждение этой проблемы значительно ускорилось, и катализатором острых дебатов был принят 23.03.2014 г. в первом чтении правительственный законопроект от 09.01.2014 г. № 423622-6 «О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса». Кодекс Российской Федерации «. Целью проекта является обеспечение того, чтобы суд при рассмотрении уголовного дела имел право по собственной инициативе или по просьбе сторон вернуть уголовное дело в прокуратуру, если вы пришли к выводу о фактических обстоятельствах дела, изложенные в обвинительном заключении или установленные судом в ходе рассмотрения дела, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации деяния как более тяжкого преступления. При этом судья будет обязан указать обстоятельства, являющиеся основанием для переподготовки. Но ему запрещено указывать статью уголовного кодекса, согласно которой деяние подлежит новой квалификации, а также делать выводы об оценке доказательств и виновности обвиняемого.

Такие семантические формулировки, согласно тексту правительственного проекта, дополняют статью 237 Уголовно-процессуального кодекса подпунктом 6 первой части и частью 13 указанной статьи.

Комплексная оценка инициативы российского правительства может привести к противоречивым выводам.

С одной стороны, можно предположить, что принятие этого закона возложит на суд функции прокуратуры (сделает его предметом уголовного процесса), наделяет судебную власть функциями уголовного преследования. А с другой стороны, эта судебная власть позволит вам выносить приговор, который соответствует принципам вины и справедливости в тех случаях, когда, по мнению суда, предъявлено неправильное (заниженное) обвинение.

На первый взгляд проблема может быть решена иначе. Уголовно-процессуальный кодекс в статье 237 Уголовно-процессуального кодекса дает право суду возвращать уголовное дело прокурору, если обвинительное заключение (акт или постановление) соответствует требованиям Уголовно-процессуального кодекса, и это исключает возможность принятия решений приговор суда. Однако это, по сути, ничего не изменит, поскольку пункт 3 части 8 статьи 246 Уголовного кодекса не дает Прокурору права проклассифицировать акт на более серьезный. Аналогичное правило в отношении обвинительного заключения сформулировано в части 2 статьи 26 Уголовно-процессуального кодекса.

Другим, казалось бы, возможным способом действий в такой ситуации может стать применение мер ответственности к лицам, допустившим такие недостатки — органам дознания, следователям, прокуратуре. Но опять же, это невозможно ввиду того факта, что приговор, вступивший в законную силу по обвинениям, уже известен с учетом соответствующих требований Уголовно-процессуального кодекса, и лица, в производстве которых было признано, что уголовное дело исполнило установленные процессуальные действия. Другими словами, если кто-то выступил с «неправильным» (заниженным) обвинением, он все-таки все сделал правильно и никаких юридических претензий к нему быть не может, поскольку приговор произносится.

Интересный законопроект в части, предусматривающей, что судья должен указать обстоятельства, которые являются основанием для квалификации действий обвиняемых лиц, в отношении которых возбуждено дело о применении принудительных мер медицинского характера, как о более тяжком преступлении, общественно опасных деяниях, при этом не называя статья Особенной части уголовного кодекса, в соответствии с которой акт подлежит новой квалификации. Тот факт, что судья не будет указывать конкретную статью уголовного кодекса, а в решении будет лишь мотивировать его решение, в любом случае уже говорит об обвинительном уклоне и уже конкретной квалификации уголовного деяния. Обосновывая свое решение, суд опишет определенные квалификационные признаки, и это обоснование станет своего рода

ссылкой на статью, по которой лицо будет осуждено в будущем.

По моему мнению, законопроект, предложенный Правительством Российской Федерации, необходим, актуален и своевременен. В условиях высокой коррупции государственных служб правоохранительных органов, вполне вероятно, что обвинительный акт не будет соответствовать реальному преступлению.

Учитывая, что суд должен принимать законные, обоснованные и мотивированные решения и оценивать доказательства по личным убеждениям, независимо и беспристрастно, «подставляя» мышление, не позволяя выходить за рамки обвинения, когда суд сформировал мнение, что, например, деяние, Обвиняемый подсудимый по части 2 статьи 109 УК должен быть квалифицирован согласно части 1 статьи 105 УК РФ, либо с частью 1 статьи 113 УК РФ следует переqualифицировать в часть 1 УК РФ. 111 УК РФ, не допустит справедливого приговора, поскольку он не соответствует принципу вины Уголовного кодекса и подорвет репутацию судебной системы.

Таким образом, суд не имеет права изменять квалификацию преступления, а также применять статью уголовного кодекса, предусматривающую более суровое наказание. Невозможно применить статью с наказанием, которое будет более суровым с большей минимальной или максимальной санкцией, а также предусматривает дополнительное наказание. Согласно части 5 ст. 401.16 УПК РФ суд не вправе отменить приговор, решение или определение в отношении тех, кто оправдан или осужден в отношении которых кассационная жалоба или представление не вынесены, если отмена приговора, определения или постановления ухудшает их положение.

В случае осужденных и оправданных лиц, в отношении которых было обжаловано решение, отмена такого решения по основаниям, ухудшающим положение стороны защиты, возможна только в том случае, если в жалобе потерпевшего указаны его правовые основания. представитель или представитель прокуратуры [4, 5].

Полномочия судов кассационной и надзорной инстанции вносят изменения в приговор, решение или определение суда (пункт 6 части 1 статьи 401.14 и пункт 7 части 1 статьи 412.11 УПК) также ограничены Запрет повернуть к худшему. Суд может заменить только приговор, вынесенный осужденному.

Поворот к худшему включает решение вышестоящего суда, которое ставит осужденного, оправданно или лицо, против которого прекращено уголовное дело, в более худшее положение, чем то, которое было установлено вступившим в законную силу приговором суда. В связи с этим особое значение имеет обвинение, отраженное в приговоре суда первой инстанции или апелляционной инстанции. Именно он, определяя границы, за которыми начинается поворот к худшему, конкретизирует в конкретном случае пределы его рассмотрения судами кассационной и надзорной инстанций. Следует также иметь в виду, что пределы рассмотрения уголовных дел су-

дами кассационной и надзорной инстанций варьируются в зависимости от времени, прошедшего с момента вступления в силу обжалуемого судебного решения. Согласно статье 401.6 и части 2 статьи 412.9 УПК РФ пересмотр в кассационном и надзорном порядке судебных решений по основаниям, которые вызывают ухудшение положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, является допускаясь в течение срока, не превышающего один год с даты их вступления в силу.

Соответственно, после этого периода суды кассационной и надзорной инстанций полностью лишены полномочий принимать решения, связанные с поворотом к худшему.

Как правило, изменение обвинения на более серьезное всегда связано не только с ухудшением ситуации подсудимого, но и, соответственно, с нарушением его права на защиту. Таким образом, обвиняемый должен иметь воз-

можность защищаться от новых обвинений, воплощая на практике порядок закона о правах, которые ему предоставлены в соответствии со статьей 46 Уголовно-процессуального кодекса. На основании вышеизложенного, если суд считает, что необходимо изменить обвинение на более серьезное, он в этом случае направляет дело на дополнительное расследование. Таким образом, суд не имеет права выходить за рамки обвинений, которые были предъявлены ранее, и не может расширить его по сравнению с тем, который был представлен в решении судьи о назначении дела на слушание (статья 230 Уголовно-процессуальный кодекс).

Суд имеет право изменить обвинение, которое будет отличаться от обвинения, по которому назначено слушание (часть 3 статьи 254 УПК). Это не допускается на юридическом уровне, даже в случае нового обвинения, которое не будет более серьезным и, соответственно, может не повлечь за собой более суровое наказание [3, 38].

Литература:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 02.08.2019)
2. Гавло В. К., Дудко Н. А. Институт возвращения судом дел на дополнительное расследование нуждается в совершенствовании // Известия Алтайского государственного университета. 2001. № 2. С. 45
3. Галаганова Е. А. Роль суда как субъекта доказывания в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2003. N1. С. 36–38.
4. Матвиенко Е. А. Судебная речь. Минск, 2018. С. 5
5. Мезинов Д. А. Участие прокурора в рассмотрении дел судами. учебное пособие. Томск, 2018. С. 7.
6. Судам общей юрисдикции готовят новую вертикаль // Коммерсантъ. 2018. 10 нояб.
7. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под. общ. ред. В. М. Лебедева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М: Юрайт, 2019. — С. 63.
8. Суду разрешат требовать от прокуратуры ужесточения обвинения // Уголовный процесс: электронный журнал. URL: <http://www.ugpr.ru/newsdet1550.html>

Аналитический обзор нормативно-правовых актов на тему «Введение внешнего управления»

Лагошина Светлана Игоревна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

Внешнее управление вводится в процедуре банкротства с целью восстановления платежеспособности должника (упоминания об этом содержатся в ст. 2, п. 2 ст. 75, п. 5 ст. 87, п. 6 ст. 88, п. 1 ст. 92, 106, 109 и др. Федеральный закон от 26.10.2002 N127-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019)(далее — 127ФЗ)).

Внешнее управление — это не начало процедуры банкротства. Перед введением внешнего управления должник находится в стадии финансового оздоровления, которое вводится на первом собрании кредиторов (п. 1 ст. 74 127ФЗ). Внешнее управление — стадия, следующая за финансовым оздоровлением, вводится после

утверждения собранием кредиторов плана внешнего управления и графика задолженности, что не должно происходить на первом собрании кредиторов (п. 2 ст. 74 127ФЗ).

Однако практика показывает, что фактически внешнее управление может быть введено на первом собрании кредиторов, даже при отсутствии его экономической обоснованности, что в результате приводит к неэффективности его проведения, затягиванию процедуры банкротства. Попробуем разобраться, почему так происходит, что приводит к такой ситуации и как ее можно проконтролировать, с целью введения экономически обоснованного внешнего управления.

Позиция судебной практики ФАС Московского округа такова, что суд не вправе изменить решение первого собрания кредиторов по вопросу введения внешнего управления, считая, что введение внешнего управления относится к исключительной компетенцией общего собрания кредиторов (п. 2 ст. 127ФЗ), так как кредиторы в большей степени разбираются в финансовых вопросах должника, чем суд. Установление временным управляющим невозможности восстановления платежеспособности по итогам проведенного финансового анализа, который прилагается к его отчету — ст. 67,70 127ФЗ (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.12.2017 N Ф01–5738/2017 по делу N А43–4445/2016), установление нижестоящей инстанцией невозможности восстановления платежеспособности, не дает основание суду оспорить или отменить выбор общего собрания кредиторов о введении внешнего управления (Определение ВАС РФ от 02.10.2013 N ВАС-6364/13 по делу N А40–132152/11), что не совсем правильно, так как это дает возможность некоторым кредиторам контролировать процедуру банкротства, лишая других кредиторов защиты, а должника возможности пройти через процедуру внешнего управления, обоснованное и обдуманное введение которой дает возможность должнику восстановить свою платежеспособность и вернуться к нормальной хозяйственной деятельности.

Принимая подобные решения, суды отталкиваются от того, что, кредиторы, принявшие решение на общем собрании кредиторов о возможности восстановить платежеспособность должника, понимают в вопросах экономической целесообразности больше, чем арбитражный суд, который не в компетенции установить обратное. Но возникают случаи, в которых суду необходимо исследовать данные вопросы и принять по нему решение, например, если общее собрание не высказало свое мнение (п. 2 ст. 75 127ФЗ). Эта ситуация показывает, насколько неоднозначна позиция арбитражного суда в решении подобных вопросов, что приводит к невозможности контролировать рассматриваемый процесс. Что в свою очередь влечет непредсказуемый результат. С одной стороны получается, что у суда нет компетенции оспаривать уже принятое решение собрания кредиторов, а с другой стороны, когда такое решение отсутствует, суд в компетенции принять свое решение при рассмотрении подобного вопроса. Но, если суд может принять решение, следовательно, суд может и оспорить решение по данному вопросу. А следовательно принятие решений по данному вопросу можно полностью передать в компетенцию суда. А для этого также необходимо иметь единый подход. Почему отсутствует единый подход к рассматриваемому вопросу? Ведь, как показывает опыт, собрание кредиторов при решении данного вопроса не всегда может принять правильное решение, так как на принятие этого решения могут оказывать влияние те или иные кредиторы.

Опыт показывает, насколько противоречив такой подход:

- решение общего собрания кредиторов по введению внешнего управления часто необоснованно и преждев-

ременно, так как большой процент голосов имеют кредиторы, которые аффилированы с должником и подконтрольны ему;

- преждевременность введения внешнего управления во многих случаях не приводит к восстановлению платежеспособности должника и заканчивается конкурсным производством;

- экономически необоснованность введения процедуры внешнего управления приводит к затягиванию процедуры банкротства и ущемлению прав залоговых кредиторов.

Для избежания подобных неоднозначных ситуаций возникает потребность в едином, контролируемом, прозрачном подходе, который будет применяться на всех этапах и для всех участников процедуры банкротства.

При голосовании на общем собрании кредиторов о введении следующей процедуры банкротства залоговые кредиторы имеют такое же право голоса, как и остальные кредиторы, даже в случае, если все имущество данного должника или его большая часть находится в залоге.

Но как любой кредитор, залоговый кредитор желает в кратчайшие сроки получить свои денежные средства, а это чаще всего возможно только на стадии конкурсного производства. Поэтому в интересах залоговых кредиторов быстрее перейти к стадии конкурсного производства, что возможно в случае экономически обоснованного введения процедуры внешнего управления, так как экономически необоснованное внешнее управление приводит к затягиванию процедуры банкротства, что определено влечет убытки для залогового кредитора (полученные на год раньше денежные средства стоят не менее чем на 10–20% дороже, но законодательство о банкротстве это не учитывает). Этот момент явно определяет позицию залогового кредитора в деле о банкротстве, что приводит к принятию необоснованного и несвоевременного решения первого собрания кредиторов о введении стадии внешнего управления. Что в свою очередь приводит к его неэффективности и ущемлению прав других кредиторов.

Опираясь на имеющуюся судебную практику, любой банк, выдающий кредит под залоговое обеспечение, должен учитывать неопределенность в вопросе длительности процедуры банкротства, а значит — неопределенность в сроке возврата денежных средств. Убытки залоговых кредиторов, возникающие в результате вышеуказанных ситуаций, в конечном счете, влияют на увеличение стоимости кредита для бизнеса, осложняют решение финансовых вопросов хозяйственных организаций и тормозят экономический оборот.

После введения процедуры внешнего управления, но до истечения ее срока, внешнее управление может быть прекращено в случае непредставления плана внешнего управления (п. 5 ст. 107 127ФЗ), однако утверждение плана внешнего управления находится в исключительной компетенции собрания кредиторов (п. 1 ст. 107 127ФЗ), на результаты которого залоговый кредитор не может повлиять, если не имеет большинства голосов. Если же план внешнего управления представлен суду общим со-

бранием кредиторов — залоговый кредитор может обратиться в суд за признанием его недействительным (п. 6 ст. 107 127ФЗ), в том числе по причине экономической необоснованности и затягивания процедуры банкротства — судебная практика поддерживает такой способ защиты (Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19.10.2018 N Ф03—4486/2018 по делу N А24—2478/2016). Почему же тогда арбитражный суд, обнаружив нарушения при рассмотрении данного вопроса, сам не может принять решение о недействительности плана внешнего управления, не дожидаясь, когда залоговый кредитор заявит об этом либо обязать предоставить план внешнего управления. Именно обоснованный, обдуманый план внешнего управления является залогом благоприятного исхода процедуры внешнего управления. Ведь нельзя отрицать, что в некоторых ситуациях непредоставление собранием кредиторов плана внешнего управления, может быть целенаправленно, зная, что залоговый кредитор не имеет никакой возможности повлиять на предоставление плана внешнего управления.

И опять возникает неоднозначная ситуация, которая во многих случаях выходит из-под контроля залоговых кредиторов.

В случае признания плана внешнего управления недействительным, план считается не имеющим юридической силы, а потому не поданным. Суд вправе воспользоваться своим правом на введение конкурсного производства по п. 5 ст. 107 127ФЗ, лишая тем самым должника возможности пройти через стадию внешнего управления. В подобной ситуации опять же отсутствует однозначный подход судов к принятию решения, что позволяет некоторым кредиторам контролировать ситуацию, направляя ее в выгодную для себя сторону. Что лишает права остальных кредиторов на защиту своих интересов. Судебная практика отличается: иногда суд дает возможность собранию кредиторов представить еще один план внешнего управления (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.01.2016 N Ф05—18965/2015 по делу N А40—146299/2013), иногда сразу же вводит конкурсное производство (Определение Верховного Суда РФ от 10.03.2016 N304-ЭС16—1220 по делу N А03—5235/2014). Однако и в том, и в другом случаях по причине ничем не обоснованного введения внешнего управления банкротство затягивается на довольно длительный срок. Получается, что защита залоговых кредиторов ставится в зависимость от судьейского усмотрения, в ситуации, когда у суда отсутствует единая однозначная позиция в подобных ситуациях, что не исключает судебной ошибки.

Права залогового кредитора в указанной ситуации не могут быть эффективно защищены правом на обра-

щение взыскания на заложенное имущество (п. 2 ст. 18.1. 127ФЗ), так как арбитражный суд не может по существу рассмотреть требование залогового кредитора об обращении взыскания на имущество до представления суду плана внешнего управления, а в случае его оспаривания — также до оценки его законности. В подобных ситуациях у суда опять же ограниченный круг полномочий. Анализируя доводы должника о невозможности восстановления платежеспособности при обращении взыскания на заложенное имущество, суд, в первую очередь, устанавливает степень участия объектов залога в утвержденном плане внешнего управления (Постановление ФАС Уральского округа от 24.12.2012 N Ф09—2734/12 по делу N А60—42037/2010, Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 31.07.2012 по делу N А33—3111/2009).

Но вышеуказанной ситуации можно избежать. Суды при принятии решения о введении внешнего управления должны ориентироваться не просто на выбор данной процедуры собранием кредиторов, но и на наличие экономической обоснованности данного выбора, учитывая возражения всех кредиторов, если таковые имеются, и соблюдение собранием кредиторов всех правил введения внешнего управления, избегая неоднозначного оценивания сложившихся ситуаций. Для этого необходимо выработать единый подход к рассмотрению вопросов введения внешнего управления, отдав его полностью в компетенцию арбитражных судов и разработать строгий план действий кредиторов для принятия решения о введении внешнего управления, при отклонении от которого суд берет на себя право принять решение, во избежание ситуации, когда те или иные кредиторы начинают действовать в своих интересах.

В результате всего вышесказанного можно сделать вывод, о том что проблемы необоснованного и преждевременного введения внешнего управления были бы решены, если решение о введении процедуры внешнего управления принималось бы только с согласия залоговых кредиторов, при условии, что эти кредиторы являются залогодержателями имущества, которое в активах должника составляет значительную часть, более 70% стоимости. Но для этого необходимо вносить изменения в законодательство. При действующем законодательстве введение внешнего управления происходит в бесконтрольном порядке. В условиях отсутствия единого, однозначного и правильного со всех сторон подхода к решению данного вопроса страдают все — и должник, и кредиторы, в зависимости от того, под чей контроль попал этот вопрос. Именно для этого необходимо ограничить круг сторон, которые могут и имеют право контролировать и принимать решения при рассмотрении вопроса введения внешнего управления.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N95-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2018) (принят Гос. Думой 14 июня 2002 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30.

2. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. (ред. от 03.10.2018) (принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 июня 1996 г. № 25.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)» N127-ФЗ (ред. от 01.07.2018) (принят Гос. Думой 27 сентября 2002 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 октября 2002 г. № 43.
4. Александрова М. Ю. Понятие и общая характеристика правоотношений несостоятельности (банкротства). Актуальные проблемы правоправедения — 2016 г. № 3
5. Громова Е. Г. Деятельность арбитражных управляющих при осуществлении процедур банкротства // Арбитражная практика. 2002. № 7.
6. Карелина С. А. Правовое регулирование планирования в процессе несостоятельности // Арбитражный процесс. — 2014. № 7.
7. Крысанова Н. В. — 2015.04.019. Шишмарева Т. П. Институт несостоятельности в России и Германии. — М.: Статут, 2015. — 332 с. Реферативный журнал «Государство и право» — 2015 г. № 4
8. Никифорова Н. А. анализ в антикризисном управлении // Финансовый менеджмент. — 2014. № 6.
9. Никишин Д. А. История развития института контролирующего должника лиц по законодательству РФ о банкротстве. Актуальные проблемы правоправедения — 2015 г. № 4
10. Ноздрин С. Е. Развитие законодательства о банкротстве: тенденции и новации. Научные записки Орел-ГИЭТ — 2015 г. № 2

К вопросу о достоверности заключения психофизиологической экспертизы

Логинов Владимир Олегович, студент магистратуры;

Научный руководитель: Соловьева Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

За последние пять лет остро встал вопрос относительно достоверности заключения психофизиологической экспертизы, и в дальнейшем ее использования как доказательства на следствии и в суде. В своей статье я хотел бы в защиту метода, привести доводы и факты, а также постараться доказать, что использование доказательств с применением полиграфа можно при проведении следствия и в суде.

Данная проблема заключается в том, что судебная практика перестала идти в ногу со временем и развивающимися технологиями. Массовое внедрение полиграфа в следственной практике началось еще с 1994 года. В это время было утверждено достаточно большое количество инструкций различных ведомств, регулирующих использование полиграфа в расследовании преступлений, также были организованы полиграфные службы и даже созданы курсы по подготовке специалистов полиграфа. Представляется, что зафиксированный статистический рост раскрываемости преступлений в России, обусловлен исключительно эффективностью применяемого метода.

Однако с 2013 года судебная практика резко изменила свое отношение к достоверности заключения психофизиологической экспертизы.

В настоящее время очень большое количество тезисов выдвигаются против использования психофизиологической экспертизы в следствии и суде. Основными из них, являются следующие доводы:

1. Согласно конституционным нормам, которые закреплены в ч. 2 ст. 21 и в ст. 51 Конституции России:

«никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам», «никто не обязан свидетельствовать против себя самого и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом»;

2. Согласно положениям ст. 87 и 88 УПК РФ проверка и оценка доказательств, в том числе объяснений опрошенных лиц и показаний допрошенных по уголовному делу лиц относится к исключительной компетенции субъектов доказывания (следователя, дознавателя, прокурора и суда). Формулируя специалисту или эксперту полиграфологу некорректные вопросы, вторгающиеся в правовую сферу, следователь тем самым подменяет субъекта, уполномоченного проверять и оценивать существование юридически значимых фактов по делу. Соответственно если полиграфолог даёт ответы на правовые вопросы, он выходит за рамки своей компетенции. В случае установления подобных обстоятельств в суде приговор может быть отменён, а уголовное дело направлено на новое судебное разбирательство;

3. В большинстве таких случаев подобного рода заключения экспертов либо одного эксперта содержат не категорические, а вероятностные выводы, которые не могут быть положены в основу обвинительного приговора. Исходя из конституционного принципа презумпции невиновности, обвинительный приговор не может быть основан на предположении (ч. 4 ст. 14 УПК РФ);

4. Статья 207 УПК РФ предусматривает назначение повторных экспертиз. Касательно полиграфологиче-

ского исследования очевидно, что воспроизвести второй раз у человека то же психофизиологическое состояние, как и в первый раз, невозможно. Использование метода, не допускающего повторной перепроверки при наличии исследуемого объекта, не соответствует требованиям статьи 207 УПК РФ;

5. Согласно ч. 1 ст. 5 Закона РФ от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» любая экспертиза должна осуществляться в соответствии с аттестованными в установленном порядке методиками, а сама аппаратура (полиграф) на основании ч. 1 ст. 9 и ст. 13 того же закона должна быть проверена в установленном порядке и иметь знак поверки или свидетельство о поверке. В соответствии со ст. 15 названного закона методика и аппаратура являются объектами государственного метрологического надзора. На сегодняшний день такой аттестованной методики проведения подобного рода экспертиз нет, а в отношении полиграфных устройств вообще даже ещё не обсуждались вопросы метрологического контроля, его проверки, юстировки, калибровки, степень допустимой погрешности при измерениях.

Однако изучение и сравнительный анализ: различных ведомственных методик (ФСБ, МВД, МО РФ) проведения психо-физиологических экспертиз; определений Верхового суда РФ по конкретным уголовным делам, в ходе которых были использованы заключения ПФЭ как доказательство при проведении следствия и в суде, — позволили автору настоящей статьи прийти к выводу о явной тенденциозности и ошибочности позиций агностиков данного метода по таким основаниям, как:

1. в соответствии со статьей 195 УПК РФ разрешение на проведение экспертизы нужно получать только у свидетелей и потерпевших, в то время как подозреваемым, обвиняемым и подсудимым она назначается без их согласия. Между тем по общей норме ст. 28 Федерального закона о государственной судебно-экспертной деятельности проведение психофизиологической экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении без согласия испытуемого недопустимо. В то же время в силу статьи 41 указанного Закона на экспертов, не являющихся государственными судебными экспертами, приведенная норма не распространяется. Таким образом, возникает все же процессуальная возможность проведения негосударственными экспертами психофизиологической экспертизы принудительно. В практике так же применяется методика молчаливых ответов, на случай если лицо, в отношении которого была назначена экспертиза, отказывается говорить. Все лица перед дачей показаний при проведении психо-физиологической экспертизы, заполняют бланк заявления о согласии на проведение психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа (дают письменное согласие в соответствии со ст. 2 частью 2 статьи 195 УПК РФ, частью 2 статьи 28 ФЗ от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ»;

2. довод о якобы «некорректном» формулировании вопросов для эксперта, вторгшихся в правовую сферу, является надуманным и голословным. Полиграф является средством выявления расхождений между теми сведениями, которые человек сообщает, и теми, которые сохранились в его памяти. Оба элемента сравнения здесь непосредственно связаны с личностью испытуемого. Кроме того, детектор лжи не дает новой позитивной информации, а претендует только на оценку той, которую дает опрашиваемый (причем уже не впервые и иногда последовательно) либо выявляет эмоциональную реакцию испытуемого на тот или иной раздражитель;

3. довод о том, что заключения психофизиологических экспертиз содержат вероятностный характер является абстрактным умозаключением, поскольку он не базируется на основании статистических данных. Автор указанного довода по всей видимости не был ознакомлен со стандартной формулировкой выводов судебно-медицинских, биологических и иных экспертиз (например, иногда довольно трудно вынести категорическое суждение касательно срока установления смерти, принадлежности крови к определённой группе, принадлежности тканей конкретному человеку по результатам ДНК-типирования. Эксперт в таких случаях отвечает в вероятностной форме, такая форма заключения не будет служить ни обвинительным, ни оправдательным доказательством в силу вытекающего из презумпции невиновности и не знающего исключений правила: приговор не может основываться на предположениях, а доказательства — не предположения, а фактические данные). То есть именно вероятностная, а не категорическая форма выводов имеет самое широкое распространение в практике и каких-либо нарушений уголовно-процессуального законодательства в этом не усматривается;

4. назначение повторной экспертизы в соответствии со статьей 207 УПК РФ предусматривает повторную проверку результатов первичной психофизиологической экспертизы (в случаях возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта), отнюдь не требует у испытуемого точно такого же психо-физиологического состояния, как при первичном проведении. Повторную экспертизу возможно назначить, если: заключение первичной экспертизы дано без учёта фактов, относящихся к предмету экспертизы; выводы эксперта не согласуются с другими достоверными обстоятельствами дела (противоречат другим доказательствам); возникают сомнения в достоверности полученных результатов и сделанных выводов; были допущены нарушения процессуальных норм, регламентирующих назначение и производство судебных экспертиз, в частности поручение производства экспертизы лицу, заинтересованному в исходе дела, или некомпетентному специалисту; необоснованно отклонены ходатайства участников процесса в связи с экспертизой (например, о назначении эксперта из числа указанных лиц, о поставке перед экспертом тех или иных вопросов);

5. вопрос поверки (калибровки) полиграфов достаточно абсурден. Федеральный закон от 26.06.2008 № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» указывает, что полиграф не является измерительным прибором, не используется как средство измерения, и в связи с этим не подлежит калибровке и поверке, так как калибровке и поверке подлежат только средства измерений, внесенные в Государственный реестр средств измерений, допущенных к использованию в Российской Федерации.

По мимо этих аргументов, по ряду уголовных дел Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ отмечала:

— «УПК РФ не предусматривает законодательной возможности применения полиграфа в уголовном процессе», «полиграф не предусмотрен в УПК РФ в качестве доказательств» [1];

— «Заключения психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа не относятся к доказательствам согласно положений ст. 74 УПК РФ» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 7. С. 26 (определение по делу № 34-О12–12).

Оценивая данные доводы, автор настоящей статьи полагает:

Литература:

1. Определения Верховного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 81-О11–49; от 28 июня 2012 г. № 44-О12–48; от 06 декабря 2012 г. № 88-О12–38; от 19 марта 2013 г. № 49-О13–12; от 23 сентября 2013 № 5-АПУ13–49 сп; от 30 октября 2013 № 41-АПУ13–47 сп и др. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Татарин В.Р. Использование возможностей судебно-психофизиологических экспертиз и исследований в отношении потерпевших и свидетелей на стадии предварительного расследования уголовных дел // Уголовное судопроизводство. — 2008. — № 3. — С. 13–1.
3. Байрамов Ф.Д. Применение полиграфа // Законность. — 2009. — № 8. — С. 40–42.

Судебный контроль деятельности нотариусов в Российской Федерации

Лукьянова Алена Вячеславовна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Рассматриваются сущность, разновидности и значение судебного контроля за осуществлением нотариальной деятельности. Уделено особое внимание субъектам и объектам судебного контроля за осуществлением нотариальной деятельности.

Ключевые слова: нотариальный акт, нотариальная деятельность, судебный контроль, прямой судебный контроль, косвенный судебный контроль.

Нотариат в Российской Федерации призван обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации, при этом их эффективность напрямую зависит от того, соверша-

ются ли эти действия в строгом соответствии с законом или нет. В связи с этим нотариальная деятельность, как и любая другая, нуждается в контроле извне.

1. Оценка степени достоверности любого доказательства может производиться судом лишь в рамках конкретного уголовного дела, по конкретному заключению эксперта. Оценка же метода в целом явно выходит за рамки полномочий суда по оценке доказательств;

2. Основная причина низкого качества психофизиологических экспертиз по рассмотренным уголовным делам, является низкая квалификация специалистов — полиграфологов, которая в настоящее время характеризуется бессистемностью и отсутствием необходимого нормативно-методического обеспечения, что никак не влияет на оценку судьями метода;

За всю историю становления полиграфа, именно в России были первые полиграфологи, награжденные орденами и наградами за успешную работу и внесенный колоссальный труд в развитие данного метода. В настоящее время, несмотря на все труды наших предков, результаты психо-физиологической экспертизы используют как доказательство в следствии и суде в таких странах как Япония, Индия, Польша, США, Израиле, Канаде и др., которые переняли старания российских полиграфологов и успешно реализуют их в повседневной деятельности, в отличии от России.

Справедливо отметить, что в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате законодательному регулированию этого вопроса отведено незна-

чительное внимание. В частности, вопросам контроля посвящена глава VII, состоящая всего из трех статей. Тем не менее, контроль за деятельностью нотариата весьма обширен и значителен, особенно если речь идет о судебном контроле.

Судебный контроль представляет собой один из видов государственного контроля, являясь наиболее авторитетным и действенным. Предметом его является акт государственного или муниципального органа, должностного или иного уполномоченного на то лица, либо действие вышеназванных субъектов, повлекшее за собой юридически значимые последствия, либо несовершение такого действия (бездействие), когда вышеназванный субъект обязан его совершить.

Судебный контроль за деятельностью нотариата в доктрине подразделяют на два вида — прямой и косвенный [1, С. 94]. Прямой судебный контроль осуществляется над *действиями (бездействием) нотариусов* в процессе рассмотрения судами заявлений о совершенных нотариальных действиях или заявлений об отказе в их совершении в порядке особого производства. Иными словами, прямой судебный контроль имеет место в случае, если предметом судебного разбирательства является законность действий нотариуса. Для того, чтобы был задействован механизм прямого судебного контроля, необходимо наличие соответствующего заявления (жалобы) заинтересованного лица [2, с. 42].

Косвенный судебный контроль осуществляется над *нотариальными актами*, оспаривание которых происходит в порядке искового производства. Косвенный судебный контроль имеет место при рассмотрении судами споров, в которых стороны обосновывают свои требования, ссылаясь на письменные доказательства — нотариальные акты (нотариально удостоверенные договоры и др.). Важно отметить, что нотариальный акт имеет особую доказательственную силу (согласно ч. 5 ст. 61 ГПК РФ обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута в порядке, установленном ст. 186 ГПК РФ, или не установлено существенное нарушение порядка совершения нотариального действия). В таких случаях суд осуществляет контроль не над содержанием нотариального акта, а скорее над его формой, правильностью оформления. Такая проверка осуществляется как бы «попутно», не являясь основной целью судопроизводства, в то время как основная цель — разрешение материально-правового спора. Кроме того, косвенный судебный контроль осуществляется по искам о признании нотариального акта (завещания и др.) недействительным. В этих случаях нотариальный акт выступает не в качестве доказательства, а является непосредственно предметом спора. При этом, если судом будут удовлетворены иски требования истца, нотариальный акт будет признан недействительным, утратив свою юридическую силу.

Косвенный судебный контроль, в отличие от прямого, осуществляют не только суды общей юрисдикции, но и арбитражные суды. В соответствии с ч. 1 ст. 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), арбитражные суды рассматривают дела по спорам, связанным с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице, являющемся коммерческой организацией, а также в некоммерческом партнерстве, ассоциации (союзе) коммерческих организаций, иной некоммерческой организации, объединяющей коммерческие организации и (или) индивидуальных предпринимателей, некоммерческой организации, имеющей статус саморегулируемой организации в соответствии с федеральным законом (далее — корпоративные споры), в том числе по спорам, вытекающим из деятельности нотариусов по удостоверению сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью.

Прямой же судебный контроль осуществляют исключительно суды общей юрисдикции, арбитражным судам эти споры не подведомственны ввиду того, что в соответствии со ст. 1 Основ нотариальная деятельность не является предпринимательством и не преследует цели извлечения прибыли. Таким образом, оспорить действия нотариуса можно только в суде общей юрисдикции.

Судебный контроль за деятельностью нотариата некоторые авторы подразделяют на непосредственный (абстрактный, целевой) и опосредованный (индивидуальный, инцидентный) [3, с. 18], первый из которых предполагает проверку соответствия действий нотариуса букве закона при совершении нотариусом нотариального действия или отказа в его совершении, и осуществляется в порядке главы 37 ГПК РФ, а второй — реализуется при разрешении конкретных дел (при разрешении споров, в которых нотариальный акт не является предметом оспаривания).

Нельзя отрицать особое значение и роль судебного контроля, осуществляемого за деятельностью нотариусов в Российской Федерации, и во многом это объясняется тем, какое место занимают суды в правовой системе нашего государства. В то время, как не раз подвергавшееся реформированию и серьезным изменениям гражданское право, включающее в себя в том числе нормы о нотариате, отличается значительной неопределенностью нормативных положений, наличием пробелов и коллизий, именно суду принадлежит решающее слово о том, какие действия нотариуса правомерны, а какие неправомерны, как следует толковать ту либо иную правовую норму и как правильно применить ее в юридической практике.

По мнению В.Н. Аргунова, контроль суда над деятельностью нотариата «сопоставим с надзорной функцией суда второй инстанции в гражданском судопроизводстве. Он должен обеспечить исправление нотариальных ошибок, обобщение нотариальной практики, толкование действующего законодательства» [4, с. 112].

Литература:

1. Под ред. И. Г. Медведева; Центр нотар. исслед. при Федер. нотар. палате. Организация нотариального дела. — 3-изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2015. — 414 с.
2. Н. И. Куленко. Контроль за деятельностью нотариусов: правовой и этический аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 11. — С. 39–43.
3. Паршина Т. В. Судебный контроль за деятельностью нотариусов // Нотариус. — 2006. — № 6. — С. 18.
4. Под ред. Аргунова В. Н. Постатейный комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате. — М.: «СПАРК», 1996. — 389 с.

Значение досудебного урегулирования споров для судебной системы

Луцяк Илья Михайлович, студент

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

В ходе работы рассмотрены проблемы, возникающие в арбитражных судах при применении досудебного порядка урегулирования спора. Сделан вывод о целесообразности применения досудебного урегулирования споров, что упрощает процедуру разрешения спора для заинтересованного лица, а также эффективно отражается на самом судебном процессе, в результате уменьшения рассматриваемых в суде дел, затрудняющих работу судьям. Также подведен итог о важности претензии, как попытки досудебного урегулирования спора и имеющихся недостатках данного института, недостаточности правового урегулирования на законодательном уровне, требующих внесения изменений, дальнейшего усовершенствования и развития.

Ключевые слова: претензия, досудебное урегулирование, примирительные процедуры, разрешение спора, Арбитражно-процессуальный кодекс.

Целью досудебного урегулирования спора является устранение или предотвращение негативного влияния на экономическую деятельность со стороны контрагентов. Положительный аспект досудебного порядка урегулирования споров заключается в быстром восстановлении нарушенных прав кредитора посредством добровольного удовлетворения претензионных требований. Такой порядок имеет положительную сторону и для добросовестного должника, поскольку избавляет его от дополнительных затрат на судебные расходы.

Досудебное урегулирование споров имеет ряд преимуществ перед разрешением споров в судебном порядке. Среди которых можно выделить экономию средств и времени контрагентов, урегулирование конфликта без остановки производственного процесса хозяйствующих субъектов, возможность сохранения партнерских отношений и взаимовыгодного сотрудничества между сторонами и др.

В целях снижения нагрузки на судебную систему целесообразно применять претензионный порядок урегулирования споров. В том числе необходимо осуществление унификации данного претензионного порядка, то есть образование единой системы, формы всего процесса предъявления претензии, а также реакции на нее [5, с. 269].

Схожее мнение высказал Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев на VIII Всероссийском съезде судей в декабре 2012 года.

По его мнению, примирительные процедуры целесообразно закрепить на законодательном уровне, придав им

статус обязательности, что, по его мнению, значительно снизит нагрузку на судей. Во время выступления со своим докладом Председатель Верховного Суда Российской Федерации указал на бесспорность факта возможности уменьшения нагрузки на судей при условии эффективной работы альтернативных методов.

Иными словами, при предъявлении претензии необходимо обратить внимание на ее результативность — восстановление нарушенных прав заинтересованного лица, своевременно и в полном объеме [6].

В соответствии с Федеральным законом № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации», досудебный порядок урегулирования спора является обязательным, за исключением установленных процессуальным законом перечня дел, для каждого из которых существует свой порядок заявления претензии, а также ее рассмотрения. Несоблюдение обязательного претензионного порядка влечет за собой определенные процессуальные последствия.

Закрепление на законодательном уровне обязательного досудебного порядка урегулирования споров направлено на снижение судебной нагрузки для более эффективного осуществления правосудия. Однако не только намерением уменьшить высокую нагрузку судебного разбирательства, но и частным характером разногласий, которые изначально сторонам следует устранять путем переговоров и взаимных уступок, объясняется введение обязательного претензионного порядка, предшествующего

шего предъявлению иска. Тем самым в арбитражный суд должны передаваться к разбирательству только споры, по которым полностью утрачена возможность их добровольного мирного урегулирования. [7]

В процессе применения института досудебного порядка урегулирования споров следует обозначить проблемные вопросы, требующие разрешения на законодательном уровне.

Применяемый в Российском законодательстве 30-дневный срок ответа на претензию оставляет без возможности обратиться в суд, является чрезмерно завышенным, и, как следствие, его применение приносит для добросовестной стороны значительные риски злоупотреблений недобросовестного контрагента. Так, последний за казанный срок может предпринять действия, направленные на создание препятствий для дальнейшего судебного разбирательства, в том числе по выводу имущества.

Мы пришли к выводу о том, что поскольку добросовестный должник всегда имеет возможность удовлетворить требования добровольно и, по сути, не дожидаясь поступления претензии, достаточно установления, например, 10-дневного срока.

Еще одним спорным является вопрос об императивном установлении претензионного порядка законодателем. Существуют законодательно установленный обязательный претензионный порядок и претензионный порядок, установленный добровольно, например, в договоре.

В гражданском обороте действует принцип диспозитивности, согласно которому субъекты гражданских правоотношений самостоятельно реализовывают свои права, в том числе и право на судебную защиту или использование иных альтернативных средств разрешения возникающих конфликтов. Так, например, стороны соглашения вправе по своей воле обратиться за разрешением вытекающих из соглашения конфликтов к третейским судам. В императивном порядке не допускается установление такой обязанности для сторон. В связи с этим встает вопрос о противоречии императивно установленного претензионного порядка праву лиц самостоятельно избирать средства защиты своих прав и законных интересов.

Досудебный претензионный порядок разрешения спора, на наш взгляд, должен осуществляться по воле

сторон, в исключительных случаях он должен быть закреплен законодательно. Однако современные правовые реалии не допускают такого подхода [4].

Еще одним спорным моментом обязательного досудебного порядка урегулирования спора является вопрос о его соблюдении в случае, когда местонахождение ответчика неизвестно. Так, по общему правилу ст. 35 АПК РФ иск предъявляется в арбитражный суд субъекта Российской Федерации по месту нахождения или месту жительства ответчика. Место жительства гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, может подтверждаться документами, удостоверяющими его регистрацию в органах регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту жительства в пределах РФ, или выпиской из Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей (п. 1 ст. 20 ГК РФ). При этом ст. 36 АПК РФ предусмотрена возможность подачи иска к ответчику, место нахождения или место жительства которого неизвестно, в арбитражный суд по месту нахождения его имущества. При отсутствии информации об адресе местонахождения ответчика направить ему претензию объективно невозможно. Однако первые судебные акты, принятые после вступления в силу рассматриваемых поправок, свидетельствуют о формальном подходе судей к данному вопросу, что только усугубляет ситуацию.

Несоблюдение истцом претензионного или иного досудебного порядка урегулирования спора с ответчиком является основанием для оставления иска без рассмотрения. В силу п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ в редакции Федерального закона от 02.03.2016 № 47-ФЗ арбитражный суд возвращает исковое заявление, если при рассмотрении вопроса о принятии заявления установлено, что истцом не соблюден претензионный или иной досудебный порядок урегулирования спора с ответчиком, если такой порядок является обязательным в соответствии с законом.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что претензионный порядок используется как формальная процедура для дальнейшего обращения в суд общей юрисдикции или арбитражный суд. Он имеет свои специфические задачи, и поэтому суд не может в произвольном порядке применять п. 2 ст. 148 АПК РФ и п. 1 ст. 135 Гражданского процессуального кодекса [1; 2].

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрания законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 года № 30 ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532
3. Федеральный закон «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 02.03.2016 № 47-ФЗ (последняя редакция) // Собрания законодательства Российской Федерации от 07 марта 2016 года № 10 ст. 1321.
4. Бакулин А. Ф., Смирнов Н. Н. Новый досудебный порядок урегулирования гражданско-правовых споров // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2016. № 4 (8). С. 54–61.

5. Каллистратова Р. Ф. Претензионный порядок разрешения споров между социалистическими организациями // Избранные труды по арбитражному и гражданскому процессам. Краснодар. 2007. С. 149.
6. Кириченко С. В., Шумилина А. Б., Претензионный порядок урегулирования спора в арбитражном процессе: проблемы применения и направления развития
7. Материалы VIII Всероссийского съезда судей (декабрь 2012 года). Бюллетень Нижегородского областного суда №№ 1–2. Январь-Февраль. 2013 г. — 80 с.
8. Проблемы оптимизации судебной юрисдикции и судебной нагрузки на судебную систему в современных условиях: материалы международной научно-практической конференции: сборник статей. Ответственный редактор: Мамыкин А. С., Рябцева Е. В. Москва: Российский государственный университет правосудия, 2016. — 388 с.

Некоторые проблемные аспекты при уступке права требования в кредитных обязательствах

Лысаченко Елена Николаевна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В данной статье рассматривается уступка требования (цессия) в гражданских правоотношениях, вытекающих из договоров потребительского кредитования.

Ключевые слова: кредитные обязательства, цессия, уступка требования, лицензирование банковской деятельности.

В российской цивилистике многие институты исследованы достаточно основательно, но есть и малоисследованные виды гражданских правоотношений. В их число входит уступка права требования (цессия), которая в течение нескольких десятилетий в период социалистического устройства в СССР практически не применялась, но получила бурное развитие в последние годы и достаточно активно используется в настоящее время в различных сферах предпринимательской и иной деятельности.

Споры по кредитным обязательствам, взысканию кредитной задолженности, применение при ее взыскании уступки права требования (цессии), являются достаточно большим и малоизученным пластом правоотношений в юридической науке.

Например, в течение длительного времени — на протяжении нескольких лет, в юридическом сообществе ведется спор по поводу того, насколько законно и правомерно заключение сделки по уступке права требования (цессии) к должнику по договорам потребительского и иного кредитования между кредитной организацией, банком и иными субъектами предпринимательской деятельности, основным направлением деятельности которых является взыскание просроченной задолженности по кредитам, но при этом, у данных субъектов отсутствуют лицензии на право осуществления банковской деятельности.

Споры ведутся, по многим вопросам, но в настоящей статье хотелось бы затронуть один из них — о правомерности передачи по договору цессии банком или иной кредитной организацией персональных данных заемщика, созаемщиков и иных лиц, указанных заемщиком в кре-

дитном договоре организации либо физическому лицу, занимающимся взысканием долга, а также о необходимости получения согласия должника на уступку права требования, которая влечет за собой замену кредитора.

Мнения относительно применения цессии в потребительском кредитовании неоднозначны. С одной стороны, в своем информационном письме от 13.09.2011 N146 Президиум ВАС РФ указал, что не является неправомерной уступка прав требования банком по кредитному договору с физическими лицами некредитному учреждению.

С другой стороны, Верховный суд Российской Федерации считал неправомерной уступку прав требования по кредитному договору с физическими лицами некредитным организациям, если иное прямо не предусмотрено Законом или договором. Данное утверждение сформулировано в п. 51 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2012 № 17, где говорится, что при разрешении спора об уступке требований, при заключении кредитных договоров с потребителями (физическими лицами), суду надлежит иметь в виду, что Законом «О защите прав потребителей» не предусмотрено право банка, иной кредитной организации передавать право требования по кредитному договору с потребителем (физическим лицом) лицам, не имеющим лицензии на право осуществления банковской деятельности, если иное не установлено законом или договором, содержащим данное условие, которое было согласовано сторонами при его заключении.

Первая позиция была сформирована в основном под влиянием банковского сообщества. Она заключается в том, что уступка банком права требования по кредит-

ному договору, в котором заемщик является физическим лицом, не исполнившим в срок свои обязательства по своевременному погашению кредитной задолженности, лицу, не обладающему статусом кредитной организации, не противоречит закону. Право требования, по мнению приверженцев данной позиции, может быть передано лицам и организациям, у которых нет лицензии на право осуществления банковской деятельности, если иное не установлено законом или договором, содержащим данное условие, которое согласовано сторонами при его заключении. Уступка прав требования, вытекающих из кредитного договора, не нарушает правовых норм о банковской тайне, поскольку, цессионарий принимает на себя обязательство хранить информацию, которая составляет банковскую тайну, и нести установленную законом ответственность за ее разглашение.

Противоположную позицию сформировал и высказал Роспотребнадзор под влиянием многочисленных жалоб кредитуемых граждан на действия банков и прочих кредитных учреждений при продаже (уступке) кредитных обязательств заемщиков иным лицам. Согласно ей, личность кредитора имеет существенное значение для должника при взыскании задолженности по кредитному договору, а в соответствии с положениями ст. 388 ГК РФ уступка права требования кредитором другому лицу допускается, если она не противоречит закону, иным правовым актам или договору. Не допускается без согласия должника уступка требования по обязательству, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника.

Согласно данной позиции только кредитная организация вправе приобретать права требования исполнения обязательств в денежной форме, вытекающих из кредитных договоров. Коллекторские агентства и иные участники предпринимательской деятельности, чьи функции заключаются во взыскании проблемной задолженности, которые не являются субъектами банковской деятельности и не способны равноценно заменить банк став новым кредитором вследствие уступки, поскольку объем их прав и обязанностей существенно отличается от объема прав и обязанностей в данных правоотношениях кредитных организаций.

Помимо этого, Законом Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» не предусмотрено право банка, иной кредитной организации передавать право требования по кредитному договору с потребителем (физическим лицом) лицам, не имеющим лицензии на право осуществления банковской деятельности. В связи с этим требование о лицензировании должно распространяться как на сам кредитный договор, так и на все последующие действия, связанные с реализацией прав и обязанностей кредитора.

Кроме того, Роспотребнадзор полагал, что при разрешении дела, связанного с уступкой прав требований, вытекающих из кредитных договоров с потребителями — физическими лицами, судам общей юрисдикции следует,

руководствуясь разъяснениями Верховного суда РФ в Постановлении № 17, в каждом отдельном случае определять факт добровольности волеизъявления (согласия) заемщика при включение в договор потребительского кредитования условий об уступке права требования третьему лицу, не равноценному банку либо иной кредитной организации по объему прав и обязанностей в рамках лицензируемого вида деятельности, осуществляемой первоначальным кредитором.

Соответственно, такое условие, включенное в договор, является оспоримым, и тогда возможно применять к этим договорам как общие положения о последствиях недействительности сделки (ст. 167 ГК РФ), так и положения о недействительности сделки, совершенной под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК РФ).

В соответствие с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N17 Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека опубликовано письмо от 23.07.2012 N01/8179-12-32 «О Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года N17 »О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей«, в котором обозначено, что отсутствуют безусловные основания для признания правомерности включения в кредитный договор с заемщиком (физическим лицом) условий о праве банка, иной кредитной организации передавать право требования по кредитному договору лицам, не имеющим лицензии на право осуществления банковской деятельности, в связи с чем территориальным органам Роспотребнадзора необходимо продолжать в рамках своей компетенции оказывать гражданам необходимую помощь по защите их прав, в том числе в судебном порядке».

В настоящее время эта позиция не нашла активной поддержки в правоприменительной практике. Тем не менее Роспотребнадзору (Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека) все-таки удалось сформировать немногочисленную практику в пользу заемщика — физического лица.

Сложно не согласиться с такой позицией, поскольку она, прежде всего направлена за защиту прав и законных интересов граждан. Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, в своем письме от 02.11.2011 N01/13941-1-32 «Об отдельных аспектах правоприменительной практики по привлечению банков к административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей» указывает, что передача банком права требования по взысканию кредитных обязательств с заемщика, тем более при возникновении спора о наличии долга между первоначальным кредитором и заемщиком, различным небанковским организациям не основана на нормах права, поскольку личность кредитора весьма важна для заемщика-потребителя. Соответственно, передача права требования долга банком, небанковской организации, а тем паче индивидуальному предпринима-

телю или коллекторскому агентству, есть ни что иное как прямое нарушение прав гражданина, которые должно соблюдать и охранять государство.

Кроме того, передавая право на взыскание задолженности заемщика третьему лицу, кредитная организация допускает нарушение п. 1 ст. 857 ГК РФ, согласно которому банк гарантирует тайну банковского счета и банковского вклада, операций по счету и сведений о клиенте, так же как и положений ст. 26 Закона «О банках и банковской деятельности», устанавливающей, что кредитная организация гарантирует тайну об операциях, о счетах и вкладах своих клиентов.

Позиция Роспотребнадзора заслуживает внимания и объясняется тем, что его основной функцией является защита прав потребителей. Кроме того, как следует из статистики обращений граждан в Роспотребнадзор, в последние годы участились жалобы на противоправные действия со стороны коллекторских агентств, незаконный характер деятельности которых не раз отмечали и Роспотребнадзор, и прокуратура.

Однако в п. 2 Информационного письма Президиума ВАС РФ № 120 указано, что в настоящее время законодательство РФ не содержит норм, которые запрещают банкам уступать права требования по кредитному договору организации, которая не является кредитной и не имеет лицензии на занятие банковской деятельностью. Уступка требований по кредитному договору, в отличие от приобретения права требования от третьих лиц исполнения обязательств в денежной форме, не относится к банковским операциям, указанным в ст. 5 Закона «О банках и банковской деятельности». Ни Закон «О банках и банковской деятельности», ни ст. 819 ГК РФ

не содержат предписания о возможности реализации прав кредитора по кредитному договору только кредитной организацией.

П. 16 Информационного письма № 146 ВАС РФ подтверждает изложенную ранее позицию о том, что уступка банком права требования лицу, не обладающему статусом кредитной организации, не исполненного в срок требования по кредитному договору с заемщиком-гражданином не противоречит закону и не требует согласия заемщика.

Верховный суд РФ впоследствии занял аналогичную позицию, поддерживающую банковское сообщество в вопросе уступки права требования просроченных долгов.

До вступления в законную силу Постановления Пленума Верховного суда № 54 от 21.12.2017 года, судебная практика по уступке права требования при взыскании кредитных обязательств существенно различалась. В основном, суды поддерживали первую позицию, большинство судебных решений выносилось в поддержку уступки кредитных обязательств не только кредитным учреждениям, но и иным лицам.

Впоследствии законодатель, стремясь урегулировать данные противоречия, под давлением банковского лобби в п. 12 Постановления Пленума Верховного суда № 54 от 21.12.2017 года указал, что если иное не установлено законом, отсутствие у цессионария лицензии на осуществление страховой либо банковской деятельности не является основанием недействительности уступки требования, полученного страховщиком в порядке суброгации или возникшего у банка из кредитного договора. Тем самым законодатель, насколько это возможно, устранил споры по данному вопросу.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 18.03.2019). СПС «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019). СПС «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/
3. Белов В. А. Уведомление должника об уступке требования / В. А. Белов. — М.: ЮрИнфоР, 2007. — 266 с.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 N152-ФЗ «О персональных данных». СПС «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/
5. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395–1. СПС «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/
6. Постановление Пленума Верховного суда от 21.12.2017 года № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 ГК РФ о перемене лиц в обязательстве на основании сделки». СПС «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286129/
7. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.09.2011 г. № 146 «Об обзоре судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров». СПС «Гарант». <https://base.garant.ru/58203684/>
8. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 30.10.2007 № 120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 ГК РФ». СПС «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_74034/8376e92eaf725b692ce9bfac52a83e1640d346c4/
9. Письмо Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 23.07.2012 N01/8179–12–32 «О Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от

28 июня 2012 года N17 »О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». https://rulaws.ru/acts/Pismo-Rospotrebnadzora-ot-23.07.2012-N-01_8179-12-32/

10. Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, в своем письме от 02.11.2011 N01/13941-1-32 «Об отдельных аспектах правоприменительной практики по привлечению банков к административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей». https://rulaws.ru/acts/Pismo-Rospotrebnadzora-ot-02.11.2011-N-01_13941-1-32/
11. Правомерна ли уступка прав требования банком по кредитному договору иным лицам? Деревянко Е. М. Отрасли права. <http://отрасли-права.рф/article/27836>
12. Е. С. Рахимова. Взаимодействие банков и коллекторов: переуступка права требования или нарушение банковской тайны? Издание: Юридическая работа в кредитной организации. № 3. 2013 <http://futurebanking.ru/page/reglamentbank/1400>

Современное состояние коррупции в России и предложения по борьбе с ней

Любый Евгений Петрович, студент магистратуры;

Научный руководитель: Туркулец Светлана Евгеньевна, доктор философских наук, профессор
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье представлен краткий обзор современного состояния коррупции в России. Отмечены наиболее важные нормативные акты регулирующие методы борьбы с коррупцией. Озвучены причины стагнации и методы борьбы с этим явлением.

Ключевые слова: коррупция, стагнация, закон, ратификация.

Феномен коррупции в современной России представляет огромную проблему. Все чаще о ней говорят руководители законодательной, представительной ветвей власти, общественные организации и просто граждане Российской Федерации через социальные сети.

Это социально-правовое явление наносит ущерб росту экономики и социальной стабильности страны, значительно уменьшая поступления в бюджеты различных уровней, вытесняя с рынка честных конкурентов и снижая степень доверия населения к органам государственной власти и финансовым структурам. Наличие коррупции в сферах общественной жизни является признаком ее системного кризиса. [1, с. 262]

Коррупция — это проблема, которая касается каждого из нас, она одна из основных причин снижения уровня жизни населения. Она оказывает воздействие на нас, даже если мы не сталкиваемся с ней напрямую. Отдельные члены общества обогащаются за счет средств, которые могли бы быть направлены на важные сферы жизни общества — образование, здравоохранение, инфраструктура. Эти люди ставят свои личные, корыстные интересы превыше общественных. Зачастую отдельные члены общества или группы людей в России, имеющие связи, деньги, могут и влияют на изменение законодательства, преследуя личные интересы.

Ученый-адвокат Кирпичиков А. И. писал, что коррупция — это коррозия. Она разрушает государственный аппарат и разъедает общество. [2, с. 22]

По итогам 2018 года рейтинг TI охватил 167 стран. Россия заняла 138 место (29 баллов), оказавшись в одном ряду с Ираном, Ливаном, Гвинеей.

Коррупция без постоянного противодействия ей имеет свойство расширяться. Поэтому, все больше внимание уделяется осуществлению антикоррупционной политики. Данная стратегия представляется единственно эффективной в нынешних условиях. При этом она не противопоставляется применению правового государственного принуждения к коррупционерам. Наоборот, это принуждение становится более эффективным, поскольку встраивается в общую систему антикоррупционного сдерживания.

За последние годы органами государственной власти России сделаны важные шаги в реализации антикоррупционной стратегии. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что коррупция была официально признана одной из наиболее значимых угроз национальной безопасности, оказывающей влияние на все сферы жизни общества.

В рамках реализации этой государственной стратегии по противодействию коррупции был принят комплекс важнейших документов и мер, среди которых особое место занимают Указы Президента Российской Федерации, посвященные вопросам противодействия коррупции.

Президентом были подписаны законы, который призваны повысить эффективность деклараций государственных служащих. Согласно документу, банки будут обязаны по запросам правоохранительных органов раскрывать сведения о финансовых операциях должностных лиц. С 2008 года действует Совет при президенте РФ по противодействию коррупции.

Предпринимается активное совершенствование законодательной базы и приведение ее в соответствие с мировыми нормами. Федеральным законом от 8 марта

2006 года № 40-ФЗ ратифицирована Конвенция Организации Объединенных наций против коррупции. 19 мая 2008 года вышли Указ Президента Российской Федерации № 815 «О мерах противодействию коррупции» и федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В 2010 году был издан Указ президента РФ от 13 апреля 2010 года № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции». В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года коррупция признана одной из основных угроз для общества и государства.

Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 была утверждена Национальная стратегия противодействия коррупции, определившая ключевые направления организации работы по системному противодействию коррупции и предупреждению ее проявлений. В том числе был принят ФЗ РФ от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Актуальность антикоррупционной экспертизы состоит в том, что она позволяет выявлять в нормативных правовых актах и их проектах коррупциогенные факторы для их последующего устранения.

Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» закрепил основные принципы, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней. В связи с принятием этого Закона претерпели изменения многие законодательные акты, регулирующие службу в органах государственной и муниципальной власти.

Также законодательно введен целый ряд обременительных норм и правил для публичных должностных лиц и их семей, в части декларирования имущества, доходов, владением зарубежной собственностью.

Причины, по которым Россия остается аутсайдером в борьбе с коррупцией в законодательном и практическом применении:

1. Коррупционные дела возбуждаются против высших должностных лиц не регулярно. Отдельные громкие случаи лишь оттеняют общую весьма удручающую картину.

2. Слабость правовых норм, регулирующих ответственность за не декларирование доходов и имущества, а также конфликта интересов, позволяет нарушителям в подавляющем большинстве случаев отделяться минимальным наказанием, увольнением за утрату доверия и сложением полномочий.

3. Реализация ведомственных планов по противодействию коррупции имеет крайне формальный и непубличный характер.

4. Международное антикоррупционное сотрудничество стагнирует. Сбежавшие в другие страны от российского правосудия коррупционеры избегают наказания за совершенные противоправные деяния;

Очевидно, что значительная часть коррупционных деяний происходит по причине несовершенства законов и подзаконных нормативно-правовых актов. [3, с. 50] Для борьбы с перечисленным необходимо применение конкретных мер:

1. Введение персональной ответственности во всех ветвях власти законодательной, судебной и особенно исполнительных органов власти.

2. Внедрение в правовую систему механизмов реальной ответственности за незаконное обогащение, то есть за наличие у должностного лица и их семей активов и собственности, происхождение которых такое должностное лицо не может разумным образом объяснить;

3. Обеспечить действенную реализацию контроля за движением средств должностных лиц и членов их семей в расширенной формулировке согласно требованиям FATF (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег);

4. Обеспечить независимость судов от исполнительной власти и не избирательность правосудия, а также обеспечить публичность данных о деятельности правоохранительных органах;

5. Обеспечить российским общественным организациям и активным гражданам возможность свободно получать и анализировать информацию, связанную с деятельностью по гражданскому антикоррупционному контролю.

Самой действенной мерой по борьбе с коррупцией в России должно быть совершенствование российского законодательства.

Право применение должно осуществляться не только за контролем уровня доходов чиновников, когда это превращается раз в год в декларацию с не совсем достоверными цифрами, а за уровнем расходов, приобретением дорогостоящих активов чиновником и его членов семьи. Для этого необходимо ратифицировать тот самый пункт 20 Конвенции ООН о борьбе с коррупцией, который Российская Федерация с таким упорством уже несколько лет отказывается ратифицировать. В пункте 20 Конвенции ООН о борьбе с коррупцией определена обязанность чиновника и иных должностных лиц доказывать легальность доходов, потраченных на дорогостоящие приобретения, и в случае, когда возникают подозрения в неосновательном обогащении, то контрольно-надзорные органы государства обязаны будут провести финансовое расследование и по их результатам принять соответствующие меры [4]. Такая мера станет поистине революционной по борьбе с коррупцией в России.

Литература:

1. Терешкова, В.В. Сравнительный анализ успешных практик противодействия коррупции в сфере школьного образования в зарубежных странах/ В.В. Терешкова// Актуальные проблемы экономики и права.— 2015.— № 1.— С.262–271.

2. Ночевин, Д.К. Полномочия прокуратуры по противодействию коррупции в Российской Федерации: административно правовые аспекты: монография/ Д.К. Ночевин. — М.: Проспект, 2017. — 144с.
3. Чернышева, Л.А. Антикрупционная экспертиза нормативно правовых актов субъектов Р. Ф. и органов местного самоуправления: проблемы теории и практики/ Л.А. Чернышева// Государственная власть и местное самоуправление. — 2017. — № 6. — С. 50–53.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 21.11.2003 // СПС «Консультант+». — Последнее обновление 22.03.2019.
5. Лимаренко, А.П. Проблемы эффективности антикоррупционной политики в современной России/ А.П. Лимаренко, С.Е. Туркулец// Приоритеты развития социогуманитарного знания, экономики и права: научная дискуссия и эксперименты: сб. материалов науч. Исследований молодых ученых в рамках Междунар. науч. — практ. конф./ под общ. ред. С.Е. Туркулец, Е.В. Листопадовой. — М.: Научный консультант, 2017. — С. 119–122.

Исковая давность в российском гражданском праве

Малявская Екатерина Юрьевна, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (г. Москва)

Срок исковой давности — законодательный акт, ограничивающий срок, в течение которого может быть возбуждено судебное разбирательство, как правило, установленным сроком после наступления событий, послуживших основанием для возбуждения дела. Такие законы принимаются для защиты лиц от претензий, предъявляемых после того, как споры устарели, доказательства были утеряны, воспоминания поблекли или свидетели исчезли.

Ключевые слова: *исковая давность, защита прав, течение исковой давности, приостановление исковой давности.*

The statute of limitations in Russian civil law

The Statute of limitations is a legislative act that limits the period during which a trial can be initiated, as a rule, by a fixed period after the events that served as the basis for the initiation of the case. Such laws are enacted to protect individuals from claims made after disputes have become obsolete, evidence has been lost, memories have faded or witnesses have disappeared.

Keywords: *the Statute of limitations, the rights of the limitation period, suspension of the limitation period.*

Статуты об исковой давности появились еще в римском праве и составляют основу ограничений, предусмотренных в гражданско-правовых кодексах Страны.

В 2013 году Гражданский кодекс РФ претерпел ряд серьезных изменений. Реформа была проведена в несколько этапов путем принятия законов и внесение изменений в Гражданский кодекс РФ. Основной целью реформы является совершенствование и модернизация Гражданского кодекса России в том числе Часть первая которая содержит общее и ключевое положения и определения российского гражданского права.

Срок давности по гражданским делам исчисляется различными способами для каждого конкретного случая, имеет свое значение, размерность и порядок исчисления. Являясь достаточно общим понятием, она включает в себя нормативные сроки и сроки исполнения, определенные сделкой, договором, а также сроки, назначенные судом [1, с. 75].

Одно из первых, что проверяет юрист при оценке перспективности защиты права или уклонение от выпол-

нения обязательства это вопрос срока исковой давности. Исковая давность — это срок, в пределах которого лицо может обратиться в суд с требованием о защите своего гражданского права или интереса.

Среди нормативных временных интервалов, главным является срок давности по гражданским делам, которому соответствует термин «срок давности». Его размер позволяет потерпевшему медленно определять иски к правонарушителю, определять тактику защиты своих прав, готовить все необходимые для успешного завершения спора доказательства. Ограничение срока давности по срокам не только дисциплинирует участников гражданского процесса, но и позволяет суду принимать максимально выверенное решение на основе реальных доказательств, не утративших своей силы.

Срок исковой давности призван стимулировать разрешение юридических претензий в разумные сроки.

Законодателем установлено два вида срока исковой давности: общий (три года) и специальный.

Стороны в случае соблюдения письменной формы договора, могут по своей договоренности увеличить срок исковой давности, однако не могут сокращать законодательно установленные сроки.

По общему принципу течение исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или могло узнать о нарушении своего права. То есть законодатель заложил презумпцию осведомленности кредитора о его нарушении прав, таким образом, обязанность доказывания неосведомленности возложена на кредитора. Относительно отдельных отношений определены другие обстоятельства начала течения срока исковой давности [2, п. 6].

Под приостановлением срока исковой давности понимается прекращение его исчисления при существовании определенных обстоятельств, предусмотренных Гражданским кодексом РФ, после прекращения которых продолжается с учетом времени, прошедшего до его остановки.

В случае совершения лицом действия, свидетельствующего о признании им своего долга или другой обязанности и в случае предъявления лицом иска к одному из нескольких должников, а также если предметом иска является лишь часть требования, право на которую имеет истец срок исковой давности прерывается и его течение начинается заново.

Заявление о защите гражданского права или интереса должно быть принято судом к рассмотрению независимо от истечения исковой давности. Исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения им решения. Истечение исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является основанием для отказа в иске. Если суд признает уважительными причины пропуска исковой давности, нарушенное право подлежит защите. Законодатель не приводит примеров оснований, за которые суд может признать уважительными причины пропуска срока исковой давности, таким образом, суд самостоятельно оценивает каждое обстоятельство на предмет уважительности.

Данное правило касается и специальных сроков исковой давности, поскольку отдельными нормативными актами в отношении некоторых правоотношений определены иные сроки исковой давности [4, с. 128].

Проведенное обобщение показало, что при рассмотрении гражданских дел, где решался вопрос о сроках

исковой давности, судьями не всегда правильно применялись нормы материального и процессуального права, выяснялись все обстоятельства и причины, которые давали основания для их правильного разрешения дела.

Так, в отчетном периоде в местных судах не однократно возникали проблемы с определением начала течения исковой давности, связанные не только с временем непосредственной осведомленности лица об определенных обстоятельствах, но и с объективной возможностью этого лица знать об этих обстоятельствах. В связи с такой проблемой целесообразно было бы сформулировать общие правила по определению начала течения этих сроков.

Поскольку государство обязано обеспечить надлежащее правовое регулирование отношений и ответственная за принятые ее органами незаконные правовые акты, их отмене не должно ставить под сомнение стабильность гражданского оборота, поддерживать которую призваны нормы об исковой давности, поэтому, в отличие от других участников гражданских правоотношений, государство несет риск истечения срока исковой давности на обжалование ею незаконных правовых актов государственных органов, которыми нарушено право собственности или иное вещное право [3, с. 248].

Давность применяется как в гражданских правоотношениях, так и в публичной сфере, когда речь идет о сроках привлечения к юридической ответственности. В последнем случае (давность привлечения к ответственности) речь идет о том, что государство признает: через некоторое время совершенное лицом правонарушение теряет общественную вредность (общественную опасность), и лицо уже не обязано нести за него ответственность. Такая давность применяется к различным видам ответственности — от финансовой и административной до уголовной.

Подводя итог необходимо отметить, что применение сроков исковой давности имеет несколько важных целей, а именно: обеспечивать юридическую определенность и окончательность, защитить потенциальных ответчиков от просроченных исков и предотвращать несправедливости, которая может произойти в случае, если суды будут вынуждены решать дела о событиях, имевших место в далеком прошлом, опираясь на доказательства, которые уже, возможно, потеряли достоверность и полноту с течением времени.

Литература:

1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11. С. 8–99 [Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11. С. 8–99; [Электронный ресурс]: <http://base.garant.ru/12176781> > (доступ Jan. 29, 2015).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Российская газета. № 223. 05.10.2015.
3. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б. М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд. переработанное и дополненное — М.: Статут, 2017.
4. Гражданское право, Том 1, Общая часть, Суханов Е. А., 2011.

Правовой режим имущества супругов

Налимова Яна Алексеевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты регулирования правового режима имущества супругов. Определено, что для нашей страны характерно два правовых режима имущества супругов: договорный и законный.

Ключевые слова: имущество, брак, имущество супругов, брачный договор, законный режим имущества супругов.

In this article some aspects of regulation of a legal regime of property of spouses are considered. It is determined that our country is characterized by two legal regimes of property of spouses: contractual and legal.

Keywords: property, marriage, property of spouses, prenuptial agreement, legal regime of property of spouses.

На протяжении истории развития имущественных отношений супругов правовое регулирование подвергалось различным изменениям, в результате проведения которых изменялся объем имущественных прав супругов. Дохристианский период правовых норм в области семейного права подвергался изменению на основании языческих обычаев. В Древней Руси в брачно-семейные отношения органы публичной власти не вмешивались, письменных документов не существовало, а, следовательно, и отсутствовал законный режим имущества супругов.

Сегодня в нашем государстве закреплено два вида правового режима имущества супругов: законный и договорной.

Каким именно режимом будут регулироваться имущественные отношения, супруги вправе выбрать самостоятельно.

Правовое регулирование особенностей законного режима имущества супругов установлены в главе 7 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) [1].

Пределы действия законного режима имущества супругов определены ст. 33 СК РФ.

Понятие договорного режима имущества супругов в его предлагаемой вышеуказанной статьей интерпретации является более узким по сравнению с общеупотребительным, в известной мере, вытекающем, как уже отмечалось, из действующего законодательства, так как он распространяется, во-первых, не на все имущество, а на отдельные имущественные объекты; во-вторых, эти объекты уже должны быть в наличии, в то время как режим, устанавливаемый брачным договором, распространяется на имущество, которое, возможно, будет приобретено в будущем, если иное не предусмотрено брачным договором.

Таким образом, брачный договор, также как и другие имущественные договоры между супругами, может иметь узкую сферу действия и распространяться только на определенные объекты. Однако, в конечном итоге, предлагаемое в данной работе понятие договорного режима все-таки представляется более широким [5, с. 45].

В современных условиях законный режим имущества супругов не является жестко императивным, а основан также на диспозитивных началах. Иначе говоря, супруги, как любые граждане (физические лица), могут совершать между собой в рамках законного режима любые не запрещенные законом имущественные сделки, как закреплено в рамках ст. 17, 18, 22 Гражданского кодекса Российской Федерации, ст. 1 и 31 СК РФ.

Возможность заключения соглашения о разделе имущества закреплена в рамках ч. 2 ст. 38 СК РФ, которая обладает договорной природой. В ч. 2 ст. 39 СК РФ содержится норма, предоставляющая супругам возможность установить в договоре неравные доли каждого из них в общей совместной собственности при разделе имущества.

Необходимо учитывать, что ст. 38 и ст. 39 СК РФ следует толковать и применять во взаимосвязи. Это означает, что в рамках семейного законодательства, т.е. в рамках законного режима имущества супругов, определить на договорной основе неравные доли в имуществе супругов можно только при разделе имущества, в частности, в письменном нотариально удостоверенном соглашении о его разделе, поскольку, как известно, до раздела имущества общая совместная собственность супругов носит бездолевой характер, что является существенным признаком любой общей совместной собственности.

Следует отметить, что в ряде семейно-правовых актов сопредельных государств имеются указания на возможность заключения между супругами и других договоров в рамках действия законного режима их имущества [4, с. 106].

В то же время институт брачного договора содержит в себе и гражданско-правовой элемент, что подтверждается регулированием нормами ГК РФ возможностей его изменения и расторжения, а также признания недействительным. Этот факт является подтверждающим того, что брачный договор обладает гражданско-правовым характером [2].

Место брачного договора в системе семейного права определяется как способы и средства защиты имуще-

ственных прав, которые складываются между супругами. Данное значение брачного договора является единым для любой страны, независимо от ее отнесения к какой-либо правовой семье.

Осуществление регулирования имущественных отношений, складывающихся между супругами, осуществляется для официального закрепления института брачного договора на территории Российской Федерации, упрощая возможные судебные споры, возникающие при разделе совместно нажитого имущества.

В пользу семейно-правовой природы свидетельствует факт неразрывной связи брачного договора с таким особенным семейно-правовым институтом, как брак, только при заключении которого, брачный договор и может действовать. Это, в свою очередь, обуславливает и особенность субъектного состава брачного договора по сравнению с другими гражданско-правовыми договорами. Основная часть положений в брачном договоре обладает четко выраженной семейно-правовой природой.

Институт брачного договора в российском праве имеет смешанную правовую природу, в целом полностью соответствуя признакам гражданско-правового договора, но имея и свои семейно-правовые особенности, которые отсутствуют у других гражданско-правовых договоров.

Следовательно, для регулирования имущественных отношений супругов необходим сам факт регистрации отношений между мужчиной и женщиной, основанный на принципе добровольности сторон [6, с. 26].

Поэтому, считаем, что в ст. 5 СК РФ необходимо прямо предусмотреть не альтернативное, а факультативное применение гражданского законодательства по аналогии, т.е.

лишь в случаях отсутствия сходных норм, необходимых для разрешения конкретного дела, в семейном законодательстве.

Также, следует учитывать ряд условий, которые не могут быть включены в договор. В частности, к ним относятся условия, которые:

- ограничивают личные права супругов (их дееспособность, право на заключение сделок или обращение в суд);

- регулируют личные отношения супругов, например, предполагаемую длительность их брака или действия в случае измены;

- существенно ухудшают положение одной из сторон в сравнении с условиями действующего законодательства.

В том случае, если в документе будут присутствовать подобные положения, он сможет быть оспорен в судебном порядке и признан недействительным.

Итак, правовой режим имущества супругов определяется в двух формах: договорный и законный.

Договорный режим вытекает при условии наличия заключенного брачного договора, или брачного соглашения, а законный режим определяется совместно нажитым имуществом в период брака.

Считаем, что понятие правового режима имущества супругов в рамках ст. 33 установлено не точно, так как в нем отсутствует указание на общие средства супругов, потраченные на имущество.

Предлагаем изложить п. 1 ст. 33 СК РФ в следующей редакции: «Законный режим имущества супругов это их совместная собственность, нажитая в период брака, и приобретенная на совместные денежные средства (например, накопления)».

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30.11.1994 г. № 51 — ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Моисеева, Т. М. Совместная собственность супругов и (или) общее имущество супругов: анализ современного семейного и гражданского законодательства / Т. М. Моисеева // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 11. — С. 45–52.
4. Ладочкина, Л. В. Законный режим имущества супругов / Л. В. Ладочкина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2015. — № 7. — С. 106–112.
5. Чашкова, С. Ю. Способы защиты имущественных прав супругов: толкование положений семейного законодательства Конституционным Судом Российской Федерации / С. Ю. Чашкова // Семейное и жилищное право. — 2015. — № 5. — С. 26.

Продление конечного срока выполнения работ по договору строительного подряда

Николаев Николай Анатольевич, студент
Челябинский государственный университет

В статье рассматривается возможность продления конечного срока выполнения работ по договору строительного подряда.

Ключевые слова: договор строительного подряда, подряд, договор.

В настоящее время в случае отказа со стороны заказчика от продления сроков выполнения работ по договору строительного подряда, подрядчик обязан выполнить дополнительные работы по договору укладываясь в сроки, предусмотренные для выполнения основных строительных работ, которые были рассчитаны без учета времени на выполнения дополнительных работ (далее — общие сроки по договору).

Обязанность выполнения дополнительных работ подрядчиком в общие сроки по договору строительного подряда подталкивают подрядчика на увеличение скорости выполнения работ, что может негативно повлиять на качество строительных работ и безопасность выполнения строительных работ, а также привести к снижению безопасности и устойчивости объекта строительства.

Решить данную проблему можно с помощью законодательного закрепления условий при возникновении которых конечный срок выполнения работ по договору строительного подряда продлевается на определенное количество дней.

Рассмотрим подробнее статьи Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), регулирующие права и обязанности сторон, возникающие при выявлении дополнительных работ по договору строительного подряда.

Согласно п. 5 статьи 709 ГК РФ если возникла необходимость в проведении дополнительных работ и по этой причине в существенном превышении определенной приблизительно цены работы, подрядчик обязан своевременно предупредить об этом заказчика. Подрядчик, своевременно не предупредивший заказчика о необходимости превышения указанной в договоре цены работы, обязан выполнить договор, сохраняя право на оплату работы по цене, определенной в договоре [2].

В статье 709 ГК РФ описан процесс извещения заказчика о необходимости выполнения дополнительных работ, установлен порядок предупреждения заказчика, описаны риски которые берет на себя подрядчик, вовремя не предупредивший заказчика, закреплено право заказчика на отказ от договора при несогласии об увеличении стоимости договора, вызванной необходимостью выполнения дополнительных работ.

Согласно п. 1 статьи 744 ГК РФ, заказчик вправе внести изменения в техническую документацию без согласования дополнительного соглашения к договору строи-

тельного подряда, при условии, если вызываемые этим дополнительные работы по стоимости не превышают десяти процентов указанной в смете общей стоимости строительства и не меняют характера предусмотренных в договоре строительного подряда работ.

Требование по предупреждению заказчика со стороны подрядчика содержится в п. 1 статьи 716 ГК РФ, согласно которому подрядчик обязан немедленно предупредить заказчика и до получения от него указаний приостановить работу при обнаружении:

- непригодности или недоброкачества предоставленных заказчиком материала, оборудования, технической документации или переданной для переработки (обработки) вещи;

- возможных неблагоприятных для заказчика последствий выполнения его указаний о способе исполнения работы;

- иных не зависящих от подрядчика обстоятельств, которые грозят годности или прочности результатов выполняемой работы либо создают невозможность ее завершения в срок [2].

За нарушение данных обязанностей подрядчик, продолживший выполнение работ, не дожидаясь ответа от заказчика, утрачивает право ссылаться на указанные обстоятельства при предъявлении им или к нему со стороны заказчика соответствующих претензий [2].

Таким образом, подрядчик обнаруживший необходимость выполнения дополнительных работ, не предусмотренных договором, невыполнение которых грозит годности или прочности результатов выполняемой работы, обязан предупредить заказчика и до получения от него указаний приостановить работу. Заказчик со своей стороны в сроки указанные в договоре, а при их отсутствии в течение разумного срока направляет подрядчику свое согласие или не согласие в необходимости выполнения дополнительных работ.

Разумный срок на ответ подрядчику — понятие неоднозначное, и в каждой конкретной ситуации будет определяться индивидуально.

Таким образом, выполняя все обязанности по предупреждению заказчика о необходимости выполнения дополнительных работ, невыполнение которых грозит годности или прочности результатам выполняемой работы, и приостанавливая работы на период ожидания ответа от заказчика, подрядчик оказывается в ситуации искусствен-

ного сокращения срока, необходимого для строительства объекта, и в случае отказа со стороны заказчика в продлении срока окончания строительства, рискует не построить объект в срок, указанный в договоре.

Согласно п. 1 статьи 744 ГК РФ законодатель наделил заказчика правом поручать дополнительный объем работы подрядчику по стоимости в пределах десяти процентов от сметной стоимости строительства, что в свою очередь ведет к дополнительной нагрузке на подрядчика так, как подрядчику необходимо будет выполнить дополнительный объем работ в установленный договором срок, который был рассчитан без учета времени, необходимого для выполнения дополнительных работ.

В случае нарушения конечного срока выполнения работы, согласно п. 3. статьи 708 ГК РФ для подрядчика наступают последствия просрочки исполнения, указанные в пункте 2 статьи 405 ГК РФ [1].

Вышеуказанные условия ставят подрядчика в жесткие рамки так, как подписывая договор подрядчик рассматривает объем работ, указанный в договоре и оценивает хватит ли ему производственных ресурсов для успешного завершения работы в указанный в договоре срок, в который не включены сроки согласования и непосредственного выполнения непредвиденных дополнительных работ, данное условие подталкивают подрядчика на увеличение скорости выполнения работ, что может негативно повлиять на качество строительных работ, безопасность выполнения строительных работ, а также привести снижению безопасности и устойчивости объекта строительства.

Решить данную проблему можно в случае законодательного закрепления таких условий, как:

1. В случае согласования заказчиком необходимости выполнения дополнительных работ, невыполнение которых грозит годности или прочности результатов вы-

полняемой работы, конечный срок выполнения договора смещается в сторону увеличения, соразмерно количеству дням, на которое подрядчик приостановил работы для ожидания ответа от заказчика на уведомление о необходимости выполнения дополнительных работ, а также на количество дней, необходимое для выполнения дополнительных работ согласованное заказчиком.

2. В случае существенного превышения цены договора, вызванного необходимостью выполнения дополнительных работ, конечный срок выполнения договора смещается в сторону увеличения соразмерно количеству дней затраченных на согласование дополнительного соглашения к договору, а также на количество дней необходимое для выполнения дополнительных работ согласованное заказчиком.

3. В случае поручения заказчиком подрядчику выполнение дополнительного объема работы по стоимости не превышающей десяти процентов от сметной стоимости строительства, конечный срок выполнения договора смещается в сторону увеличения соразмерно количеству дней необходимому для выполнения дополнительных работ.

4. В остальных случаях указанные в договоре подряда начальный, конечный и промежуточные сроки выполнения работы могут быть изменены в случаях и в порядке, предусмотренных договором.

Закрепление на законодательном уровне вышеуказанных условий способствует определению установлению конечного срока выполнения работ по договору строительного подряда с учетом выполнения дополнительных работ, следовательно подрядчику не потребуется увеличивать скорость выполнения работ, что способствует качественному выполнению строительных работ, повышению безопасности выполнения строительных работ, а также способствует повышению безопасности и устойчивости объекта строительства.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 2004 года № 51-ФЗ часть первая (ред. от 18.07.2019) // [Электронный ресурс] // URL — http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 30.10.2019);
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 2004 года № 51-ФЗ часть вторая (ред. от 18.03.2019) // [Электронный ресурс] // URL — http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/#dst0/ (дата обращения 30.10.2019).

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 44 (282) / 2019

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 13.11.2019. Дата выхода в свет: 20.11.2019.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.